

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. Н. О. ОСМАНОВ

Ф И Р Д О У С И

*Музы
и творчества*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1959

Ответственный редактор
член-корреспондент АН Таджикской ССР
И. С. Брагинский

ОТ АВТОРА

Работая над книгой, я часто обращался за советами к члену-корреспонденту АН СССР Е. Э. Бертельсу, ныне покойному. Помня его отзывчивость и доброжелательность, всегда буду признателен этому большому ученому, преждевременная смерть которого является тяжелой утратой для востоковедения.

Считаю своим долгом поблагодарить профессора А. А. Старикова за неоценимую помощь и постоянные консультации. При рецензировании книги мне во многом помогли А. Е. Бертельс и С. И. Липкин, которым также приношу благодарность.

Так как книга рассчитана на широкий круг читателей, большинство выдержек из «Шах-наме» дается в поэтических переводах. Лишь там, где необходима предельная точность (разделы о биографии Фирдоуси и стилистических особенностях «Шах-наме»), я пользуюсь своим прозаическим переводом.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более тысячи лет назад, около 940 г., недалеко от провинциального города Туса (ныне город Фирдоус в Иране) родился великий поэт Абулкасим Фирдоуси, автор поэмы «Шах-наме» («Книга о царях»). Фирдоуси — литературный псевдоним поэта, Абулкасим («отец Касима») — почетное прозвище, которое мусульмане давали уважаемому лицу, обычно прибавляя имя сына к слову «отец» (абу). Собственное имя поэта и точный год его рождения неизвестны.

Поэма Фирдоуси написана на языке фарси, к которому восходят современные персидский и таджикский языки, и поэтому она в равной мере является культурным достоянием народов Ирана, Таджикистана и Афганистана. Классическая поэзия на фарси сложилась в Мавераннахре (Среднеазиатское Междуречье) и Хорасане (Восточный Иран и Северо-Западный Афганистан) — там, где жили предки современных таджиков, персов и афганцев. Достигнув в X в. блестящего развития, эта поэзия положила начало таджикско-персидской классической поэзии, которая вплоть до XVI в. была по существу единой.

Поэма Фирдоуси была вызвана к жизни историческими условиями, сложившимися в государстве Саманидов X в.¹ Эмиры из династии Саманидов правили громадным государством, возникшим в конце IX в. в результате более чем двухвековой борьбы народов Средней Азии против владычества арабского халифа-

¹ Саманиды — знаменитый феодальный род, названный по имени основателя рода Самана. В государство Саманидов входили Средняя Азия и Хорасан.

та. Но уже во второй половине X века держава Саманидов стала клониться к упадку. Саманидам пришлось бороться с сепаратизмом феодалов и военачальников внутри страны и с тюркскими кочевыми племенами, вторгшимися извне. Спустя век после своего блистательного возвышения династия Саманидов прекратила существование.

Весь этот период был насыщен непрерывной борьбой, в процессе которой представители старинных родов, утверждавшие, что они происходят от легендарных царей древнего Ирана, стали обращаться к героическому прошлому народа, увековеченному в легендах и сказаниях. Они стремились воскресить былую славу предков, пробудить в соотечественниках героический дух прошлого. Предания старины призывали к борьбе с врагами иранских народов, воспевали доблесть и отвагу богатырей, защищавших родную землю.

Передовые люди призывали соотечественников сплотиться для борьбы с врагами отчизны. В «Шах-наме» воплотился патриотизм народа.

Поэт работал над «Шах-наме» тридцать пять лет. За эти годы он претерпел много невзгод, но его вера в конечную победу добра над злом не ослабевала.

Фирдоуси был последователем таджикско-персидской поэтической школы X в. Ее влияние сказалось в идеях, темах, а также изобразительных средствах поэмы. В свою очередь поэт оказал огромное влияние на развитие таджикско-персидской литературы. Он выработал каноны эпического сказа. Низами, Саади, Джами преклонялись перед гением Фирдоуси.

Цель этой книги познакомить широкие круги читателей с эпохой, жизнью и творчеством Фирдоуси.

Достоверных исторических сведений о Фирдоуси немного; мы вынуждены для воссоздания его образа привлекать и легенды о жизни поэта. Они рисуют его облик таким, каким он остался в памяти народа.

ЭПОХА И ЖИЗНЬ ФИРДОУСИ

В середине VII в. началась экспансия арабов-кочевников, возглавляемых племенной знатью. В результате длительных завоевательных войн, которые велись под лозунгами ислама — новой религии, основанной Мухаммедом, — возник арабский халифат — огромное государство с халифом во главе. В состав этой державы вошли многие земли Византийской империи и весь Иран, где правила династия Сасанидов. Последний сасанидский шах Йездигерд III в течение десяти лет безуспешно пытался противостоять войскам халифа Омара. Растеряв в сражениях армию и свиту, он в 651 г. был убит под Мервом. Со смертью Йездигерда III Иран прекратил организованное сопротивление и был без особых усилий покорен арабскими войсками. Так закончилось более чем четырехсотлетнее существование могущественной империи Сасанидов.

Во время дальнейших завоевательных войн халифат столкнулся со значительными затруднениями, особенно при захвате Средней Азии. Самарканд, Бухара, Пайкенд оказали арабам сильное сопротивление и по нескольку раз переходили из рук в руки. Даже успешные походы талантливого арабского полководца Кутайбы ибн Муслима (убит в 715 г.) не привели к прочному закреплению власти халифа над Средней Азией. Вслед за мощным народным восстанием Муканны, подавленным халифатом с большим трудом в 784 г., в начале IX в. одновременно восстали Рафи ибн Лайс в Самарканде и Хамза Хариджи в Систане¹.

¹ Систан — область на севере Ирана.

Эти восстания и раздоры между сыновьями халифа Харун ар-Рашида ослабили мощь халифата. Багдадские халифы из династии Аббасидов уже не могли без помощи местной знати справиться с покоренными странами, и халиф Мамун (809—833)² был вынужден назначать на должности наместников представителей древних иранских родов. Самым могущественным в это время в халифате был феодал Тахир, которого Мамун назначил наместником восточных областей.

В своих владениях Тахириды (821—873) — наследники Тахира — были по сути дела полновластными правителями и зависели от халифата только условно: они платили лишь ежегодно в его казну определенную сумму денег, полученных от сбора податей, и официально признавали его верховную власть. Но полностью освободиться от этой власти у них не хватало сил. Как сообщается в источниках, едва основатель династии Тахир отдал приказание, чтобы в торжественной молитве не упоминали имени халифа, как он был отравлен агентами последнего.

Пришедшая на смену Тахиридам династия Саффаридов (873—900), названная так по прозвищу ее основателя Якуба ибн Лайса Саффара (873—879), проводила иную политику. Якуб не признавал верховной власти халифа и пытался создать независимое государство. Он неоднократно воевал с халифом и даже совершил поход в Ирак.

Иранская знать приняла религию завоевателей — ислам и стала пользоваться арабским языком в письменной литературе. Иранские аристократы были недовольны засильем арабской знати, которая кичилась тем, что из арабов происходил пророк Мухаммед. Оппозиционные настроения иранской знати нашли выражение в шуубизме³. Ссылаясь на Коран и религиозные предания, шуубиты провозглашали равенство всех народов после принятия ими ислама. Шуубиты вспоминали доисламское прошлое и утверждали, что пред-

---

² При именах царствовавших лиц (халифов, султанов, эмиров и т. д.) и при наименованиях династий в скобках указываются годы правления.

³ От арабского слова «шууб» («народы»).

ки арабов по уровню цивилизации стояли много ниже древних иранцев.

Чтобы продемонстрировать культурные достижения своих предков, иранские шуубиты указывали на древние дворцы персидских царей и священную книгу «Авеста», а также переводили на арабский язык с пехлевийского (среднеперсидского) и других среднеиранских языков различные книги. Так, были переведены свод эпических сказаний «Хватайнамак» (пехлевийски «Книга о царях»), «Жизнеописание Ардашира», «Қалила и Димна», «Рустам и Исфандияр» и др. Шуубиты игнорировали большие культурные достижения оседлых арабов.

Из шуубитов происходили некоторые талантливые поэты: выходец из Согда (область Самарканда) Хурейми (умер в 816 г.), уроженец Тохаристана (область Балха) Баишар ибн Бурд (710—784) и Мутаваккили (вторая половина IX в.).

Хурейми в своих стихах восхвалял достоинства иранцев, их достижения в области культуры.

Шуубитские настроения были особенно распространены при дворе Тахиридов. Придворные панегиристы превозносили величие Тахиридов, восхваляли их доблесть и справедливость. У Саффарида Якуба ибн Лайса были также придворные панегиристы. Представление о темах шуубитской литературы и об отношениях между халифатом и Саффаридами дает памфлет поэта Мутаваккили, написанный от имени саффаридского правителя Якуба и адресованный халифу Мутамиду (870—892). В нем говорится:

Я — потомок благородных из рода Джама
И средоточие наследия царей Аджама⁴.

Я воскрешаю их исчезнувшую мощь,
А ведь долгие века стерли память о них!

Я жажду открыто отомстить за них.
Кто забыл об их правах? Я не забыл!

Иные люди заботятся лишь о своих наслаждениях,
У меня помыслы благородны.

---

⁴ А д ж а м в данном контексте — Иран, вообще — области халифата, населенные неарабами.

Объединяя страну и централизуя власть, они встретили противодействие халифа и саффаридского правителя Амра ибн Лайса (879—900), который после смерти своего брата Якуба вынужден был вновь признать верховную власть халифата. Халиф Мутаид (892—902) пытался натравить Саффаридов на Саманидов и ослабить тех и других. Для этого он отправил Амру ибн Лайсу грамоту на владение Мавераннахром (т. е. северо-восточными окраинами халифата), которым уже правили Саманиды. Амр решил завоевать Среднюю Азию и покорить Саманидов. Он собрал большое войско и двинулся в Среднюю Азию.

Саманидский правитель Бухары Исмаил (892—907), узнав о вторжении в Среднюю Азию войск Амра, вооружил городских ремесленников, так как он не надеялся на силу своей дружины. Вот что пишет об этих событиях историк X в. Наршахи: «Когда эмир Исмаил получил известие, что Амр ибн Лайс готовится к войне, он собрал своих воинов, выдал им довольствие и проявил к ним внимательность во всем. Благородным, простолюдинам, ткачам — всем он выдал довольствие. Знатным людям это очень не понравилось, и они говорили: „С таким вот войском он хочет сразиться с Амром ибн Лайсом!“»

Исмаил накануне похода обратился с речью к подданным, призывая их к защите страны. Об этом говорится в одном историческом сочинении: «Исмаил ибн Ахмад в Мавераннахре велел глашатаям кричать: „Явился Амр, чтобы захватить Мавераннахр, убивать людей, грабить имущество и обращать в рабство детей и женщин“. Все это было так, и все мужчины Мавераннахра стали на сторону Исмаила и отправились на войну с Амром со словами: „Лучше славная смерть, чем рабство“».

В битве с Амром Исмаил благодаря участию народного ополчения одержал блестящую победу, после которой власть Саманидов окончательно укрепилась в Средней Азии.

Исмаил Саманид централизовал власть, усмирил полунезависимых феодалов и облегчил участь труженников. Так, Исмаил освободил жителей Бухары от уп-

латы тяжелой подати на возведение стен, ограждающих Бухарский оазис от вторжения кочевников. Как пишут авторы хроник, Исмаил заявил при этом: «Я — стена Бухары».

Однако эти мероприятия, конечно, не привели к коренному улучшению положения трудового народа, о чем и свидетельствует вспыхнувшее уже в 907 г. восстание против Исмаила. Большинство участников этого выступления составляли пастухи и земледельцы.

В 913 г. началось восстание хариджитов⁸ в Систане, но вскоре оно было подавлено. В следующем году, когда саманидского эмира Ахмада убили солдаты его же гвардии, систанские хариджиты вновь восстали. При эмире Насре (914—943) в Саманидском государстве под руководством Хусейна ибн Али Марвази произошло мощное восстание карматов⁹, подавленное в 918 г. Участились также феодальные междоусобицы и распри саманидских эмиров.

В годы царствования эмира Нуха I (943—954) в державе Саманидов происходили постоянные междоусобные войны. Не прекращались стычки между войсками эмира и его вассала Абу Али Чагани. В 949 г. вспыхнуло народное восстание, которое было быстро подавлено. До конца X в. Саманидская держава все еще оставалась одной из самых могущественных на Ближнем Востоке. Багдадские халифы — духовные руководители большей части мусульманского мира — покровительствовали Саманидам, прикаспийские владельцы искали союза с ними, могущественные правители Западного Ирана — Буиды с опаской взирали на военные и политические успехи бухарских эмиров.

В это время происходило бурное развитие таджикско-персидской поэзии. По-видимому, еще в детстве Фирдоуси ознакомился со стихами родоначальника литературы на фарси — великого поэта Рудаки и

---

⁸ Хариджиты — приверженцы религиозных сект, не признававших наследственности верховной власти и выступавших против захвата богатств знатью. Хариджитские секты существовали в разных частях халифата.

⁹ Карматы — приверженцы еретического учения в исламе, распространенного в X—XI вв. в странах халифата.

его ближайших учеников: автора дидактической поэмы «Афарин-наме» Абу Шукура Балхи (родился в 916 г., умер во второй половине X в.) и лирика Шахида Балхи (умер в 941 г.).

Одновременно с расцветом поэзии в 30-е и 40-е годы X в. пробуждается интерес к эпическим сказаниям иранских народностей. Образованные люди записывали сказания, собирали старые материалы, соединяли отдельные повести и легенды в своды. Именно в годы юности Фирдоуси происходило составление эпических сводов Абу Мансуром (957), Абулмуайядом Балхи (до 963 г.), Масудием Марвази (до 955 г.) и др. Так называемый «Абу Мансуров свод» был составлен на родине Фирдоуси — в городе Тусе. Собирателям сказаний покровительствовали Саманиды и их вассалы, так как понимали, что легенды и сказания, проникнутые любовью к родной земле, воспевающие мужество, смелость, воинские подвиги, помогают сплотить внутренние силы страны для борьбы против халифата и угрожавших стране тюркских кочевых племен.

Были у феодалов и другие соображения, по которым они поощряли собирание легенд. Стремясь придать своей династии видимость законно наследованной власти, правители пытались доказать, что ведут происхождение от древних мифических царей.

Собирателями преданий в основном были дикканы — представители родовой знати. Многие из них к X в. обеднели и вынуждены были сами обрабатывать свою землю. Такая участь постигла и отца Фирдоуси.

Еще в молодости Фирдоуси получил во владение небольшое имение; но он не стал заниматься хозяйством, а посвятил себя собиранию эпоса. Он разыскивал разные записи легенд, слушал сказителей преданий, сличал древние мифы и перелагал их в стихи.

Это была смутная пора правления Саманидов Абдулмалика (954—961) и Мансура (961—976). В их царствование усилилось влияние тюркской гвардии гулямов¹⁰. Некоторые предводители гулямов захватыва-

---

¹⁰ Гулямы — воин-гвардеец. Гулямы с детства проходили военную выучку.

ли целые области, обосновывались в них и постепенно превращались в независимых феодальных правителей. Один из таких военачальников — Алптегин не поладил с Саманидами, собрал своих приверженцев и укрепился в 962 г. в Газне (на территории нынешнего Афганистана). Через несколько десятилетий его княжество выросло в могущественную державу. Эмиру Мансуру удалось усмирить мятежных феодалов, но после его смерти Саманидское государство уже не могло справиться со вспыхивавшими смутами.

Судя по многочисленным высказываниям самого Фирдоуси, ему было 35 лет, когда он приступил к написанию «Шах-наме» (около 975 г.). Он как бы продолжил начатое Дакики изложение эпических сказаний в стихах. Однако талантливый Дакики был убит примерно в 977 г., успев написать всего около тысячи бейтов (двустуший). Их Фирдоуси полностью включил в свою поэму.

Когда Фирдоуси приступил к работе, у него, по-видимому, были какие-то средства к существованию, и он не нуждался в помощи. Однако вскоре хозяйство его пришло в упадок, и постепенно он совсем разорился. Об этом поэт говорит в многочисленных лирических отступлениях, разбросанных по всей поэме. О тяжелом материальном положении Фирдоуси можно судить по следующим стихам:

Надвинулась туча, померкла луна,
И снег начал падать, и туча черна.

Ни гор не видать, ни реки — всюду мгла,
Впотьмах не увидишь воронья крыла.

Ни дров, ни соленого, ни ячменя —
До жатвы ни зернышка нет у меня.

Потемки, поборы, крутая пора;
От снега земля — костяная гора.

Вверх дном все дела опрокинулись вдруг.
Когда бы хоть чем-нибудь выручил друг! *

Когда Фирдоуси было 65 лет, у него умер единственный сын. Об этом поэт написал в трогательной

---

* Перевод М. Лозинского.

элегии, вставленной в виде лирического отступления
в дастан¹¹ «Бахрам Чубин»:

Вот жизнь прошла, мне шестьдесят шестой,
Не надо мне гоняться за тщетой.

Отцу о смерти сына думать надо,
И в этой думе будет мне отрада.

Был мой черед покинуть этот свет,
А милый сын ушел во цвете лет.

Спешу тебе навстречу, друг далекий,
А встречусь — выскажу свои упреки:

«Был мой черед, а ты в расцвете сил
Ушел и разрешенья не спросил.

Ты защищал от бед отца родного,
Но ты ушел от спутника седого.

Не потому ли от меня ушел,
Что молодого спутника нашел?»

Тридцать седьмой зимы не пережил он,
Обманутый в мечтах, уйти решил он.

Он постоянно был суров со мной...
Не в гневе ль ныне стал ко мне спиной?

Но он ушел, а боль со мной осталась,
Мне тяжкая тоска в удел досталась.

Ушел он, и теперь в садах творца
Он выбирает место для отца.

Увы, никто не приходил оттуда,
Ни разу не было такого чуда!

Он смотрит на меня, он ждет меня,
Он сердится: задерживаюсь я.

Я медлю, он торопится в дорогу,
Со стариком идти не может в ногу.

Я стар, он молод, я — отец, он — сын,
Но, не спросившись, он ушел один.

Что сберегли мы от земного дела?
Душа да будет панцирем для тела!

Прошу я милосердного творца,
Насытившего чистые сердца,

Чтоб все твои грехи тебе простил он,
Чтоб дух твой омраченный просветил он*.

¹¹ Дастан — эпическая повесть, поэма.

* Перевод С. Липкина.

Некоторые любители поэзии старались облегчить положение Фирдоуси. Один знатный вельможа помог поэту получить эпический свод; другой помогал ему переписывать текст, а сборщик податей Туса освободил его от налогов. Поэт с благодарностью пишет об этих людях.

Но трудности и тяжелые переживания не сломили духа Фирдоуси. Поэт упорно продолжал трудиться — собирал новые сказания и объединял их в дастаны. На книгу он возлагал все надежды и полагал, что вознаграждение за титанический труд обеспечит ему в старости заслуженный покой. В поэме Фирдоуси часто говорил об этом:

Я сложил эту прекрасную книгу
О давних событиях со слов правдивых мужей,
Чтобы в дни старости принесла она мне плоды,
Чтобы завоевала мне величие, богатство и венец.

Некоторые авторы так называемых «тазкира»¹² считают, что Фирдоуси приступил к созданию «Шахнаме», желая разбогатеть. Но побуждения поэта отнюдь не были узкоматериальными. В конце «Шахнаме» автор дал следующую оценку своему труду:

Когда окончится эта славная книга,
Вся земля наполнится слухом обо мне.
Не умру я после этого, я буду жив,
Так как посеял семена слов.
Те, у кого есть разум, рассудительность и вера,
После моей смерти воздадут мне хвалу.

В другом месте поэмы Фирдоуси говорит, что потомки будут благодарны ему за то, что он воспел в стихах родную страну:

Я непрестанно молю творца-судию
Даровать мне возможность и время

---

¹² Т а з к и р а — средневековые антологии, сборники поэтических произведений различных авторов. В них также приводились сведения о жизненном пути поэтов.

Оставить в мире поэму,
Основанную на этих древних сказаниях.

Каждый, кто правдив в речах,
Помянет меня лишь добром.

И на том свете она — мой заступник,
Ибо она — острый меч и громкий голос.

А следующий отрывок напоминает нам известный мотив «Памятника» Горация и Пушкина:

Я трудился, как раб, о государь,
Чтобы обо мне осталась в мире память.

Великолепные строения разрушаются
От дождя и солнечных лучей,

Я же воздвиг из стихов величественный дворец,
Которому не повредят ни ветер, ни дождь.

Над этой книгой пройдут года,
И тот, кто обладает разумом, будет читать ее.

В 994 г. Фирдоуси закончил первый вариант поэмы. Эта точная дата зафиксирована в конце «Шах-наме». Правда, сейчас трудно выяснить, какие части и эпизоды входили в первый вариант поэмы, но некоторые авторские высказывания позволяют сделать определенные выводы. Поскольку 994 год указан в разделе, посвященном гибели Йездигерда III (т. е. в конце книги), можно заключить, что первая редакция содержала мифы, сказания и версифицированную хронику от первого человека до падения династии Сасанидов. Но в той редакции содержались не все эпизоды и главы, которые имеются в окончательном варианте. Об этом свидетельствуют упоминания автора: один раз о том, что ему исполнилось 60 лет, другой — 63 года, третий — 66 лет и т. д. Все эти высказывания включены в главы в середине поэмы. Следовательно, эти главы вставлены в поэму много позднее окончания первого варианта, законченного поэтом, как мы уже говорили, в возрасте примерно 55 лет.

Фирдоуси не получил вознаграждения за «Шах-наме». Купить такое произведение мог только могущественный и богатый властитель. Мелкие правители не в состоянии были уплатить за него, да и не осмели-

лись бы приобрести поэму, чтобы не вызвать гнев верховного властителя. Саманиды же в это время были поглощены борьбой за восстановление утраченного положения; в 992 г. их столица Бухара была взята предводителями племен Семиречья — Караханидами. В таких условиях Саманидам было не до покровительства литературе. Между тем на смену Саманидам выдвинулась династия Газневидов (по названию столицы их государства — Газны). Как раз в 994 г. Махмуд был назначен Саманидами наместником Хорасана. Однако политика газневидских властителей, Сабуктегина и Махмуда, еще не определилась, и поэт не знал, как они, тюрки по происхождению, отнесутся к «Шах-наме», в которой он призывал иранские народы и племена к единению.

В поэме есть стихи, описывающие события этого периода:

В то время не прекращались войны,
Земле было тесно от помогающих власти.

Я провел это время в ожидании,
Книгу свою хранил я в тайне,

Ибо не видел достойного человека,
которому можно было бы посвятить ее,
Жоторый мог бы помочь мне дописать книгу.

Караханиды не смогли долго удержаться в Бухаре. После смерти их правителя Богра-хана они вернулись в Семиречье, а Саманиды вновь заняли свою столицу. Газневиды признали верховную власть Саманидов и помогли им подавить мятежи и междоусобицы. В стране наступило относительное спокойствие. Однако вскоре мир был нарушен. В 997 г. умерли саманидский эмир Нух II (976—997) и правитель Газны — Сабуктегин (977—997).

В стране снова началась смута. Соперничавшие с Махмудом Газневидом военачальники Фаик и Бектузун ослепили нового эмира Мансура II (997—999) и возвели на престол его дядю. Махмуд объявил себя мстителем за Мансура, выступил против нового правителя, овладел Хорасаном и перестал признавать вассальную зависимость от Саманидов. Он стал полно-

властным правителем огромной державы (с 999 до 1030 года).

История Саманидов поучительна в следующем отношении. В момент основания государства, когда Саманидам угрожал Амр ибн Лайс, они победили могущественного противника благодаря поддержке городских низов Бухары. Спустя 92 года, когда к столице подступили караханидские войска, Саманиды вновь обратились за помощью к жителям города, но теперь их призыв остался без отклика, и Бухара была взята противником. Объясняется это тем, что Саманиды не оправдали надежд, которые возлагал на них народ. Они не смогли продолжать политику своего талантливого предка Исмаила. Саманиды не сумели ни отразить нашествия иноземных поработителей, ни усмирить феодалов, ни прекратить беззакония государственных чиновников. Народ не оказал Саманидам поддержки в критический момент, и это послужило основной причиной распада и гибели их державы.

Появление Махмуда на исторической арене отмечено в «Шах-наме». Правда, мы не знаем, к какому году относится это упоминание у Фирдоуси—к 994 г., когда Махмуд был назначен наместником Хорасана, к 997 г., когда он выступил против Саманидов, или к 999 г., когда стал полновластным правителем огромного государства.

Новый властелин старался забыть о своем тюркском происхождении. Он выдавал себя за продолжателя дела Саманидов и требовал от придворных историков доказательств того, что его род ведется от древних (мифических) иранских царей. Таким образом, Махмуд фактически объявил себя преемником иранских шахов, воспетых в «Шах-наме».

Фирдоуси окончил вторую редакцию «Шах-наме» после 1010 г. Поэму он посвятил султану Махмуду. Точно не установлено, сам Фирдоуси ездил в Газну или он отправил свое произведение через другое лицо. Махмуду не понравилось это гениальное творение. Автор XII века Низами Арузи пишет, что приближенные Махмуда обвинили Фирдоуси в ереси и вольно-

думстве. Махмуд уплатил за поэму значительно меньше, чем рассчитывал получить Фирдоуси. Дальнейшие события в легенде описаны так: Фирдоуси получил 20 тысяч дирхемов; обиженный столь незначительной оплатой, он отправился в баню, выпил там шербета, а султанские деньги поровну разделил между банщиком, продавцом шербета и гонцом.

После этого жить в Газне было опасно, и Фирдоуси в ту же ночь бежал в Герат, где остановился в доме Исмаила Варрака — отца поэта Азраки. Здесь Фирдоуси скрывался шесть месяцев, ожидая, пока посланные Махмуда, искавшие поэта в Тусе, вернутся в Газну. Убедившись, что ему уже не угрожает опасность, Фирдоуси из Герата возвратился в Тус, а оттуда, захватив с собой «Шах-наме», направился в Табаристан к князю Шахрияру из династии Бавендидов, ведущему род, как утверждает легенда, от Йездигерда Сасанида.

Фирдоуси написал сатиру в сто бейтов на Махмуда и поместил ее в начале книги. Он прочитал сатиру Шахрияру и сказал: «Я посвящу эту книгу тебе, а не Махмуду, ибо в ней описаны деяния и подвиги твоих дедов».

Шахрияр ответил: «О учитель! Недоброжелатели оклеветали тебя перед Махмудом и не представили в истинном свете твою книгу. К тому же ты шиит¹³. А тому, кто почитает потомков пророка, нет счастья в этом мире. Махмуд — мой сюзерен; оставь посвящение „Шах-наме“ ему, сатиру же отдай мне, я уничтожу ее и вознагражу тебя. Махмуд впоследствии раскается и призовет тебя. Труды, потраченные на такую книгу, не пропадут даром».

Далее в легенде рассказывается, что на другой день Шахрияр послал Фирдоуси 100 тысяч дирхемов и поручил сказать: «Покупаю каждый бейт сатиры за тысячу дирхемов. Отдай мне эти сто бейтов и примиришься с Махмудом».

---

¹³ Ш и и т ы — последователи религиозного направления, признававшего права на власть в халифате только за потомками пророка Мухаммеда и его зятя Али.

Фирдоуси отослал эту сатиру Шахрияру, и тот приказал уничтожить ее. В сочинениях Низами Арузи из сатиры Фирдоуси сохранились лишь шесть бейтов:

Меня обвинили: «Этот мастер слова
Состарился в любви к пророку и Али».

А если уж говорить им о любви моей,
То я выше сотни Махмудов.

Рожденный рабыней¹⁴ не может быть доблестным,
Даже если отец его будет государем.

Сколько же нам говорить об этом?
Нет предела моим знаниям, как и морю.

Не было у шаха способности творить добро,
А то он посадил бы меня на престол.

Поскольку род его был не из великих,
Он не мог слышать о великих деяниях.

«Воистину Шахрияр оказал Махмуду великую услугу, и Махмуд всегда благодарил его», — этими словами кончается легенда.

Как мы уже говорили, достоверность поездки Фирдоуси в Газну не доказана. Очевидно, сообщение Низами Арузи является лишь поэтической легендой, созданной для возвеличения автора «Шах-наме». Некоторые сведения Низами Арузи могут быть легко опровергнуты. Например, Фирдоуси не мог остановиться в доме отца Азраки, так как этот поэт жил значительно позже описываемых событий (умер около 1227 г.).

Сомнительно также, что процитированные шесть бейтов принадлежат Фирдоуси, как неясен и весь эпизод о сатире на Махмуда.

Однако, как свидетельствуют источники, непризнание султаном Махмудом творения Фирдоуси никем не оспаривалось. Не только Махмуд, но и его придворные поэты встретили «Шах-наме» недоброжелательно, чтобы угодить повелителю и избавиться от опасного конкурента. В касыдах — одах придворные поэты Унсури и Фаррухи полемизировали с Фирдоуси. Они утверж-

---

¹⁴ Намек на то, что мать Махмуда была рабыней.

дали, что бессмысленно описывать подвиги давно умерших воинов, когда есть много живых героев в войске султана Махмуда¹⁵. Фирдоуси даже обвинили в том, что он идеализирует зороастрийцев (сторонников древней религии Ирана), т. е. в явной ереси.

Столкновение Фирдоуси с панегиристами Газневидов нашло также отражение в легенде, которая сохранилась в «Космографии» (1276) Закарья Казвини, в «Избранной истории» (1330) Хамдаллаха Казвини и у других авторов.

Однажды Фирдоуси, находясь в Газне (куда он бежал от преследований местного правителя), пошел погулять в степь. Унсури, занимавший, согласно преданию, должность «князя поэтов» при дворе Махмуда, Фаррухи и Асджади сидели на берегу реки. Фирдоуси подошел к ним. Разодетые одописцы были шокированы простым деревенским одеянием Фирдоуси и высокомерно заявили ему, что в их круг может вступить только поэт. Фирдоуси ответил, что он тоже поэт. Тогда Унсури произнес стих, а Фаррухи и Асджади продолжили, подобрав еще две рифмы. Полагая, что четвертое полустиише сочинить невозможно, они предложили это сделать Фирдоуси.

Унсури сказал: «Даже солнце не светит, как твое лицо».

Фаррухи сказал: «С твоим лицом не сравнится роза в цветнике».

Асджади сказал: «Твои ресницы пронзают кольчугу».

Фирдоуси сказал: «Словно дротик Гива в схватке с Пашаном»¹⁶.

Поэты были поражены тем, что Фирдоуси смог сочинить полустиише, и поневоле вынуждены были признать его талант.

Конфликт между грозным султаном и гениальным поэтом отражен еще в одной легенде, сохранившейся в «Истории Систана». Приводим ее дословно: «Фирдоуси написал „Шах-наме“ в стихах и посвятил сул-

---

¹⁵ Об этой полемике есть неопубликованная статья покойного Е. Э. Бертельса, с которой в свое время автор нам любезно разрешил ознакомиться.

¹⁶ Рифмующиеся слова — фаушан, джаушан, гулшан, Пашан.

тану Махмуду. Он читал книгу султану несколько дней.

— Все „Шах-наме“ — это ничто, — сказал султан, — разве только за исключением сказаний о Рустаме. А в моем войске тысячи таких мужей, как Рустам.

— Да продлится жизнь падишаха! — ответил Фирдоуси. — Не знаю, сколько в его войске таких мужей, как Рустам, но я знаю, что всевышний бог не создал другого такого человека, как Рустам.

С этими словами он поцеловал землю у ног султана и ушел. А султан вызвал везира и сказал:

— Этот мужлан назвал меня лжецом.

— Надо его убить, — ответил везир.

Но Фирдоуси не нашли.

Он покинул город, не получив никакого вознаграждения за свой многолетний труд. Скончался Фирдоуси на чужбине».

У султана Махмуда было много причин отвергнуть гениальную поэму. Ему, завоевателю, тюрку по происхождению, несомненно, не могли понравиться ни патриотические призывы Фирдоуси, ратовавшего за объединение всех иранских народов в борьбе против иноземных властителей, ни сочувствие труженикам и простолюдинам, которым проникнута «Шах-наме». Махмуд жестоко преследовал иранских дикханов, стремившихся сохранить свою независимость, а автор «Шах-наме» идеализировал дикханов и традиции иранской знати.

Махмуд — фанатик-мусульманин — не мог также примириться с сочувствием Фирдоуси зороастризму, с явной антипатией поэта к арабам и с шуубитскими мотивами поэмы, так как газнийский властитель совершал свои грабительские походы в Индию под знаменем ортодоксального ислама, главой которого был багдадский халиф.

О последних годах жизни Фирдоуси известно мало. До недавнего времени исследователи, основываясь на легенде, полагали, что поэт бежал в Багдад, скрываясь от гнева султана, и по просьбе халифа написал поэму на коранический сюжет «Юсуф и Зулейха» (в Библии — Иосиф и жена Пентефрия). Однако Фирдоуси

не бывал в Багдаде, и большинство исследователей оспаривает принадлежность ему данной поэмы.

В другой легенде, которую передает Низами Арузи со слов известного поэта XII в. Амира Муиззи, побывавшего в Тусе и разговаривавшего с современниками Фирдоуси, рассказывается, как Махмуд во главе своего войска возвращался в Газну после удачного похода в Индию. Путь войску преградил какой-то местный правитель, засевший в неприступной горной крепости. Махмуд отправил к этому царьку гонца с требованием явиться в его шатер и оказать должное повиновение.

— Интересно: каков будет ответ? — полюбопытствовал султан на другой день. Везир ответил стихами Фирдоуси:

А коль ответ враждебный будет дан,
Ответ мой: — Я, туранец¹⁷ и майдан*.

— Чьи это стихи? — спросил Махмуд. — Они все-
ляют мужество и вдохновляют на подвиги.

— Это стихи бедняги Абулкасима Фирдоуси, — ответил везир. — Он трудился более двадцати пяти лет, написал огромную книгу, но не получил вознаграждения.

— Хорошо, что ты напомнил о нем, — сказал Махмуд. — Я поступил с ним несправедливо. Напомни мне о нем еще раз в Газне. Я вознагражу его.

По прибытии в Газну везир напомнил Махмуду о Фирдоуси. Султан приказал отвезти поэту драгоценностей на 60 тысяч динаров и попросить у него прощения.

Но везир откладывал исполнение приказа. Когда же он отправил поэту вознаграждение, было уже поздно. В то время как верблюды с дарами входили в Тус через одни ворота, тело умершего Фирдоуси выносили через другие.

---

¹⁷ Имеется в виду Афрасияб — туранский шах, против которого воевал Рустам — главный герой «Шах-наме».

* Перевод В. Державина. М а й д а н — площадь. Здесь — место поединка.

Духовенство Табарана — деревни Фирдоуси — не разрешило хоронить поэта на кладбище, заявив, что он был еретиком. И Фирдоуси был похоронен в своем саду.

После смерти Фирдоуси султанские дары были предложены его дочери, но она гордо отказалась их принять, хотя и знала нрав грозного владыки, который бросал провинившихся под ноги слонам. Султан, узнав подробности погребения поэта, приказал на предназначенные ему деньги построить караван-сарай.

Характерно, что в легенде народ пожелал видеть поэта победителем.

На этом и кончаются скудные сведения о Фирдоуси. Точно год его смерти неизвестен. Предполагают, что после долгих скитаний поэт скончался на родине между 1020 и 1030 гг.

КОМПОЗИЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ «ШАХ-НАМЕ»

«Шах-наме» — огромное стихотворное эпическое повествование. В одном из лирических отступлений Фирдоуси пишет, что поэма состоит из 60 тысяч бейтов, т. е. из 120 тысяч стихотворных строк¹. В печатных изданиях «Шах-наме» обычно имеется около 50 тысяч бейтов. Сохранившиеся до нашего времени рукописи содержат от 40 до 80 тысяч бейтов. Это различие объясняется произволом переписчиков, выбрасывавших целые разделы книги, либо включавших в нее стихи из других поэм.

В «Шах-наме» рассказывается история Ирана² с древнейших времен до завоевания его арабами. В начале излагаются мифы и легендарные события. В описание событий периода династии Сасанидов включены достоверные факты, расположенные в хронологическом порядке, однако значительное место занимают и легенды.

«Шах-наме» подразделяется на пятьдесят частей — «царствований», называемых так потому, что каждая часть охватывает период, соответствующий правлению одного царя (шаха). Отсюда и название «Шах-наме» — «Книга о царях». Фактически же произведение состоит

---

¹ Чтобы читатель мог судить об объеме поэмы, напомним, что «Евгений Онегин» А. С. Пушкина содержит немногим более 6 тысяч стихотворных строк.

² В те времена территорию Ирана составляли земли, простирающиеся от Ирака до Среднеазиатского Междуречья, а также некоторые области современного Афганистана (Балх, Тохаристан, Систан).

из дастанов, связанных между собой лишь общими героями. Между дастанами и даже внутри их введены отступления. Это либо философские рассуждения, либо описания природы, а нередко приводятся и автобиографические сведения. Таковы, например, упоминавшиеся глубоко элегичные строки, посвященные смерти сына поэта. Написанные в форме прямой речи, они напоминают причитания по умершим, когда к покойникам обращались, как к живым.

Каждый дастан и каждое «царствование» построены по определенной схеме. «Царствование» начинается с изложения тронной речи шаха и заканчивается его предсмертным волеизъявлением; затем обычно следует философское заключение автора. Иногда в начале дастанов Фирдоуси дает философское введение (например, в дастане о Сухрабе или в «царствовании» Кей-Хосрова).

Героями дастанов большей частью являются не шахи, а богатыри: таков центральный герой «Шах-наме» Рустам, богатыри Исфандияр, Сиявуш, Гив, Гударз, Иредж, Тус, отец Рустама—Заль, сын Рустама—Сухраб и др. Отдельные эпизоды «Шах-наме» объединены этими персонажами в цельное повествование. Так, Рустам фигурирует в восьми «царствованиях», Заль— в девяти, Тус— в пяти и т. д.

Большинство шахов, упоминаемых в поэме,—второстепенные образы, введенные автором, чтобы лучше раскрыть характеры богатырей. Но некоторые из них являются действующими лицами отдельных эпизодов. Таковы Фаридун, Кей-Хосров, Искандар, Бахрам Гур, Хосров Ануширван и Хосров Парвиз.

Вся поэма написана одним стихотворным размером, мутакарибом, который употреблялся для эпических произведений и до Фирдоуси. Ритмическая схема стиха: —|—|—|—|—. Размер этот основан на чередовании долгих (—) и кратких (|) слогов. Все стихи рифмованы, рифма парная, связывающая обе строки каждого бейта.

Язык поэмы архаичен. Поэт сознательно подбирает старые иранские слова вместо арабских, недавно вошедших в его родной язык. Стиль Фирдоуси лакони-

чен. Это иногда затрудняет понимание текста. В «Шах-наме» нет свойственных восточным поэтам сложных метафор и сравнений. То плавный и мелодичный, то энергичный и отрывистый стих Фирдоуси, несмотря на один размер, не однообразен.

«Шах-наме» открывается обязательным для мусульманского средневекового автора восхвалением бога, далее следует необычный раздел — похвала разуму, потом — традиционное славословие пророку Мухаммеду и первым четырем халифам (Абу-Бекру, Омару, Осману и Али).

Затем идут разделы о сотворении вселенной и о причинах, побудивших автора написать книгу, а также панегирик султану Махмуду Газнеvidу, которому Фирдоуси посвятил свой труд. Эти разделы позволяют судить о средневековых космогонических взглядах, о религиозных воззрениях Фирдоуси и его политических симпатиях.

Эпическое повествование начинается с описания царствования Каюмарса — первого человека и первого, по мифологии, правителя Ирана. Примечательно, что Фирдоуси ни словом не упомянул об Адаме, т. е. в основе его представления о зарождении человечества лежит не библейская версия, повторенная в Коране, а иная, уходящая корнями в древние иранские сказания. У других мусульманских авторов Каюмарс отождествлялся с Адамом или же считался его далеким потомком.

В рассказе о царствовании Каюмарса отразились мифологические представления о первобытном периоде истории человеческого общества. Люди тогда не знали огня, не умели возделывать почву, одевались в шкуры зверей, жилища строили в горах.

У Каюмарса был сын Сиямак — разумный и храбрый. Отец души в нем не чаял, жили они счастливо, не было у них врагов, кроме скрывавшегося от них Ахримана, главы всех дивов — злых духов. У Ахримана рос злой и отважный сын — Черный див. Он завидовал благополучной жизни Каюмарса и Сиямака и решил погубить их. Каюмарс и Сиямак узнали о замыслах Черного дива:

Вскипела у царевича душа,
Полки собрал он, яростью дыша.

И вышел, тигра шкурою покрытый:
Тогда не знали панцирной защиты.

Сошлись две рати; без брони вступил
Царевич в бой с ищадем адских сил.

Взмахнул косматой лапой див жестокий,
Переломил героя стан высокий.

Ударил витязя о гребни скал,
Потом когтями сердце разодрал.

Услышал Каюмарс о смерти сына,
И черным стало солнце властелина*.

У Сиямака был сын Хушанг. Он собрал войско и двинулся против Черного дива, желая отомстить за отца. Рать Хушанга состояла из пери (добрых духов), барсов, львов, волков, тигров и хищных птиц. Далее поэт описал сражение:

В том войске — пери, птицы, дикий зверь,
И юный вождь их поведет теперь.

Явился черный бес, исполнен страха,
Взметнул, взрывая, к небу комья праха.

Сошлись две рати, сдвинулись тесней, —
И бесы побежали от зверей.

Хушанг ударил беса лапой львиной
И умервил злодея в миг единый.

Он бесу отомстил за смерть отца,
С презреньем растоптал он мертвеца*.

Молодой Хушанг стал править страной. При нем люди научились обращаться с огнем, обрабатывать металлы. Хушанг велел провести оросительные каналы, научил людей пахать, сеять, жать, приручать животных, охотиться.

Престол Хушанга унаследовал его сын Тахмурас, прозванный Дивбандом — покорителем дивов. В правление Тахмураса люди освоили прядение и ткачество,

---

* Перевод С. Липкина.

охоту с помощью ловчих зверей и хищных птиц. Тахмурасу также пришлось воевать с дивами Ахримана. В «Шах-наме» рассказывается, как Тахмурас одолел Ахримана и связал его:

Порой седлал он беса Ахримана,
На нем вокруг света мчался невозбранно.

Тогда восстали бесы без числа,
Увидев повелителя дела.

Лишь отвернулся царь от благодати,
Свирепых бесов выступили рати.

Узнал об их злодействах Тахмурас
И в ярости напал на них тотчас.

Вновь благодатью засиял живую,
Помчался с палицею боевою,

Повел войну с бесовскою толпой,
Но был недолог этот грозный бой:

Две трети подчинил волшебным чарам,
Повергнув прочих палицы ударом.

Брели в оковах бесы, кровь текла,
Взмолились о пощаде силы зла.

И подарил им жизнь властитель славный,
Чтоб тайны бесов людям стали явны.

Освободясь, они смирились вдруг,
Пришлось им превратиться в царских слуг.

Они письму владыку обучили,
Его сознание знаньем озарили*.

Пощаженные Тахмурасом дивы научили людей писать и читать.

При следующем шахе, Джамшиде, произошло деление общества на сословия (жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников). Тогда же люди начали воздвигать кирпичные дома и строить корабли. Появились деньги. Этот период в «Шах-наме» изображен как золотой век: люди не умирали, не знали ни болезней, ни других невзгод. Но Джамшид возгордился, и вот как описал поэт последствия этого:

---

* Перевод С. Липкина.

Однажды глянув на престол бесценный,
Он лишь себя увидел во вселенной.

Тогда-то возгордился государь,
От бога отвернулся государь.

«Я благо мира создал сам, — сказал он, —
Мир — это я, — седым князьям сказал он, —

Я пожелал — и вспыхнул знанья свет,
Вовек мне равных не было и нет.

Я землю разукрасил, успокоил,
И мир таков, как я его устроил.

Я дал вам сон, и пищу, и покой,
Ваш труд, надежды — под моей рукой.

Исполнен власти, царского блистанья,
Я, только я — властитель мирозданья»*.

Выслушав эти надменные слова, военачальники и приближенные стали один за другим покидать Джамшида.

Здесь Фирдоуси прервал рассказ о Джамшиде и начал описывать юность арабского царевича Заххака. У справедливого и разумного царя Аравии Мирдаса был легкомысленный сын Заххак. Злобный и коварный бес Иблис (он же Ахриман) совратил юношу с истинного пути и подговорил убить отца. Добившись воцарения Заххака, Иблис решил с его помощью погубить всех людей на земле. Приняв человеческий облик, Иблис поступил к Заххаку в повара. Заххак был доволен изысканными кушаньями, которые готовил злой дух, и разрешил ему в награду просить любой милости. Иблис хотел лишь поцеловать царя в плечо. Когда злой дух поцеловал царя и исчез, у Заххака на плечах выросли змеи; они причиняли ему нестерпимую боль. Их пробовали срезать, но они вырастали вновь.

Иблис снова явился к Заххаку, на этот раз уже в образе лекаря, и посоветовал для облегчения мук кормить змей мозгом юношей.

Два благородных мужа — Армаил и Кармаил, — пожелав спасти людей, обреченных в жертву змеям,

---

* Перевод С. Липкина.

поступили на службу к Заххаку. Получая от служителей шаха очередные жертвы, двух юношей, они скрывали одного и убивали взамен овцу. Когда юношей набиралось двести, Армаил и Кармаил давали им овец и отпускали на волю с наказом поселиться вдали от людских глаз. Спасенные люди селились в пустыне, и от них, писал Фирдоуси, произошли курды.

Изложив историю Заххака, Фирдоуси возвратился к прерванному повествованию о Джамшиде. Недовольные высокомерием Джамшида, иранские витязи отправились к Заххаку в Аравию и пригласили его на царство в Иран. Заххак захватил престол Джамшида, вынудив его бежать из столицы и скитаться, скрываясь от преследований Заххака. Сто лет Заххак не мог поймать Джамшида, а когда поймал, приказал распилить надвое. Правление Заххака Фирдоуси описал так:

Деянья мудрецов оделись мглою,
Безумных воля правила землею.

Волшба — в чести, отваге нет дорог,
Сокрылась правда, явным стал порок.

Все видели, как дивы зло творили,
Но о добре лишь тайно говорили*.

Заххака незадолго до смерти стали одолевать ночные кошмары. Он созвал звездочетов и потребовал, чтобы они разгадали значение его снов. Один из звездочетов объявил Заххаку, что близок конец его правления: потомок Джамшида Фаридун скоро свергнет его. Заххак приказал найти и умертвить Фаридуна. Посланцы царя повсюду искали мальчика, но безуспешно: сначала пастух, а потом отшельник скрыли у себя ребенка и спасли от Заххака. Когда Фаридун подрос, мать рассказала ему историю их рода, и в сердце юноши вспыхнуло чувство мести.

Заххак, страшась возмездия, решил заставить самых знатных и почитаемых людей страны подписаться под грамотой, в которой говорилось о том, что он справедливый и добрый правитель. Таким свидетель-

---

* Перевод С. Липкина.

ством он хотел привлечь на свою сторону народ. Но едва успели вельможи и мудрецы подписаться под грамотой, как в тронный зал ввели кузнеца Кава, который пришел с жалобой на то, что у него отобрали единственного сына, чтобы принести в жертву змеям. Заххак велел слугам вернуть кузнецу сына, но потребовал, чтобы Кава подписал грамоту. Тот отказался, покинул дворец, поднял восстание, сверг Заххака и возвел на престол Фаридуна, который навеки приковал тирана к горе Демавенд.

Царствование Фаридуна длилось пятьсот лет. Правил он справедливо и разумно. У него было три сына: Тур, Сальм и Иредж. Он женил их на дочерях йеменского царя, потом разделил свое царство между сыновьями, причем Иран отдал Иреджу — младшему. Это возбудило зависть старших братьев. Они заманили к себе Иреджа и вероломно убили его, а отрубленную голову послали отцу. Престарелый Фаридун не мог отомстить убийцам, это сделал внук Иреджа Манучихр, так как у Иреджа была лишь одна дочь. Она была выдана замуж за племянника Фаридуна. От этого брака и родился Манучихр. В войнах против коварных Тура и Сальма ему помогал Каран — сын Кава.

Манучихр правил сто двадцать лет. В разделе о царствовании Манучихра и его наследников Фирдоуси начинает изложение событий, относящихся к истории сисанских богатырей — Сама, Заля и Рустама, главных героев «Шах-наме».

Сказание о сисанских богатырях начинается с рождения Заля. У Сама — первого из богатырей в войске Манучихра — долго не было детей, и он страстно ждал сына. И вот у него родился прекрасный сын, но волосы его были седые. Опасаясь гнева Сама, слуги целую неделю скрывали от него рождение ребенка. Наконец, нянька, набравшись храбрости, все рассказала богатырю. Тот счел позором для себя рождение седого ребенка и решил избавиться от него: позвал слуг и велел отнести сына на гору Альбурз, где волшебная птица Симург свила себе гнездо. Однажды Симург высматривал добычу для птенцов.

Вдруг видит он — плачет младенец грудной;
Земля — океан, излучающий зной.

Земля вместо матери, люлька — гранит,
Дитя без одежды, без пищи лежит.

Лежит у подножья скалы вековой,
И солнце палящее над головой.

Ах, если б тигрица его родила,
И та бы укрыла, от зноя спасла*.

Симург сжалился над ребенком и отнес его в свое гнездо. За то, что отец бесчеловечно поступил с мальчиком, Симург назвал ребенка Дастаном, что означает «навет», «хитрость». Он вырастил мальчика, который стал могучим юношей. Молва о человеке в гнезде Симурга распространилась по всему свету и дошла до Сама.

Увидев сон, что сын его жив, Сам созвал мобедев (жрецов) и посоветовался с ними. На другой день Сам со свитой направился к горе, где когда-то он оставил сына. Симург догадался, зачем пришли люди. На прощание он дал Дастану свое перо с наказом сжечь его в минуту опасности. «Как только перо начнет гореть, — сказал Симург, — я прилечу и помогу тебе».

Старый Сам поблагодарил Симурга за спасение и воспитание Дастана, одел мальчика в роскошное платье и вернулся с ним во дворец. А сыну дал новое имя — Заль, т. е. Седовласый. Манучихр, услышав об этих событиях, вызвал к себе Сама с Залем и выразил им свое благоволение. По возвращении домой Сам стал учить Залю воинскому искусству, верховой езде и различным наукам.

Манучихр отдал Саму области Систан и Забул. Богатырь Сам передал их сыну. Когда Заль со свитой отправился знакомиться со своими владениями, на пути он остановился у правителя Кабула Михраба. Михраб вышел с дарами навстречу гостю и принял его с почестями. Один из приближенных Залю рассказал ему, что у кабульского правителя есть дочь-красавица, равной которой нет на свете. Эти слова произвели сильное впечатление на героя:

---

* Перевод Ц. Бану

Настала ночь, пришла к нему печаль,
К невиданной красе стремился Заль.

От жарких дум душа его болела,
Любви он сердце посвятил всецело*.

На другой день Михраб явился в стан Заля и пригласил его к себе в гости, но систанский богатырь, хотя и питал симпатию к владыке Кабула, ответил ему отказом, так как Михраб был потомком Заххака, злейшего врага Ирана, и идолопоклонником. Заль мотивировал свой отказ следующим образом:

Меня не проси! Прогневился б отец,
Когда бы я гостем вошел в твой дворец.

И также царя Манучихра едва ли
Обрадует то, что мы здесь пировали,

А если войду к иноверцу я в дом...
О нет, не могу! Но проси о другом**.

Михраб, вернувшись во дворец, так расхваливал Заля жене, что присутствовавшая при этом их дочь Рудаба влюбилась в юного богатыря.

Рудаба поделилась с прислужницами своей тайной и сказала им, что желает видеть Заля. Те безрезультатно пытались отговорить госпожу. На другой день Рудаба отправила к Залю служанок, которые должны были передать ее приглашение.

Служанки собирали на лужайке цветы, когда Заль, охотившийся на другом берегу реки, увидел их. Сразив на лету птицу, упавшую за рекой, Заль велел рабу переправиться в лодке на тот берег и принести добычу. Здесь раб увидел служанок Рудабы, и между ними завязалась беседа. Раб расхваливал своего владыку перед одной из служанок,

А та, взглянув на отрока с улыбкой,
Ответила: «В твоих словах ошибка!

В чертогах у Михраба есть луна,
Затмила твоего царя она.

---

* Перевод С. Липкина

** Перевод В. Левика.

Слоновой кости — цвет, а стан — платана,
Венец волос — как мускус богоданный

Глаза — нарциссы томные, калам³
Серебряный — опора двум бровям,

Сжат нежный рот, как сердце, что в несчастье,
Сравню я кудри с кольцами запястий,

Из уст летит дыхание весны, —
Нет в мирозданье равной ей луны!»*

Когда Заль услышал рассказ раба, он послал Рудабе и ее служанкам дары. Служанки пришли с подарками к госпоже и рассказали ей обо всем. Рудаба поручила им привести к ней ночью Заля. Она ждала его на крыше замка. После взаимных приветствий Заль спросил Рудабу, как ему подняться к ней.

Услышав, что сказал Седоволосый,
Царевна черные спустила косы, —

Таких еще не видел небосклон
Был тот аркан из мускуса сплетен!

Спускалась ли со стен коса такая?³
Заль молвил про себя: «Краса какая!»

За черной прядью извивалась прядь, —
Их можно было змеями назвать!

Она сказала: «Воин именитый,
Свой львиный стан и плечи распрями ты

И к черным косам руку протяни
Арканом станут для тебя они!»*

Заль поцеловал косу, взял у раба аркан, метнул его, зацепил петлей за зубец и поднялся к возлюбленной. Их свидание продолжалось всю ночь.

Когда Заль вернулся в свой шатер, он, посоветовавшись с мобедами, отправил гонца к Саму с письмом, в котором просил разрешения на женитьбу. Получив послание, Сам созвал мудрецов и звездочетов. Они предсказали, что от этого брака родится богатырь, который победит всех других богатырей и завоюет все страны.

---

³ К а л а м — тростниковое перо. Здесь — метафора прямого и изящного носа Рудабы поэт сравнивает с тростниковым пером.

* Перевод С. Липкина.

Тогда Сам послал Залю благословение и отбыл из Систана в столицу, во дворец Манучихра. Но шах, опасаясь за судьбу Ирана (так как девушка происходила из рода Заххака), не разрешил Залю жениться. Он приказал Саму уничтожить Кабул и умертвить Михраба. Богатырь был готов беспрекословно выполнить волю повелителя, но на пути его встретил Заль, который отправился просить разрешения на женитьбу у Манучихра. Сам стал ждать возвращения сына.

Заль с честью выдержал испытания, которым его подвергли во дворце шаха, — он ответил на все вопросы, поставленные хитрыми мобедами. На другой день испытаний Заль превзошел на ристалище доблестью и воинским искусством всех богатырей шаха. Увидев это, шах разрешил Залю жениться. Богатырь вернулся в Кабул и женился на Рудабе.

Когда подошел срок родов, Рудаба не могла разрешиться от бремени, так как ребенок был очень велик. Видя страдания жены и опасаясь за ее жизнь, Заль сжег хранившееся у него перо, и тотчас появился Симург. По совету волшебной птицы роженицу усыпили вином, сделали ей операцию и извлекли ребенка. Его назвали Рустамом.

Уже в детстве Рустам обладал необычайной силой: он поразил палицей сорвавшегося с цепи бешеного слона, захватил и сравнял с землей крепость

Вскоре скончался Манучихр, и его наследником стал Наузар, своеволие которого вызвало недовольство народа. Военачальники даже хотели свергнуть его и обратились к Саму за содействием, но богатырь велел им подчиниться законному государю. Сам сумел образумить шаха, и страна вновь обрела покой. Однако после смерти Сама началась война с Тураном; Наузар вместе с войском был взят в плен туранским шахом Афрасиябом и казнен. С этого момента началась длительная борьба иранцев с туранцами.

У Наузара было два сына — Тус и Густахам, но князья Ирана не захотели, чтобы кто-либо из них был государем. Выбор пал на престарелого Зава из рода Фаридуна. После спокойного, хотя и непродолжительного царствования Зава понадобился новый правитель.

Тогда Рустам привез с гор Альбурз юного Кей-Кубада, которого и возвели на престол. При нем и особенно при следующих шахах — Кей-Кавусе и Кей-Хосрове — Рустам совершил славные подвиги в войнах с туранцами.

Кей-Кавус был упрям и безрассуден. Вопреки увещаниям Залю и других витязей он начал войну с мазандеранскими дивами. Ослепленный Белым дивом, он попал вместе со всем войском в плен. Оказавшись в затруднительном положении, Кей-Кавус отправил гонца к Залю с просьбой о помощи. Заль послал на выручку Рустама. В Мазандеран вели две дороги: одна — длинная, по которой следовал Кавус, другая — короче; по ней можно было добраться на две недели раньше. Но на втором пути было много опасностей: путника подстерегали львы, дивы, драконы.

Рустам по совету отца поехал кратким путем и совершил семь подвигов. В конце первого дня, поохотившись, он пустил коня Рахша пастись, а сам лег спать в тростнике. В этих местах обитал свирепый лев. Увидев Рустама и Рахша, лев решил сначала разделаться с конем. Но как только лев приблизился, Рахш ударил его по голове передними копытами, вцепился зубами в спину и убил.

На следующий день Рустам проезжал через безводную пустыню. Наездник и конь изнывали от жажды. Рустам помолился и упал обессиленный на раскаленную землю. В этот момент промелькнула красивая газель. Рустам догадался, что где-то поблизости должен быть водопой. Он поднялся, пошел по следам газели и вскоре набрел на родник. Рустам напился, напоил коня, умылся. Затем он подстрелил онагра, зажарил его, съел и лег спать, приказав Рахшу ни с кем не вступать в борьбу, а при появлении опасности будить его.

Вблизи источника находилось логовище громадного дракона. Даже дивы избегали посещать эти места. Дракон бросился на Рахша, конь подбежал к Рустаму и стал бить копытом о землю. Рустам поднялся, но дракон уже скрылся. Рахш несколько раз будил Рустама, и дракон каждый раз исчезал. Наконец Рустам

заметил чудовище и вступил с ним в бой. Увидев, что Рустаму трудно справиться с драконом,

Рахш у дракона ноги оторвал,
Как лев, ему он шкуру разодрал.

Рустам, увидев это, удивился,
С мечом он на дракона устремился

И голову дракону отрубил, —
Поток кровавый на землю забил*.

На четвертый день перед закатом солнца Рустам дошел до лужайки, на которой росли ветвистые деревья. Здесь в тени у родника стояла чаша с вином, а рядом лежали всевозможные яства. Рустам поднял тамбур и запел:

Рустам — несчастный странник, — у меня
Ни одного нет радостного дня.

Рустам — всю жизнь он на путях войны,
Глухие горы — сад его весны.

Сражается он с дивами в пустыне,
Борьба со львом — Рустаму благостыня.

Но где же, о судьба, твои дары?
Где чаша, счастье, радость и пиры?

Где цвет моей весны? Где мир счастливый?
Лишь барсы на пути моем и дивы*.

Эту песню Рустама услышала злая колдунья. Она превратилась в красавицу и вышла к богатырю. Рустам взял чашу вина и воздал хвалу богу. Колдунья тут же приняла свой подлинный облик, и Рустам рассек ее пополам.

Богатырь поскакал дальше, остановился недалеко от какого-то поля, расседлал коня, пустил его пастись, а сам прилег отдохнуть. Сторож поля решил прогнать коня и ударил его палкой, но в это время проснулся Рустам. Сторожу он оторвал уши, и тот пришел с жалобой к Ауладу — мазандеранскому богатырю, правителю этих мест. Аулад с дружиной прискакал к Руста-

---

* Перевод В. Державина.

му и спросил его, кто он такой. Рустам вскочил на коня и ответил так:

Мне имя — туча, если у нее
Есть львиное могущество мое.

Град этой тучи — копьё и мечи, —
Пади пред нею войско — и молчи!

Ты хочешь имя знать мое? — Ну, что ж —
Узнай его — и замертво падешь!

Иль не слышал ты средь родного стана
О луке и аркане Тахамтана?

Увы, твою почтеннейшую мать
Здесь будут плакальщицей называть*.

С этими словами Рустам набросился на свиту Аулада, часть ее перебил, часть обратил в бегство, а самого Аулада связал арканом и сел ему на грудь. Рустам обещал сохранить жизнь Ауладу и даже сделать его правителем Мазандерана, если он укажет местопребывание главных мазандеранских дивов и попавшего к ним в плен Кей-Кавуса. Аулад согласился и рассказал Рустаму о препятствиях, которые надо преодолеть, чтобы дойти до Белого дива.

Рустам заставил Аулада бежать впереди и показывать дорогу. В полночь они прибыли в Мазандеран. Дивов, находившихся на страже у входа в Мазандеранский край, возглавлял Аржанг. Рустам устремился на Аржанга, схватил его, оторвал ему голову и бросил ее в гущу дивов. Устрашенные дивы разбежались в разные стороны.

Затем Рустам с помощью Аулада нашел путь к Кей-Кавусу. Шах и его ближайшие витязи Гударз, Тус, Гив и другие кинулись обнимать Рустама. Кей-Кавус просил Рустама найти Белого дива и убить его, так как ослепшему шаху врачи посоветовали смазать глаза кровью Белого дива.

Покинув Кей-Кавуса и витязей, Рустам устремился с Ауладом к пещере, где находился Белый див. По совету Аулада Рустам подождал до полудня, ибо в это время засыпали и сторожа, и сам Белый див. Когда

* Перевод В. Державина.

солнце стояло в зените, герой вошел в пещеру и сразил Белого дива.

Освободив Кей-Кавуса и его войско, Рустам затем победил шаха Мазандерана, который во время схватки с ним от страха превратился в каменную глыбу.

Вскоре Кей-Кавус вернулся в свою столицу и затеял новую войну. Он отправился в поход против правителя Хамаверана (Йемена), покорил его и женился на его дочери. Хамаверанский правитель пригласил Кей-Кавуса в гости и взял его в плен вместе со всеми богатырями. А Ираном тем временем овладел Афрасияб. Рустам и на этот раз освободил шаха из плена и изгнал Афрасияба.

Однако тажикские унижения в Мазандеране и Хамаверане не послужили уроком для Кей-Кавуса: прошло немного времени, и дивы соблазнили его подняться в небо на паланкине, который несли четыре орла. В полете орлы устали и бросили паланкин Кей-Кавус упал на землю и был найден Рустамом в далеком лесу.

За этим эпизодом следует одна из самых драматических повестей «Шах-наме», в которой описывается трагическая гибель юного героя Сухраба, павшего от руки своего отца Рустама. Об этом будет сказано позднее.

Далее в «Шах-наме» рассказывается о Сиявуше, сыне Кей-Кавуса, любимце Рустама. Мачеха Сиявуша Судаба тщетно домогалась его любви. Из мести она оклеветала Сиявуша перед шахом. Оскорбленный Сиявуш покинул Иран и уехал к туранскому шаху Афрасиябу. Тот выдал за него дочь Фарангис. Впоследствии по наущению своего брата Гарсиваза Афрасияб вероломно убил Сиявуша. У Сиявуша остались два сына: Фаруд от Джариры, дочери туранского полководца Пирана, и Кей-Хосров от Фарангис, отданный на воспитание пастухам. Рустам, мстя за Сиявуша, убил царицу Судабу.

Прошло много времени, и в Туране вырос сын Сиявуша Кей-Хосров. Мудрый богатырь Гударз увидел его во сне и отправил за ним в Туран своего сына Гива. После долгих поисков Гив нашел Кей-Хосрова и увез его вместе с матерью в Иран.

Когда Кей-Хосров прибыл в Иран, Кей-Кавус решил передать ему трон. Кей-Кавуса поддержал богатырь Гударз со всем своим родом, а витязь Тус предложил объявить наследником сына Кей-Кавуса Фарiburза. После долгих споров договорились, что наследником будет провозглашен тот из принцев, который возьмет штурмом крепость Бахман. Это удалось сделать лишь Кей-Хосрову.

Вступив на престол, Кей-Хосров сначала упорядочил внутренние дела страны. Затем он решил отомстить за отца и снарядил войско для похода в Туран. Перед выступлением он приказал главному военачальнику Тусу не ходить с войском через Калат, где находился брат Кей-Хосрова Фаруд. Но Тус пошел через Калат, так как этот путь был удобнее, а другой лежал через безводные пустыни.

Получив известие о прибытии иранского войска, Фаруд решил с его помощью вторгнуться в Туран и отомстить за убийство отца. Фаруд стал ждать иранцев на горе. Тус послал витязя Бахрама с приказом убить или взять в плен преградившего им путь воина. Бахрам, узнав, что на горе сидит брат шаха, вернулся к главнокомандующему и посоветовал ему с почетом призвать принца. Однако Туса привело в ярость невыполнение его приказа. К тому же втайне Тус был недоволен Гударзом, отцом Бахрама:

И так сказал несправедливый Тус:
«Я вождь, и никого я не боюсь.

Его ко мне повинен привести ты!
За жизнь его и душу не проси ты.

Ты говоришь — он шах. Так кто же я?
Отколь над этим войском власть моя?

Тюркорожденный, черный, словно ворон,
Ущелья запер, заградил простор он!

Я вижу — только беды нам несет
Гударза дикий, своенравный род.

Ведь на горе не с львом и не с драконом
Ты встретился! Бояться тут кого нам?» *

---

* Перевод В. Державина.

Бахрам пытался уговорить Туса не ссориться с Фарудом; в противном случае, сказал он, шах разгневется на все войско. Но Тус послал против Фаруда своего зятя Ривниза. Вместе с Ривнизом собирались отправиться несколько богатырей. Однако Бахрам предупредил их:

На той горе — Хосров, природный Кей,
Чей волос больше ста богатырей.*

Тогда они повернули обратно, так как не имели права выступить против брата государя. Фаруд сразил стрелой Ривниза, а вслед за ним Зараспа — сына Туса. Чтобы отомстить за смерть близких, против Фаруда выступил сам Тус.

Фаруд убил коня Туса. Не желая сражаться пешим, Тус покинул поле боя. Такая же участь постигла и Гива. За обесславленного отца вступился юный Бижан. Он заставил Фаруда отступить и укрыться в крепости. На следующий день Фаруд был смертельно ранен во время вылазки. Перед смертью он дал такой наказ:

Теперь иранцы лютые придут
И крепость разграбленью предадут.

И в плен моих возлюбленных возьмут,
Разрушат стены, крепкий вал снесут.

Все те, кому противен лютый враг,
Все те, кому поистине я дорог, —

Велю, чтоб все на башню поднялись
И с башни в ров глубокий сверглись вниз.

Я никого Бижану не оставлю,
Былую славу здесь я не ослаблю.

Будь проклят он! Меня он погубил
И в юности всего меня лишил.*

Сказав это, Фаруд умер. Его мать Джарира покончила жизнь самоубийством.

После гибели Фаруда иранское войско вторглось в Туран. По пути Бижан убил туранского богатыря

---

* Перевод В. Державина.

Палашана. Вскоре иранцы попали в снежный буран; мороз был такой, что ни один воин не мог притронуться к оружию. На восьмой день снег растаял, и войско двинулось дальше.

Однако путь иранцам преградила высокая деревянная стена. Гив поджег ее и расчистил дорогу. За стеной начинались владения богатыря Тажава, обладателя несметных стад и табунов. Узнав о приближении иранцев, Тажав послал на разведку воина Кабуде. Иранский витязь Бахрам, сын Гударза, накиннул на Кабуде аркан и сразил его.

На другой день рано утром Тажав встретился с иранцами. Против него выступили Гив и Бижан. После кровопролитного сражения Тажав, потеряв три четверти воинов, бежал с поля сражения. Бижан поскакал вдогонку, чуть было не нагнал его и даже сорвал копьем шлем с головы, но Тажав сумел ускользнуть. В пути он встретил свою возлюбленную Испану. Она попросила богатыря спасти ее от врагов.

Взял, на скаку ее он посадил
В седло. Помчался, тучу пыли взвил.

Казалось, быстрый ветер обогнал он,
Без отдыха в Туран к себе скакал он.

Но ослабел на перегоне конь,
И в сердце у коня иссяк огонь.

И так Тажав возлюбленной сказал:
«О милая, вот трудный час настал.

Враг позади, пред нами кручи скал,
Ущелья тесные. Мой конь устал.

Когда меня застигнет здесь Бижан,
Умру бесславно я от мук и ран.

Хоть предавать тебя и не хочу я —
Сойди. Один, быть может, ускачу я».

Покорно Испану сошла с коня,
Тажаву сердце мукою стесня.

Как вихрь, умчался конь, махая гривой.
И прискакал туда Бижан — сын Гива.

Когда Бижан увидел Испану —
В благоуханных локонах луну,

Любовью воспылал он к ней великой
И ласку он явил прекрасной.

Взял на коня ее, и по степям
Он с нею поспешил к своим войскам*.

А Тажав тем временем прибыл к Афрасиябу и рассказал о наступлении иранского войска во главе с Тусом. Туранский шах выслал навстречу иранцам огромное войско под предводительством Пирана. Туранцы напали ночью на армию Туса и разбили ее. Тус с остатками войска бежал в горы, где вскоре был осажден со всех сторон туранцами.

Узнав о постигшем войско поражении и гибели брата Фаруда по вине Туса, Кей-Хосров написал военачальникам гневное письмо, обвинив упрямого Туса во всех бедствиях. Одновременно он сообщил, что смещает Туса и назначает главнокомандующим своего дядю Фарибурза. Когда Тус прибыл ко двору, Кей-Хосров заточил его в темницу, заковал в кандалы и перестал устраивать торжественные тронные приемы.

Приняв командование войсками, Фарибурз заключил перемирие с туранцами на месяц. По истечении указанного срока война возобновилась, и иранцы снова потерпели поражение. Фарибурз бежал в горы, бросив войско на поле боя. Старый Гударз послал за ним своего внука Бижана, но Фарибурз отказался вернуться. Тогда Бижан выхватил меч, рассек пополам знамя и вернулся к войскам, захватив половину знамени.

Увидев Бижана, иранцы воспрянули духом и снова вступили в бой. В сражении пал один из сыновей Кей-Кавуса. С его головы свалился венец, за обладание которым разгорелась ожесточенная битва. Витязь Бахрам, сын Гударза, подхватил венец копьем, и в иранском войске поднялся гул одобрения.

После сражения Бахрам вспомнил, что, поднимая венец, он уронил свою плеть, и заявил, что должен вернуться за нею. Гударз и Гив стали отговаривать его от безрассудного поступка. Гив обещал подарить ему любую из своих драгоценных плетей. Бахрам ему ответил:

---

*Перевод В. Державина.

Нет! Золото — не мой товар любимый,
Лишь честь одна — товар невозвратимый.

Иль плеть назад я привезу свою,
Иль голову свою сложу в бою*.

Бахрам направился на поле боя, где осталась плеть. Он увидел многих павших иранцев и горько посетовал на их судьбу. Когда Бахрам спешил, чтобы поднять плеть, его конь ускакал. Бахрам с трудом догнал коня, взобрался на него, но конь устал и не мог быстро скакать.

Увидев Бахрама, сто туранцев бросились к нему. Богатырь разогнал их стрелами. Потом он ранил Руина, сына Пирана. Тогда сам Пиран предложил Бахраму сдаться, однако Бахрам не послушался его. И вот против Бахрама выступил Тажав с отрядом. Бахрам сначала отбивался стрелами, а когда они кончились, стал защищаться копьем и мечом. Тут Тажав налетел сзади и отрубил Бахраму руку.

А в иранском лагере родные Бахрама с тревогой ждали его. Наконец, Гив и Бижан отправились за ним. Отец и сын нашли раненого Бахрама. Он был при смерти. Собравшись с силами, Бахрам рассказал им о случившемся. Гив поскакал вперед и встретил оставшего от туранского войска Тажаву. Он накинул на туранца аркан и поволок Тажаву по земле. Как ни молил тот о пощаде, все было напрасно: Гив притащил его к своему брату. Тажав стал просить пощады у Бахрама. Тогда умирающий обратился к Гиву с такими словами:

Пусть он принес мне зло всех зол лютей,
Мой дух дороже ста его смертей.

Прошу, пусть его. Пускай уйдет он,
Чтоб за меня молиться, — пусть живет он*.

Но Гив не смог побороть желания отомстить за брата и убил Тажаву. Потом он привез в стан тело Бахрама, и его похоронили с великими почестями. После этого иранцы поспешно вернулись к Кей-Хос-

---

* Перевод В. Державина,

рову, а победитель Пиран — к Афрасиябу, и тот щедро одарил его.

Но Кей-Хосров не пожелал примириться с поражением. Он снарядил и отправил в Туран новое войско во главе с Тусом, которого простил благодаря заступничеству Рустама. Тус разорил окраинные города и села туранской земли, убил туранского воина Аржанга, принудил к бегству Хумана, брата Пирана. На другой день туранцы стали одерживать в бою победу над иранцами благодаря помощи волшебника Базура, который навлек на иранцев снежную бурю. Разбитые иранцы отступили на гору Хамаван, вскоре окруженную туранскими войсками.

Иранцы безуспешно попытались ночью вырваться из окружения. Они отправили к Кей-Хосрову гонца с печальными вестями. Шах послал к горе Хамаван Рустама, которого, однако, опередили прибывшие на помощь Афрасиябу хакан⁴ Чина (Китайского Туркестана) и Камус Кушани.

В последовавших затем битвах Рустам совершил много подвигов: пронзил стрелой гиганта Ашкабуса; поразил Камуса Кушани, от которого бежал Гив; взял в плен хакана Чина и убил многих других богатырей из разных стран.

Далее следует небольшой рассказ о поединке Рустама с чудовищем Акван-дивом, который поднял витязя под облака и спросил, куда его бросить: в море или на сушу. Рустам, догадываясь, что див поступит вопреки его желанию, попросил не бросать его в воду, ибо, если он утонет, то не сможет предстать в судный день перед богом. Акван швырнул его в море. Рустам вынырнул, выплыл на берег, снова встретил дива и убил его.

Следующая часть, относящаяся ко времени царствования Кей-Хосрова, — романтическая повесть о сыне Гива Бижане и дочери Афрасияба Маниже. По велению Кей-Хосрова Бижан и Гургин отправились в Гурган, чтобы избавить жителей от диких кабанов. Бижан один справился с кабанами, а Гургин лишь смотрел.

---

⁴ Х а к а н — титул тюркских правителей

Но когда звери были истреблены, трусливый Гургин из страха перед шахом решил предать Бижана и завлек его в туранские края. Там в Бижана влюбилась Манижа и пригласила в свои покои. Афрасияб, узнав об этом, приказал казнить Бижана. Однако Пиран смягчил гнев Афрасияба, и Бижану оставили жизнь, но бросили его в яму. Манижу отец изгнал из дворца, и она была вынуждена жить подаянием. По вечерам она приходила к яме, в которой сидел Бижан, и приносила ему пищу.

Обеспокоенный долгим отсутствием Бижана Кей-Хосров при помощи волшебной чаши узнал о бедственном положении юного воина. Посланный по его приказу Рустам под видом купца проник в столицу Афрасияба и освободил Бижана.

Тем временем борьба Ирана с Тураном продолжалась. Поэт рассказал о поединке одиннадцати богатырей Ирана во главе с Гударзом и одиннадцати богатырей Турана во главе с Пираном. В этом бою иранцы одержали победу, а Пиран был убит Гударзом. Мстя за своих сыновей и внуков, павших в прежних битвах, Гударз выпил кровь противника.

Кей-Хосров решил двинуться в Туран во главе многочисленного войска. Он разделил войско на три части, чтобы окружить врага с трех сторон. Проиграв несколько битв, потеряв сыновей, Афрасияб вместе с братом Гарсивазом скрылся в пещере. Их обнаружил отшельник Хаома и привел к Кей-Хосрову. По его приказу они были казнены.

Возвратившись в Иран, Кей-Хосров роздал поданным свои сокровища, облегчил участь обездоленных и решил покинуть этот мир. Своим наследником он выбрал дальнего родственника, Лухраспа. Кей-Хосров выехал из столицы и скрылся в горах. За ним последовали Гив, Бижан, Тус и многие другие богатыри. Все они погибли в снежной буре. Только Рустам, Заль и Гударз не последовали за ними и пережили своего царя.

У Лухраспа было два сына: Зарир и Гуштасп. Гуштасп, обидевшись на то, что отец не уступил ему, как обещал, престола, покинул родину, отправился в стра-

ну Рум и поступил подмастерьем к кузнецу. Однако он с первого же удара разбил молот и наковальню и вынужден был уйти. После долгих скитаний Гуштасп поселился у богатого земледельца. В это время дочь кайсара (цезаря) Катаюн искала себе достойного жениха. Ее усадили на крыше дворца, а по улице проводили юношей; она должна была надеть венец на того, кого захотела бы взять в мужья. Катаюн выбрала Гуштаспа. После женитьбы Гуштаспа румийский вельможа Мирин стал свататься ко второй дочери кайсара. Девушка была обещана ему, но с условием, что он убьет гигантского волка. Мирин обратился за помощью к Гуштаспу, который и сразил это чудовище, а затем разбил вторгшихся в Рум врагов. Кайсар возвеличил Гуштаспа, оказал ему всяческие почести и назначил своим наследником.

Между тем, обеспокоенный отсутствием любимого сына, Лухрасп отправил на его поиски Зарира, который нашел Гуштаспа и привез в Иран. Обрадованный Лухрасп уступил сыну престол, а сам поселился в городе Балхе и стал жить отшельником.

По вступлении Гуштаспа на трон в Иран с проповедью новой религии явился пророк Зардушт (Зороастр). Гуштасп принял зороастризм. Тогда туранский правитель Арджасп обвинил Гуштаспа в отступничестве от прежней, «истинной» веры и вторгся в Иран во главе огромных полчищ. Арджасп захватил Балх и убил старого Лухраспа. В битвах с туранцами брат Гуштаспа Зарир совершил сверхъестественные подвиги, но затем погиб от руки вероломного волшебника Бидарафша. За Зарира отомстил сын Гуштаспа Исфандияр. Он разбил туранцев и изгнал их из родной страны.

Богатыри позавидовали Исфандияру и оговорили его перед Гуштаспом, который, опасаясь могущественного сына, велел заковать его в кандалы и заточить в темницу. Однако вскоре Гуштасп вынужден был просить прощения у сына, так как только Исфандияр мог спасти из туранского плена своих сестер — дочерей Гуштаспа, которых увел Арджасп. Исфандияр сначала не соглашался вторгнуться в Туран и убить Арджаспа,

но обещание отца уступить ему в случае победы трон заставило Исфандияра принять предложение и повести войска в Туран.

По пути в Туран Исфандияр совершил семь подвигов; некоторые из них напоминают подвиги Рустама. Проводником Исфандияра был плененный им туранский витязь Гургсар. В отличие от Рустама, который шел в Мазандеран один, Исфандияр возглавлял целое войско.

Исфандияр узнал от Гургсара про крепость Руиндидж, в которой укрылся Арджасп, и о кратчайшем пути к ней. По словам Гургсара, крепость была окружена рвом с водой, который можно было переплыть только на лодках. Провианта в крепости, уверял он, на сто лет. Выслушав подробный рассказ туранца, Исфандияр решил избрать короткий, но самый опасный путь, на котором и нужно было совершить семь подвигов.

Во время первого перехода Исфандияр встретил двух огромных волков с рогами и клыками, подобными бивням слонов. Исфандияр вышел против них один, оставив войско с дядей Пашутаном позади. Сначала он осыпал чудовищ стрелами, а потом отсек им головы мечом.

Вечером витязь вызвал Гургсара и спросил, что ждет их завтра. Пленник ответил:

Ты встретишь льва Дракона он грозней,
Ой крокодила нильских вод страшней.

В песках пустыни, где тот лев гнездится,
Орел не смеет на скалу садиться*.

На другой день Исфандияр двинулся в путь впереди войска. Навстречу ему бросились лев и львица. Витязь поразил мечом обоих.

На вопрос Исфандияра, что ждет его дальше, Гургсар ответил:

Дракон предстанет лютый пред тобой,
Чью жажду утолить нельзя рекой.

---

* Перевод В. Державина.

Огонь и зной из пасти бьют разъятой,
Его спина, как гор хребет зубчатый*.

Услышав это, Исфандияр приказал плотникам и столярам соорудить деревянную повозку, положить туда остро отточенные мечи и запрячь в нее коней. На повозку был поставлен красивый сундук, в котором спрятался Исфандияр. В руке у героя был булатный меч, на теле — кольчуга, на голове — шлем. Когда повозка приблизилась к дракону, тот проглотил ее вместе с конями и сундуком. Мечи впились в его пасть и горло, и дракон стал слабеть, истекая кровью. Тогда Исфандияр выскочил из пасти дракона и убил его. Но вскоре богатырь упал, потеряв сознание от ядовитых испарений, клубившихся вокруг чудовища. Прибывший Пашутан привел героя в чувство.

На четвертый день Исфандияру предстояло встретиться с колдуньей, которая

Захочет — степи в море превратит,
Захочет — солнце на небе затмит*.

Исфандияр двинулся в путь с тамбуром и кувшином вина. Сойдя с коня у чудесного родника, он зашел:

Где мир и счастье, чаша где моя?
Лишь львов степных, драконов вижу я.

Нет доли радости мне в этом мире,
И нет возлюбленной со мной на пире.

Господь, тоску мою ты утоли,
Прекрасную подругу мне пошли*.

Колдунья, услышав песню богатыря, решила погубить его и предстала перед ним юной красавицей. У Исфандияра была приготовлена стальная священная цепь (та, которую подарил Гуштаспу Зардушт). Он накиннул цепь на шею колдунье; красавица сразу потеряла свою волшебную силу и превратилась в мерзкую старуху. Исфандияр отрубил ей голову.

---

* Перевод В. Державина.

Пятый подвиг Исфандияра — убийство сказочной птицы Симуург, которую Гургсар описывал так:

Та птица льва и тигра закогтит,
Кита из волн ухватит — с ним взлетит*.

На шестой день Исфандияру предстояло выдержать снежный буран. Воины пытались уговорить его вернуться назад, но он разгневался, прогнал их и собрался пировать. Но тут надвинулись черные тучи, пошел сильный снег. Так продолжалось три дня.

После того как Исфандияр и иранские воины выдержали снежную бурю, Гургсар стал пугать их, будто бы им предстоит пройти через пустыню, где нет ни капли воды. Однако на другой день оказалось, что Гургсар солгал — иранцы обнаружили огромную реку.

Неподалеку от крепости Исфандияр захватил в плен двух туранцев; расспросив их, он убедился в том, что взять крепость штурмом невозможно. Тогда он решил проникнуть в Руиндиж под видом купца. Для этого он посадил сто сорок воинов в сундуки, которые навьючил на верблюдов, а двадцать воинов взял с собой под видом караванщиков.

Исфандияра и его спутников пропустили в крепость. Затем Исфандияр пришел с дарами к Арджаспу; последний стал расспрашивать «купца» о том, что происходит в Иране, о Гуштаспе и его сыне. «Купец» сообщил Арджаспу, что люди говорят, будто Исфандияр вторгся в Туран через луть «Семи подвигов». На это Арджасп с усмешкой заметил:

Никто семь подвигов тех не свершит.
Ни коршун, ни орел не пролетит

Над тем путем. Поплачь над Руинтаном⁵,
Иль назови меня ты Ахриманом!*

Исфандияр подружился с Арджаспом, стал часто бывать у него. Однажды Исфандияр пригласил на пир

---

⁵ Руинтан (меднотелый) — прозвище Исфандияра.

* Перевод В. Державина.

приближенных Арджаспа. Когда все опьянели, воины Исфандияра открыли крепостные ворота и зажгли условные костры. Завидев сигнал, иранцы во главе с Пашутаном двинулись к крепости. Навстречу им Арджасп выслал основные силы. Исфандияр воспользовался тем, что в крепости не осталось войск, выпустил из сундуков воинов, напал с ними на дворец и убил Арджаспа. А Пашутан разбил туранцев во главе с Кахрамом — сыном Арджаспа. Кахрам отступил с остатками войска в крепость и здесь пал от руки Исфандияра.

Разрушив крепость и опустошив окрестности, освободив из плена своих сестер, Хумай и Бихафарид, Исфандияр вернулся к отцу и потребовал обещанной награды — иранский престол. Гуштасп не желал расставаться с тронном. Поэтому он поставил сыну еще одно условие: Исфандияр должен обратить Рустама в новую веру или привести его, скованного, в царский дворец. Гуштасп знал из предсказаний мудреца Джамаспа, что Исфандияр погибнет от руки Рустама. Гуштасп оклеветал Рустама:

Владыка он и князь Забулистана,
Газнина, Туса и Кабулистана.

Вознесся к небу гордым он челом,
Не числит он себя моим рабом,

Он не внимает повеленьям шаха,
Не ведает передо мною страха.

Ведь был слугой у Кей-Кавуса он,
От смерти Кей-Хосровом был спасен.

Глумится он над славою моею:
Венец, мол, старше царского имею!

В Туране, в Руме и в стране любой
Нет мужа, кто б соперничал с тобой*.

Исфандияр прибыл с войском в Систан и потребовал от Рустама отдаться на милость шаха. При встрече с систанским витязем Исфандияр сначала пытался уговорить Рустама скованным предстать перед

---

* Перевод В. Державина.

царем. Получив отказ, Исфандияр перешел к угрозам. Рустам отвечал спокойно. Он не желал сражаться с сыном шаха. Рустам пригласил его в гости, даже согласился отправиться вместе с ним к шаху, но без оков. Однако юному царевичу этого было мало.

Описанная сцена вызывает у читателя симпатии к Рустаму. Рустам еще раз пригласил Исфандияра пировать, тот в свою очередь позвал Рустама к себе и обещал явиться за ним. Однако Исфандияр не сдержал слова. Оскорбленный Рустам не мог не выразить своей обиды и сам пришел в ставку Исфандияра. При этом он воздал хвалу, Исфандияру и перечислил свои заслуги. Исфандияр лицемерно ответил, что не послал за Рустамом слуг, так как было жарко и он не хотел тревожить богатыря.

Во время следующей встречи богатыри заспорили, стали вспоминать свои подвиги и кичиться благородным происхождением. Речи Исфандияра надменны и высокомерны, в словах же Рустама чувствуется скромность человека, знающего себе цену. Исфандияр гордился тем, что утвердил новую религию; Рустам говорил о себе, что он сражался только за справедливость и законную царскую власть.

Исфандияр усомнился в благородном происхождении Рустама и спросил, правда ли, что Заль произошел от дива. В ответ Рустам перечислил всех своих предков вплоть до Джамшида и добавил, что царствующая династия обязана престолом ему, Рустаму. Исфандияр высокомерно назвал Рустама слугой царей, которым он должен повиноваться, так как они даровали ему владения.

Исфандияр продолжал требовать, чтобы Рустам согласился скванным предстать перед шахом, но получил резкий отказ:

Когда ж сковать меня ты вздумал, шах,
Корысти не найдешь ты в тех цепях.

Как я примчусь на бой, как взвею прах —
Меж небом и землей посею страх!

Был я великим, счет терял победам,
Когда Лухрасп был никому не ведом.

Имел я эти земли, этот дом,
Когда Гуштасп был в Руме кузнецом.

Был молод, поседел я чередом,
Но я не ведал о стыде таком:

«Иди! Свяжи Рустама!» — кто так скажет?
Мне сам творец вселенной рук не свяжет!

Вот в оправданиях унижаюсь я.
Речей довольно! Щит мой — честь моя! *

В конце концов богатыри нашли выход лишь в единоборстве. В первом бою Рустам был тяжело ранен, но не уступил противнику, и поединок был перенесен на следующий день. А Заль ночью призвал на помощь птицу Симуург, которая сказала, что сразить Исфандияра можно, лишь попав в глаза двужалой стрелой, сделанной из тамариска; однако убивший Исфандияра не проживет долго.

Явившись на другой день на поединок, Рустам был уверен, что убьет Исфандияра. И все же он еще раз попытался решить спор мирным путем, но снова получил высокомерный отказ. И лишь тогда Рустам вступил в бой и победил. Исфандияр перед смертью проклял отца, виновника своей гибели, и попросил Рустама взять на воспитание сына, Бахмана.

Убийство Исфандияра, борца за новую веру, не могло остаться безнаказанным, и Рустам должен был умереть. Но волею богов смерть в бою ему не была суждена. Он погиб, провалившись на охоте в волчью яму; это было подстроено его братом Шагадом, обиженным на Рустама. Перед смертью Рустам успел пронзить Шагада стрелой.

Воцарившийся на престоле после гибели Рустама Бахман выступил с войском в Систан, убил сына Рустама Фарамурза и взял в плен систанских витязей во главе с Залем, которому было более шестисот лет. Как ни умолял старец, сколько ни напоминал Бахману о том, что он был воспитан в их доме, ничто не помогало; Бахман был непреклонен и хотел казнить Залья и всю его семью; но благочестивый Пашутан засту-

---

* Перевод В. Державина.

пился за них, и Бахман отпустил Заля и его родных обратно в Систан.

На этом кончается героическая часть «Шах-наме» и начинается так называемая историческая часть. Как уже отмечалось, в ней, помимо исторически достоверных фактов, встречаются романтические и сказочные сюжеты. Однако их число к концу повествования уменьшается, и изложение зачастую становится просто рифмованной хроникой событий, происшедших в царствование последних Сасанидов.

Содержание этой части таково. Один из потомков Бахмана, Дара, был разбит Искандаром (Александром Македонским). Фирдоуси считает Искандара потомком древних иранских царей, т. е. их законным наследником, а не узурпатором. В «Шах-наме» об этом рассказывается так: Файлакус (Филипп Македонский) отдал дочь в жены Дарабу, отцу Дары. Но Дараб не влюбил жену и отправил ее обратно. На родине у нее родился сын Искандар, усыновленный Файлакусом. Возмужав, Искандар напал на Иран, победил Дару и завладел тронот отцов. Далее в поэме изложены легенды о подвигах Искандара в сказочных странах Азии и Индии.

Последующий пятисотлетний период истории Ирана до воцарения Сасанидов не описан в «Шах-наме». Фирдоуси посвятил лишь несколько стихов Аршакидам, процарствовавшим в Иране более четырех веков, и перешел к изложению истории жизни Ардашира Папакана, основателя новой династии—Сасанидской. Юный Ардашир находился при дворе последнего Аршакида—Ардавана, который увидел во сне, что этот юноша отнимает у него царство. Он решил погубить Ардашира. Узнав об этом, юноша бежал из столицы вместе с дочерью Ардавана. Впоследствии Ардашир убил Ардавана. Ардашир, сражаясь с разными чудовищами, совершил небывалые подвиги. Он также считается потомком древних царей Ирана.

Далее «Шах-наме» представляет собой хронику династии Сасанидов. Эта хроника доведена до гибели последнего царя династии, Йездигерда III (651), и завоевания Ирана арабами. Значительную часть пове-

ствования занимают описания войн сасанидских шахов с Византией, причем о неудачах Ирана, как правило, Фирдоуси не упоминал.

В этой части занимательны романтические приключения Бахрама Гура, у которого мало общего с его прототипом, Варахраном V.

Бахрама Гура не любил его отец Йездигерд-грешник. Юность Бахрам провел при дворе арабского царя Мунзира. После смерти шаха зять возвела на трон его дальнего родственника. Узнав об этом, Бахрам прибыл во главе арабских воинов в Иран и предъявил свои права на престол. Но вельможи решили, что шахом станет тот из претендентов, кто сможет взять корону, положенную на престол, к подножию которого были привязаны два льва. Они надеялись, что Бахрам устрашится львов. Соперник Бахрама испугался и не дерзнул подойти ко львам. Жрецы и зять стали отговаривать Бахрама от безрассудной затеи. Бахрам все же решил взять корону.

И поднял он палицу с мордой быка.
Как львы увидали, что схватка близка,

Один разорвал и оковы, и цепь,
Навстречу властителю двинулся в степь.

Царь палицей в темя хватил его раз,
Отшиб у свирепого блеск его глаз.

К другому пошел — и хватил его вновь,
На грудь из очей его хлынула кровь.

Воссел властелин на престоле отца,
Венчался венцом, пламенящим сердца*.

Бахрам сразу же освободил население от податей и проявил себя справедливым государем. Фирдоуси описал встречи и беседы Бахрама Гура с простыми людьми. Некоторые из этих эпизодов составили содержание новелл о Бахраме. В одной из них рассказывается, как Бахрам Гур запретил пить вино. Однажды у Бахрама гостил знатный муж Кабруй. Он выпил много вина. После пиршества Кабруй поскакал в степь и лег отдохнуть на холме в тени. К нему подлетел

---

* Перевод М. Лозинского.

ворон, выклевал глаза, и Кабруй скончался. Узнав об этом, Бахрам Гур запретил пить вино. Народ был огорчен этим. Бахрам Гур снова разрешил пить вино, когда узнал, как однажды выпивший сапожник одолел свирепого льва.

В другой новелле говорится, что во время охоты Бахрам Гур как-то остановился на краю села. Около мельницы веселились деревенские девушки, наряженные в праздничные одеяния. Когда подъехал шах, они спели в его честь песню. Из толпы девушек вышли четыре красавицы-сестры и спели новую песню о Бахраме. Они ему понравились, и он женился на них.

В следующем рассказе говорится о том, как Бахрам Гур нашел сокровища, зарытые Джамшидом, и разделил их между подданными.

Самостоятельной новеллой является эпизод о посещении Бахрамом Гуром (в качестве посла) двора индийского царя Шангуля. В Индии Бахрам победил силачей, убил огромного свирепого волка, уничтожил страшного дракона. За эти подвиги Шангуль отдал за Бахрама свою дочь. Бахрам пытался увезти ее в Иран, но Шангуль догнал их в пути и обвинил Бахрама в неблагодарности. Богатырь открыл свое настоящее имя. Тогда Шангуль смиренно попросил прощения и благословил в путь. Шангуль посетил Бахрама в Иране и возвратился в Индию с дарами.

Далее описана неудачная попытка Бахрама Гура освободить население от податей, затем следует история о том, как он поселил в Иране цыган из Индии.

Бахрам Гур процарствовал шестьдесят три года.

Затем Фирдоуси осветил историю нескольких сасанидских царей, их войны с Византией и эфталитами⁶ и подробно остановился на царствовании Хосрова Ануширвана. Интересно описание народного восстания под предводительством Маздака, которое началось еще при отце Хосрова — шахе Каваде. В отличие от всех других средневековых мусульманских авторов Фирдоуси писал о восставших с сочувствием.

⁶ Эфталиты — кочевники, организовавшие на территории Средней Азии государство. В исторической литературе их называют также «белыми гуннами».

подавив восстание Маздака, Хосров Ануширван, один из самых могущественных сасанидских шахов, привел в порядок податную систему, наладил дисциплину в войске и т. д. Затем он отвоевал у Византии Сирию. После заключения мира против Ануширвана восстал его сын Нушзад, но был разбит и умер от ран, полученных в бою.

Далее Фирдоуси описал войны Хосрова с эфталитами и тюрками и его женитьбу на дочери тюркского хакана.

В «царствовании» Хосрова Ануширвана много внимания уделено беседам этого шаха на этические темы с мудрым везиром Бузурджмихром.

Здесь же Фирдоуси изложил две версии о появлении игры в шахматы. Согласно первой, индийский царь прислал Хосрову Ануширвану изобретенные искусными мудрецами шахматы, и тот должен был догадаться, каковы правила игры. Бузурджмихр разгадал тайну шахмат. В свою очередь он послал в Индию игру нарды⁷, но индийские мудрецы не смогли разгадать правил этой игры.

По другой версии, между двумя индийскими царевичами, братьями Гавом и Талхандом, после смерти отца разгорелась борьба за трон. Гав был разумен и потому достоин венца, а Талханд из-за своего безрассудства не мог быть правителем.

Первая битва не принесла никому победы.

Для второй братья выбрали поле, окруженное с трех сторон глубокими рвами; четвертую сторону омывало море. Во время боя поднялась буря. Талханд умер от усталости и жажды. Гав, желая доказать матери, что он не проливал крови брата, велел мудрецам представить бой в виде игры. Решая эту задачу, мудрецы и изобрели шахматы. Были установлены правила движения каждой фигуры.

Кто шаха увидит на ратных путях,
Ему говорит: «Берегися, о шах».

---

⁷ Нарды — распространенная на Востоке игра, называемая в Европе трик-трак.

Из клетки тут шах отступает своей,
Пока не утратит он к бегству путей.

Теснят и со всех окружают сторон
Наставник и рух⁸, конь, пехота и слон.

И смотрит кругом государь молодой:
Рассеяно войско в тревоге большой.

Вода и преграды, куда ни беги,
Направо, налево, повсюду враги.

Шах, мат — от лишений скончался герой,
То было вельенье судьбы роковой.

И так о Талханде сказать пожелав,
Начало дал шахматам доблестный Гав*.

В правилах игры отразились свойственные тому времени понятия восточного воинского кодекса чести, согласно которому никто, кроме царя противной стороны, не смел убить в бою царя. Всадники и пехотинцы могли лишь окружить царя и отрезать ему путь к отступлению.

В этой же части поэмы Фирдоуси рассказал о том, как был привезен из Индии сборник притч «Калила и Димна». По преданию, однажды лекарь Барзуй рассказал шаху, что он слышал о чудесной траве, которая растет на какой-то горе в Индии:

Коль ту траву над мертвым покрошить,
Он оживет и станет говорить**.

Барзуй пожелал поехать в Индию и раздобыть эту траву для Хосрова Ануширвана.

Шах написал письмо индийскому радже и вместе с подарками вручил его Барзую. Индийский владыка, прочитав письмо, изумился, созвал лекарей и велел им помочь принельцу из дальних стран разыскать чудесную траву. Все брахманы, обитавшие в горах, также стали искать ее, но собранные травы не могли оживить мертвеца.

Барзуй стал расспрашивать индийских мудрецов, нет ли человека еще более ученого и мудрого, чем они.

---

⁸ Наставник — ферзь; рух (перс.) — ладья.

* Перевод М. Дьяконова.

** Перевод В. Державина.

Ему указали на древнего старца. Выслушав Барзую, мудрец ответил, что он когда-то читал об этой лекарственной траве и сам долго искал ее, но безрезультатно:

Траву искали — не могли найти.
Пришлось пойти по новому пути.

Что есть трава? — реченье лишь, а знание —
Тот склон горы, где слов произрастанье.

Лишенный знания — вживе умерщвлен.
Невежда высшей радости лишен.

Лишь знаньем дух сияет человека;
Блажен, кто мудро трудится от века.

Печальна и горька незнания мгла,
Но книга есть, ей имя — Калила,

Что озаряет людям даль дороги..
Найдешь ты книгу у раджи в чертоге*.

Барзуй отправился к индийскому владыке с просьбой разрешить ему прочесть книгу «Калила и Димна». Барзую присылали книгу лишь на день, а на ночь ее снова относили в хранилище. Он старался запомнить прочитанное за день, а ночью записывал все, не пропуская ни слова.

Когда Барзуй вернулся в Иран, Хосров Ануширван спросил, что он хочет получить в награду. Царский лекарь попросил перевести книгу на пехлевийский язык и упомянуть в предисловии его имя. Хосров приказал выполнить эту просьбу.

Фирдоуси рассказал, что книга «Калила и Димна» хранилась в дворцовых библиотеках сасанидских царей, была переведена с пехлевийского на арабский язык при халифе Мамуне (809—833), а потом при Саманидах — на фарси.

Ко времени царствования преемника Хосрова Ануширвана, Хормузда, относится драматическая история жизни полководца Бахрама Чубина, который узурпировал царскую власть и дерзнул возложить на свою голову корону Сасанидов. История Бахрама Чубина

---

* Перевод В. Державина.

в «Шах-наме» продолжается и в «царствовании» шаха Хосрова Парвиза.

В другом эпизоде рассказано о романтической любви Хосрова Парвиза к прекрасной христианке Ширин. Однажды Хосров Парвиз выехал на охоту и встретил красавицу Ширин. Хосров влюбился в нее и распорядился отправить ее в свой гарем. Знать была недовольна выбором шаха, и старший мобед обратился к Хосрову с такой речью:

Великий ныне был запятнан род,
Величье из-за этого падет.

А коль в роду один неблагородный,
То знай, что будет сын — неблагородный*.

Хосров созвал знать и жрецов и показал им чашу, наполненную кровью. Увидев кровь, они с отвращением отвернулись. Затем Хосров приказал слугам вылить кровь, вымыть чашу и налить в нее вино.

Сказал Хосров: «Ширин в толпе смятенной
Была подобна чаше загрязненной.

А ныне, чистым налита вином,
Благоуханьем полнит весь мой дом.

Она виновна ль в том, что с ней случилось?
Она из тьмы душой ко мне стремилась»*.

После дворцовых интриг и военного мятежа Хосров был свергнут своим сыном Шируйе, заточен во дворце и убит подосланным убийцей. Шируйе хотел жениться на Ширин, но она отвергла его и покончила с собой на могиле любимого мужа.

О Хосрове и Ширин Фирдоуси рассказал очень мало. Автора больше интересовал мятеж Бахрама Чубина. Другие поэты, например Низами, Амир Хосров Дехлеви и Навои, написали о любви Хосрова и Ширин целые поэмы.

Кончается «Шах-наме» описанием завоевания Ирана арабами. Поэт гневно обрушился на завоевателей страны. Он пользовался распространенными шуубит-

---

* Перевод В. Державина.

скими «доводами» о превосходстве иранцев над арабами. Так, предводитель иранского воинства писал военачальнику арабов:

Вождь войска голодранцев — вот кто ты!
Посмешище иранцев — вот кто ты!

Лишь хлебом сытый, нам ты не угроза —
Без трона, без слонов и без обоза! *

Последний шах из династии Сасанидов Йездигерд III после поражения долго скитался по Ирану, пытаясь собрать новое войско, но с каждым днем у него оставалось все меньше сторонников, и он погиб, покинутый всеми. Фирдоуси оплакивал падение величия Ирана. В конце поэмы он написал о значении «Шах-наме» для последующих поколений и о славе, которую он заслужил за свой творческий подвиг.

---

* Перевод Л. Пеньковского.

ИДЕЙНАЯ ОСНОВА «ШАХ-НАМЕ»

Предсказание Фирдоуси о бессмертии его творения оказалось пророческим: прошла почти тысяча лет со времени написания «Шах-наме», а интерес читателей к поэме не ослабевает. Произведение Фирдоуси имеет не только познавательное и эстетическое значение. В Иране и Средней Азии в особенно острые периоды, когда требовались единение внутренних сил страны и централизация власти, усиливался интерес к эпопее Фирдоуси. Так было при Тимуридах в Средней Азии (XV в.), при Аббасе I (XVII в.), при Фатх Али-шахе (XIX в.) в Иране. Поэтические образы, созданные Фирдоуси, стали символами борьбы против тирании и против врагов отчизны. Гилянские революционеры в Иране (1921) изображали на своих знаменах и в прокламациях кузнеца Кава. Прогрессивный журнал иранской интеллигенции, издававшийся в 20-е годы XX в. в Берлине, был назван «Кава». В Советском Таджикистане написана патриотическая опера о восстании кузнеца Кава; в суровые дни Великой Отечественной войны во время выступления на антифашистском митинге народов Средней Азии Мирзо Турсун-заде цитировал героические стихи Фирдоуси.

Гуманистические идеи «Шах-наме» волнуют людей наших дней, они близки не только персам, таджикам и афганцам, но и другим народам.

Любовь к родине вызвала к жизни «Шах-наме», ею проникнуто все творение Фирдоуси — верного сына своей отчизны.

Родина в понимании Фирдоуси — это Иран. Поэт

призывает соотечественников защищать Иран и объединить для этого все внутренние силы, невзирая на племенные и социальные различия. Для героев «Шах-наме» Иран — самая прекрасная страна. Хосров Парвиз, например, в беседе с сыном сравнивал Иран с цветущим весенним садом. Индийский царь Шангуль также восторгался великолепием Ирана.

Во времена Фирдоуси слова поэмы, повествующие о разорении и гибели Ирана, находили волнующий отклик у соотечественников, которые понимали, что ожидает их страну в случае нашествия поработителей. Вот что говорил накануне похода в Иран Камус Кушани — самый могущественный противник иранского войска:

Одним рывком Иран я разорю
И никому добра не подарю.

Не пощажу ни жен я, ни детей,
Ни шаха, ни его богатейей.

Здесь не оставлю никого в живых,
Не пощажу ни стад, ни пастбищ их *

Большей частью врагами иранцев были кочевники, которые вторгались в Среднюю Азию и Иран в поисках новых пастбищ.

О чести разве знают, сам смотри,
Живущие разбоем дикари?

Всю славу нашу растоптав во прахе,
Они Иран держали в вечном страхе,

И в степи уходил от них народ,
Дома бросая, угоняя скот *

В «Шах-наме» много говорится о последствиях походов иноземных правителей в Иран. Воины Ирана всеми силами противодействовали разорению родной страны, они сражались и умирали ради нее, ради благополучия соотечественников. Мысли патриота-воина о судьбе отчизны поэт выразил в размышлениях Рустама

---

* Перевод В. Державина.

накануне поединка с могущественным врагом. Рустам говорил, что в случае его гибели Иран будет разорен и что при этом пострадают земледельцы и ремесленники.

Родная земля в «Шах-наме» — источник силы для воинов, а соотечественники — их неизменные друзья и помощники. Когда, опасаясь Бахрама Чубина, Хосров Парвиз собирался покинуть Иран, приближенные уговаривали его не делать этого, не приводить в Иран чужеземное войско для войны с мятежным полководцем. Бахрам Чубин в предсмертный час скорбел о том, что он выступил против родной страны. Он советовал своим сподвижникам вернуться в Иран и покориться его законному правителю.

Патриотизмом наделены не только иранцы. Фирдоуси изобразил патриотами и туранцев. Узнав о вторжении в Туран Рустама, они дали обет бороться с иноземными захватчиками:

Ради своей земли,
Ради жен и малых детей

Все мы пожертвуем жизнью,
Но не уступим врагу отчизны

Не желая изменить родной стране, погиб благородный туранский богатырь Пиран. Он мог получить почет и славу, предлагаемые Кей-Хосровом, но Пиран не захотел покинуть отчизну и погиб в сражении с Гударзом.

Поэт мечтал увидеть Иран великим и могущественным, а врагов родной страны — поверженными. В X в. в Саманидском государстве такие настроения были очень распространены.

С патриотическими воззрениями Фирдоуси связана и другая основная идея «Шах-наме» — о справедливом правителе. По мнению поэта, во главе могущественного Ирана должен стоять мудрый, справедливый государь, который будет содействовать процветанию страны. Чело того, кто достоин быть шахом, увенчивает так называемый фарр — сияющий нимб-божественной благодати. Быть шахом может лишь предста-

витель царского рода, обладающий божественным фарром. Если старшие сыновья не имеют его, они должны уступить престол младшим. Например, Фаридуш занимал престол, хотя у него было два старших брата. Государем может стать также отдаленный родственник шаха, если сыновья шаха не обладают божественным фарром. Так, после Наузара престол перешел к Заву, хотя у шаха было два сына — Тус и Густахам. О том, кто, по мнению Фирдоуси, достоин царствовать, читатель узнает из спора Туса и Гива о преемнике Кей-Кавуса. Тус поддерживал притязания Фарибурза, сына Кей-Кавуса, и заявлял:

Шах должен наделен быть полной мерой —
Высоким благородством, блеском, верой.

Сын Кей-Кавуса — Фарибурз, и он
Один достоин взять венец и трон.

Он чужд врагам Ирана — шах счастливый,
Прославленный, прекрасный, справедливый*.

Таким образом, хотя Тус и признавал, что претендент должен обладать личными достоинствами, главным он считал происхождение. Ему отвечал Гив:

Когда б ты прозорливым пребывал,
Иран бы Кей-Кубада не искал,

И потому, что ум твой не устроен,
Ты быть иранским шахом недостойн.

Хоть род Наузара был и славен встарь,
Жесток ты и безумен, как дикарь.

Пусть бог того короною венчает,
Кто разумом высоким обладает*.

Здесь Гив намекал, что Тус не наследовал своему отцу Наузару из-за отсутствия необходимых для шаха личных достоинств. Не отрицая важности благородного происхождения, Гив все же считал, что при выборе шаха главное внимание следует уделять личным качествам претендента на престол. Из этого спора победи-

---

* Перевод В. Державина.

телем вышел Гив: весь дальнейший ход повествования убеждает читателя в том, что Фарибурз по личным достоинствам и доблести во многом уступал своему сопернику.

Фирдоуси подчеркивал, что богатство не может заменить ум:

Достоин царства лишь умом богатый,
Душа и светлый ум дороже злата*.

Однако Фирдоуси не считал, что царем может быть любой человек, способный управлять государством. Поэт полагал, что право на престол имеет лишь потомок древних династий, что посягательство на верховную власть со стороны человека, не происходящего из рода царей, — святотатство. Но один только принцип наследственной власти Фирдоуси считал недостаточным.

Представление поэта о том, кто имеет право на верховную власть и каким должен быть государь, отчетливо выражено также в словах Бахрама Гура, пронесенных перед иранской знатью:

Яздава¹ молю, да подаст мне идти
Отныне к добру по прямому пути,

Чтоб душу и сердце очистить от зла,
Которым держава отцова была.

Я к миру и правде направил мой дух;
Вы будете стадо, я буду пастух.

Чтоб тешить людские сердца, буду жить,
Как должен поклонник творца, буду жить.

Я смел, прозорлив, даровит и учен;
Неправедный царь дарований лишен;

В ком кривда и злоба, тот скуден умом,
И мудрому надобно плакать о нем.

Во мне есть величье и царственный ум,
И много высоких и благостных дум**.

---

¹ Яздава — бог.

* Перевод В. Державина.

** Перевод М. Лозинского.

Далее Бахрам говорит о том, что он имеет право на престол и по происхождению, как потомок Сасанидов. Он продолжает:

Мой разум, и сан, и дары высоки,
Есть доблесть и храбрость, и сила руки.
Я мужа за мужа не счел бы нигде,
В бою, на пиру и во всяком труде.
Богатая мною зарыта казна,
И служба друзей именитых верна.
Я правдой цветущим весь мир сотворю.
И радостью правды людей одарю *.

Идея мудрого государя воплощена в образах справедливых правителей; ее утверждение звучит также в многочисленных назиданиях и сентенциях. На формирование этой идеи оказали влияние крестьянские антифеодальные движения и поэзия X в.

Вдохновители народных выступлений против феодалов выражали надежду на приход некоего мессии — спасителя, который будет идеальным, справедливым правителем. В Иране и Средней Азии мессианской идеей были проникнуты религиозные учения последователей Абу-Муслима, Бих-Афариды и многих других вождей народных восстаний.

Справедливость в «Шах-наме» прежде всего означает правосудие, т. е. назначение для всех подданных независимо от их социального положения одинакового наказания за равное преступление. Справедливый шах в понимании Фирдоуси — это мудрый правитель, постоянно заботящийся о процветании страны и о благосостоянии подданных. Об этом говорил Хосрову Ануширвану его мудрый везир Бузурджмихр:

Когда правитель мудр и справедлив,
Страна цветет — народ ее счастлив **.

Вот почему цари в «Шах-наме», вступив на престол, улучшали оросительную систему, освобождали

* Перевод М. Лозинского.

** Перевод В. Державина.

подданных от уплаты налогов, выдавали нуждавшимся пособие из казны. Так, Ардашир Папакан поручал наместникам:

Ведите же во всех концах страны
Градостроительство за счет казны,
Чтоб люди, не имеющие крова,
Влачащие свой век в нужде суровой,
Все получили пищу и жилье,
Чтоб население множилось мое*.

Если народ пострадал от стихийных бедствий, обязанность правителя, по мнению Фирдоуси,—облегчить участь несчастных. Шах Пируз во время голода освободил население от уплаты податей, приказал раздать жителям запасы хлеба, хранившиеся в царских амбарах, скупил у купцов зерно, чтобы распределить его между голодающими.

Шах велел глашатаям объявить:

А если, пав от голода без силы,
Умрет ребенок или старец хилый, —
Я кровь владельца житницы пролью
За то, что волю он презрел мою*.

Правитель должен оберегать подданных от злоупотреблений чиновников, защищать от воров и грабителей. Шах несет ответственность за убытки, причиненные последними. Об этом говорил Бахрам Гур:

И коль нечестный сборщик податей
Хоть в малом будет угнетать людей,
То знайте: на костре его сожгу я,
Или его повесить повелю я.
И если вора дерзкого рука
Подстилку украдет у бедняка —
Дам деньги на ее приобретение
И огражу сердца от огорченья.
И если в стадо ночью волк войдет,
Овцу или ягненка украдет,

---

* Перевод В. Державина.

Дать скакуна я поспешу за это,
И восхвалений не прошу за это*.

Шах должен быть справедлив при взимании с крестьян налогов. Поэт сочувствовал труженикам, интересы которых постоянно ущемлялись феодалами. Известно, что влиятельные чиновники и военачальники пользовались льготами при уплате податей, а вся тяжесть земельных налогов ложилась на мелких землевладельцев и крестьян. Нередко, чтобы избежать непосильных поборов, последние переписывали свои земли на крупных землевладельцев. Конечно, прежние владельцы вскоре теряли право собственности, и земля полностью переходила в руки феодалов. От уплаты податей не освобождали земледельцев и при стихийных бедствиях. Когда султан Махмуд Газневид во время голода освободил население на год от уплаты земельного налога, историки и поэты превозносили его за невиданное великодушие. Поэт и мыслитель XI в. Насир Хосров с восхищением отмечал, что в Египте не взимали податей в периоды мелководья Нила. Повидимому, в Иране и Средней Азии подобные льготы были редкостью.

Фирдоуси в «Шах-наме» протестовал против обложения налогами запущенных и заброшенных земель, что было узаконено в Средней Азии. Основоположник советской таджикской литературы С. Айни указывал, что даже в конце XIX в. такие налоги («за колючки») взимались с землевладельцев. Характеризуя Ардашира как справедливого правителя, Фирдоуси писал:

И если земли хлеба не рождали
Или в канавах воды высыхали,

От подати он край освобождал,
Чтоб земледелец в бедствие не впал.

И если где дикканы разорались,
Впадали в нищету, скота лишались, —

Зерно давал и тягло от казны,
Чтобы цвели все уголки страны*.

---

* Перевод В. Державина.

Поэт с болью писал о том, что посеvy крестьян подвергались потраве, и призывал шахов сурово наказывать виновников. Крестьяне страдали от грабительств регулярных войск и газиев (добровольцев в «войне за веру»), представлявших собой деклассированный сброд.

В поэме описано, как шахи угрожали тем, кто покушался во время похода на имущество жителей. Так, Бахрам Чубин требовал казнить знатного воина, отобравшего у старухи мешок соломы. Ардашир Папакан дал воинам такой наказ:

Не тронь имущества простых людей,
Коль светоч не угас в душе твоей*.

Фирдоуси считал, что правители обязаны проявлять заботу о нетрудоспособных подданных, о стариках, вдовах, сиротах, калеках.

Бахрам Гур также заботился о жертвах войн и о сиротах:

И если всадник в битве за Иран
Калекой станет иль умрет от ран,
Его семье назначу воздаянье,
Сирот я не оставлю без вниманья*

Младший современник Фирдоуси знаменитый мыслитель Ибн Сина тоже считал, что определенная часть государственных средств должна расходоваться на содержание людей, потерявших трудоспособность на войне. Такие же требования были выдвинуты и в ходе некоторых антифеодальных крестьянских движений. Так, восставший в 751 г. Бих-Афарид требовал, чтобы с любого дохода одна седьмая часть взималась на содержание калек и престарелых и на различные другие благотворительные цели.

В «Шах-наме» осуждается тирания. Некоторые цари, описанные Фирдоуси, были тиранами и насильниками по своей натуре (туранские правители — Афрасияб, Арджасп, Гарсиваз); другие становились

---

* Перевод В. Державина.

тиранами под воздействием дивов и иных злых существ (например, Кей-Кавус, которого не раз враждебные людям силы совращали с правильного пути). Но Фирдоуси подчеркивал, что шахи-насильники не остаются безнаказанными: рано или поздно они лишаются трона или же погибают.

Насилье для властителя — позор.
Насилье — шаху смертный приговор.

Всем ненавистен, как отродье дива,
Жестокосердый шах, несправедливый.

Коль древо злобы шах посадит — он
Утратит благоденствие и трон*.

По убеждению Фирдоуси, тираны будут наказаны и в загробной жизни.

Отношение автора к тирану в «Шах-наме» выражено противоречиво.

С одной стороны, Фирдоуси нарисовал яркие картины вооруженной борьбы народа против тирании. Например, когда свергнутый Фаридуном Заххак попытался вернуться к власти, народ с оружием в руках выступил против него.

С другой стороны, в своих философских рассуждениях Фирдоуси в отличие от Ибн Сина, который считал, что тирания должна быть уничтожена вооруженным путем, рекомендовал иной выход:

Из той страны, где зло царит и гнет,
Разумный, чистый духом сам уйдет.

Несправедливой злобою обьятый
Владыка в мире хуже киямата².*

Так, когда шах Наузар начал притеснять людей и отбирать имущество, воины покинули его во время битвы, и он попал в плен к Афрасиябу. Хосров Парвиз стал тираном; тогда

Без хлеба, без воды изнемогли
Войска и из Ирана прочь ушли*.

---

² К и я м а т — светопреставление.

* Перевод В. Державина.

Поэт предупреждал шахов, что вследствие их тирании подданные станут друзьями их врагов. Например, шаха Дараба покинуло войско на поле битвы, и он потерпел поражение. Такая же участь ранее постигла Джамшида. За совершенные беззакония был свергнут иранцами и шах Кавад. Шапур II говорил своему наследнику о том, что ждет тирана-шаха:

Всех подданных сердца к нему остынут,
Все приближенные его покинут*.

Много внимания уделил Фирдоуси идее извечной борьбы добра со злом, которая имеет глубокие корни в древней мифологии и эпосе иранских народов. В «Шах-наме» говорится о том, что над миром царит доброе божество — Яздан; ему подчинены небеса, светила, люди, животные. Яздану противостоит злое божество — Ахриман, которому подвластны дивы, колдуны и злые духи. Яздан и Ахриман постоянно борются между собой за господство. Побеждает Яздан, но убить Ахримана он не в силах, так как злой дух бессмертен.

Ахриман, чтобы совратить людей с истинного пути, нередко выступает в человеческом облике, но чаще это делают по его велению дивы. Первое столкновение людей с дивами Ахримана произошло при первом человеке и первом правителе Каюмарсе. Черный див убил любимого сына Каюмарса. При следующих шахах борьба стала еще сильнее, но доброе начало победило.

Ахриман хитер, его способы борьбы с добром многообразны. Он внушает надменность и заносчивость иранскому царю Джамшиду, чтобы того покинули собственные подданные. Самым коварным деянием злого духа против людей было совращение шаха Заххака: он добился того, что этот тиран стал губить человеческий род. Однако Ахриман способен был одерживать только временные победы. Окончательно победил Яздан; кузнец Кава и потомок Джамшида Фаридун свергли Заххака и восстановили справедливость.

Борьба добра и зла снова разгорелась после убийства сына Фаридуна Иреджа его братьями. Далее в «Шах-наме» эта идея находит выражение в войнах

* Перевод В. Державина!

иранцев против туранцев, ибо самым злобным и жестоким врагом иранцев являлся туранский шах Афрасияб. В изображении Фирдоуси туранцы во главе с шахом — порождение Ахримана; они не признают светлого Яздана; Афрасияб убил иранского шаха Наузара, вторгся с полчищами туранцев в Иран, разграбил и разорил страну. Он сделал это, когда шах Кей-Кавус находился в плену в арабской стране Хамаверан. Афрасияб и его брат Гарсиваз убили невинного Сиявуша и старались погубить его сына Кей-Хосрова.

В «Шах-наме» Ахриман и дивы совращают не только Заххака, но и других правителей. К Кей-Кавусу пришел див и стал прельщать его песней о чудесной природе Мазандерана. В другом эпизоде дивы, встревоженные растущим могуществом Ирана, ищут способа погубить шаха. Один из них предложил внушить Кавусу желание полететь на небо.

Жена Кей-Кавуса Судаба, пытавшаяся соблазнить Сиявуша, способствует Ахриману. Гибель Сиявуша послужила поводом к жестоким войнам между иранцами и туранцами.

Туранский шах Арджасп в «Шах-наме» и покорившие Иран арабские войска изображены исполнителями воли Ахримана. О последних поэт не мог сказать этого от своего имени, так как подобное утверждение вызвало бы жестокую кару со стороны мусульманского духовенства. Вот почему эти слова в «Шах-наме» произносят иранские воины.

Против Ахримана и дивов борются не только шахи, но и богатыри. Рустам поражает мазандеранских дивов во главе с Белым дивом, страшного Акван-дива, Исфандияр также истребляет дивов во время своего похода против Арджаспа.

Другой идеей «Шах-наме» является вера во всемогущество рока. Автор считает, что судьбу предопределяет бог, который руководит жизнью и поступками людей. Об этом неоднократно говорится в лирических отступлениях, эту же мысль утверждают герои «Шах-наме».

Рустаму не суждено было погибнуть в бою, поэто-

му он победил Белого дива и остался в живых, когда Акван-див сбросил его в море. Во втором поединке с богатырем Сухрабом Рустам был повержен на землю; но и тут он избежал смерти, обманув Сухраба. Рустам, израненный в бою с витязем Исфандияром, в конце концов одержал победу с помощью волшебной птицы Симург.

Однако Фирдоуси не навязывает читателю своей мысли. Так, он нигде прямо не говорит, что Рустам не погиб в бою благодаря предначертанию судьбы. Рустам показан как человек с достоинствами и недостатками. Победы, которые одерживал этот герой, автор поэмы объясняет его отвагой, воинской хитростью и находчивостью. В Рустаме борются сознание необходимости подчиниться шаху и рыцарская честь. В свою очередь честолюбивый Исфандияр ослеплен мечтой о троне. Исфандияр знает, что его убьет Рустам, и тем не менее стремится к схватке. Он не может поступить иначе, ибо мечтает любой ценой добиться венца. Рустам не может позволить отвести себя к шаху в кандалах. Поэтому он поражает юного богатыря, хотя и знает, что убивший Исфандияра не надолго переживет его. Таким образом, предсказание сбылось, идея поэта нашла выражение, но не в виде абстрактных сентенций, а в поступках и действиях людей.

В поэме много эпизодов, подтверждающих мысль Фирдоуси о том, что воля судьбы осуществляется посредством действий людей. Почему, например, остался в живых Кей-Кавус, совершивший столько безрассудных поступков? Во время взлета на воздух в паланкине Кавус не погиб погону, говорит Фирдоуси, что у него должен был родиться сын Сиявуш, а у Сиявуша — Кей-Хосров, которому суждено было убить Афрасияба. И в данном случае предначертание судьбы осуществилось благодаря Рустаму, спасшему Кей-Кавуса.

Показательна и судьба Афрасияба. Когда Рустам впервые боролся с ним, ему удалось поймать Афрасияба арканом, однако тот спасся и в дальнейшем не раз ускользал от Рустама, так как судьбой было предначертано, что Афрасияб будет убит Кей-Хосровом.

Вера в божества, олицетворяющие добро и зло, и в предначертания судьбы составляла идеалистическую основу мировоззрения Фирдоуси. В условиях средневековья оно и не могло быть иным.

В то же время поэт придавал большое значение воле, энергии и решительности людей. Побеждают в «Шах-наме» всегда сильные личности. Рустам, выплыв на берег после того как Акван-див бросил его в море, воскликнул:

Кто крепко на ногах своих стоит,
Того судьба слепая не страшит*.

Или другой пример. Шах Наузар возгордился, стал притеснять подданных, не следовал советам мудрецов. Вельможи обратились к богатырю Саму с просьбой разрешить им низложить Наузара, которого, по их мнению, невозможно направить на истинный путь. Сам, верный вассал, воспротивился этому. Он ответил, что Наузар может исправиться:

С железа можно ржавчину стереть,
Заставить ярко заново блеснуть*.

Эти слова проникнуты верой в волю человека. Утверждая всемогущество судьбы, Фирдоуси тем не менее не престанно повторял:

Не отлагай, мудрец, на завтра дел.
Как знать, какой нас завтра ждет удел?*

Фирдоуси призывал не отступать перед трудностями, преодолевать их, не обходить зло, а искоренять его. Поэтому он осуждал бегство с поля сражения. Воины в «Шах-наме» предпочитают смерть позору.

Сказал мобед: «Уж лучше умереть
Со славой, чем насилье терпеть*».

Перед роковым боем с Гударзом Пиран воскликнул:

Уж лучше пасть со славой, чем в позоре
Влачить остаток дней в плену и в юре*.

---

* Перевод В. Державина.

Это же утверждают и окруженный туранскими войсками иранский военачальник Тус, и сторонники Бахрама Чубина после его гибели, и сын Афрасияба Шиде, и многие другие герои «Шах-наме».

Восхваление мужества и героизма, воинской доблести и бесстрашия восходит к героическому эпосу иранских народов. Эта тема встречается уже в «Авесте», в которую вошли многие мифы и эпические сказания иранских племен. Более чем за сто лет до Фирдоуси поэты Хорасана воспевали мужество и доблесть, воинскую славу и ратные подвиги. Героические стихи вдохновляли воинов. Рассказывают, например, что у известного военачальника IX в. Ахмада Худжастани спросили, как он, в прошлом простой погонщик ослов, сумел стать знаменитым полководцем. Он ответил, что стихи Ханзала Бадгиси (умер в 877 г.) вдохновили его и он бросил прежнее ремесло. Какие же это стихи? — спросили воина. И он прочитал:

Быть может, первенство и слава сокрыты в алчной пасти льва,
Так что же: вырви их у зверя и утверди свои права... *

Стихи другого поэта IX в., Абу-Салика Гургани, тоже относятся к жанру героической поэзии. Вот что пишет этот поэт:

Мой совет: в неравной битве лучше кровь свою пролей,
Но не дай иссякнуть чести в тайниках души твоей *.

Подобные высказывания встречаются и в произведениях Низами, Руставели и других великих поэтов Востока.

Под влиянием богатого жизненного опыта у Фирдоуси сложились и некоторые элементы материалистических взглядов. Он учил всегда сообразовывать поступки со здравым смыслом, во всех его выводах чувствуется житейский практицизм:

Не жди того, чего не может быть, —
Струей воды железо не пронзить **.

* Перевод В. Левики.

** Перевод В. Державина.

Интересны взгляды Фирдоуси на роль практики и окружающей среды в формировании характеров. Здесь автор «Шах-наме» также развивал воззрения поэтов X в., которые в поэтический обиход ввели образ: жизнь — учитель. Рудаки писал:

Надобно у жизни в трудностях учиться,
В трудном деле знание жизни пригодится;
Тот же, кто науки жизни не поймет,
И у мудрых знания не приобретет*.

Современник Рудаки Абу-Шукур Балхи утверждал, что лучший наставник человека — это жизнь, которая учит его мудрости. Фирдоуси развивал мысли предшественников:

Тот, кто видел жизнь,
Не нуждается в наставниках.
Нет пользы в ненужных словах,
Наш вечный наставник — жизнь*.

Фирдоуси связывал жизненный опыт людей с их нравственностью:

Пусть жизнь тебе дала немало зла,
Но и добра познание принесла*.

Свободомыслящие поэты X в. (Абу-Шукур, Фирдоуси и др.) считали, что характер человека формируется в сложном взаимоотношении врожденных свойств с качествами, приобретенными в результате жизненной практики. Приобретенные личные качества обозначались словом «хунар» («талант», «мастерство»), а врожденные свойства — словом «гухар» (букв. «жемчужина», «субстанция»). Первые считались важнее вторых. Таким образом, отрицались притязания представителей знати на исключительное положение в обществе, якобы законно принадлежащее им. Абу-Шукур недвусмысленно писал:

---

* Перевод В. Державина.

О том, какое значение придавал автор «Шах-наме» жизненному опыту, свидетельствует и следующий эпизод.

Шах Хормозд, направляя Бахрама Чубина на войну с тюрками, спросил, почему у него нет воинов моложе 40 лет. Бахрам ответил, что опыт приобретается только к этому возрасту,

Ибо неопытный не обнаружит разума,
Не заглянет в суть вещей.

Для красочного выражения своей мысли Фирдоуси пользовался образами из фольклора:

Пантеру одолеет пес бывалый,
Лев молодой боится и шакала*.

Фирдоуси пояснял:

Суровой школы жизни не пройдешь —
Ты и достоинств не приобретешь.

Ты должен и добро, и зло познать,
И соль, и горечь жизни испытать*.

Взгляды Фирдоуси были прогрессивными. Восприняв от лучших людей их передовые воззрения, Фирдоуси выступил в поэме как певец разума и знания. Культ разума у Фирдоуси уходит корнями в предыдущие века, в идеологию антифеодальных ересей, когда разум отождествляли с богом.

В поэзии X в. также прославлялись разум и знания. Например, Рудаки писал:

Тот счастлив, кто в науках искушен,
Он разумом и верой наделен.

...Ты счастлив, если знания приумножишь.
Накапливай же их, пока ты можешь.

В познании только духа яркий свет.
И он броня твоя от всяких бед*.

---

* Перевод В. Державина.

А Шахид Балхи решительно утверждал, что богатство и разум несовместимы:

Богатство, знание — как нарцисс и роза,
Цветы, что рядом не произрастают.

Кто обладает знанием — тот беден,
А кто богат — обычно мало знает*.

Характерно, что свой гимн разуму Фирдоуси поместил непосредственно после традиционного восхваления бога. Понимание разума у Фирдоуси лишено мистического налета, характерного для исламских еретических учений. Разум в «Шах-наме» — дар божий, но вместе с тем и свойство человека.

Тот муж, чей ясный разум умудрен,
От зла броней знаний огражден*.

По мнению Фирдоуси, разум предохраняет человека от порочных страстей, носителями которых в поэме выступают дивы:

Твой разум — щит против свирепых дивов*.

Разум в «Шах-наме» — основа моральных принципов человека: он отвращает от человека зло:

И тот, в ком светоч разума горит,
Дурных деяний в мире не свершит*.

Перечисляя качества, необходимые для государя, поэт первым назвал разум. Если у претендента на трон нет разума, он не может быть правителем:

Шах, светом разума не одаренный, —
Достоин ли он трона и короны?*

Лишь разум — шаха истинный венец*.

В поэме «Шах-наме» значение разума признают и цари, и военачальники, и простые воины. Прославле-

---

* Перевод В. Державина.

ние разума влечет за собой и признание великой роли знаний. И здесь обнаружилась непосредственная связь с приведенными выше стихами Шахида Балхи. Фирдоуси писал:

Пренебреги богатством, знания множа,
Ведь мудрость всех земных богатств дороже.

...Уж лучше умный враг, чем глупый друг*.

Поэтическое слово Фирдоуси ценил выше жемчуга, а калам (тростниковое перо) он приравнивал к булатному мечу.

Поэты X в. и Фирдоуси отвергали утверждения знати об исключительной принадлежности ей разума и знаний и утверждали, что обладать этими духовными ценностями и владеть искусством поэтической речи могут люди любого происхождения.

Фирдоуси проявлял исключительную терпимость к различным вероисповеданиям, хотя сам он отдавал предпочтение шиизму, который жестоко преследовался султаном Махмудом Газневидом.

Терпимость Фирдоуси пришлось не по вкусу Махмуду и религиозным фанатикам, которые поспешили объявить поэта еретиком. В одной из легенд в своеобразной форме отразились признание народом гениального поэта и полная «амнистия» его отклонения от официальных догм ислама. Согласно этой легенде, некий святой муж увидел во сне, будто бы Фирдоуси сразу после смерти был взят в рай за бейт, восхвалявший бога.

Этические воззрения Фирдоуси, как и его философские взгляды, явились продолжением и дальнейшим развитием идей поэзии X века. Рудаки, Манави Бухари и другие поэты призывали не причинять людям зла, не считать, что для другого целебным напитком будет то, что является ядом для тебя. Они выступали против применения оружия, осуждали кровопролитие, алчность, корыстолюбие и насилие. Примечательна следующая миниатюра Рудаки:

---

* Перевод В. Державина.

Не для насилья и убийств мечи в руках блещат:
Господь не забывает зла и воздаст стократ.

Не для насилья и убийств куется правый меч,
Не ради укуса лежит в давильне виноград.

Убитого узрел Иса однажды на пути,
И палец прикусил пророк, унынием объят.

Сказал: «Кого же ты убил, когда ты сам убит?
Настанет час, и твоего убийцу умертвят».

Непрошенный, в чужую дверь ты пальцем не стучи,
Не то услышишь: в дверь твою всем кулаком стучат *.

В «Шах-наме» этические воззрения автора выражены не только в характерах и поступках персонажей, но и в виде сентенций, назиданий, тронных речей царей и шахов. Всю эпопею пронизывает любовь к человеку и жизни. «Шах-наме» — подлинный гимн человеку. Фирдоуси считал, что лучшее качество личности — человечность, заключающаяся в сострадании к обездоленным, любви к человеку, осуждении кровопролития и убийства. Протест против насильственной смерти у Фирдоуси выражен часто в патетической форме. Таково лирическое отступление перед эпизодом, в котором описана гибель юного Сухраба:

Когда палящий вихрь пески взметет
И плод незрелый на землю падет,

Он прав или неправ в своем деяньи?
Зло иль добро — его именованье?

Ты правый суд зовешь, но где же он?
Что беззаконье, если смерть — закон? **

Фирдоуси прервал повествование о том, как Рустам сразил Сухраба, и снова осудил смерть:

Когда жажда крови пошутит с тобой
И ты омрачишь свой клинок голубой, —

«В крови будешь сам», — молвит с облака голос.
Пронзит, как клинок, тебя каждый твой волос ***.

---

* Перевод С. Липкина.

** Перевод В. Державина.

*** Перевод К. Липскерова.

Жизнь бесценна, утверждал Фирдоуси, и никто не смеет посягать на нее. Поэт требовал беречь жизнь даже насекомого. Эта мысль выражена в предсмертных словах Иреджа, который сказал брату, занесшему над ним руку:

Не обижай муравья, который тащит зернышко,
Ведь он живет, а жизнь так сладостна.

Призывы не проливать человеческую кровь, не лишать людей жизни звучали не только в поэме Фирдоуси. Эти мотивы были свойственны и другим поэтам того времени. Например, у Абулфатха Бусти, современника Фирдоуси, мы читаем:

Совет разумный нам нужней всего.
Послушайся совета моего:

В соседях мир и дружбу утверди,
Дорогой миролюбия иди,

И если, шах, войска твои сильны —
Мир охраняй и избегай войны.

Не для войны лишь создан твой булат,
Противоядь — тем, кто выпил яд*.

В «Шах-наме» Фирдоуси прославлял труд, который, по его утверждению, облагораживает человека, а лень превращает благородного в раба. Все блага мира, говорит поэт, создаются трудом; богатства достоин тот, кто трудится. Фирдоуси с симпатией относился к тем, кто «зарабатывал себе хлеб трудом», он призывал справедливо платить труженикам и не притеснять их. Правые люди — творцы всех земных сокровищ, всего ценного и полезного:

От человека все, добро и свет.
Без человека в мире блага нет*.

Аристократы своими богатствами обязаны простым людям:

---

* Перевод В. Державина.

Украшен мир деяньями людей,
И нет сокровищ разума ценней*.

Заканчивая беглый обзор основных идей великой поэмы, напомним читателю слова крупнейшего советского исследователя «Шах-наме» — Е. Э. Бертельса: «...Фердовси чужд всякой плакатности, основная мысль глубоко замаскирована и нигде не лежит на поверхности»³.

---

³ Е. Э. Бертельс, *Фердовси и его творчество* (сб. «Фердовси», М.—Л., 1934), стр. 109.

* Перевод В. Державина.

ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ «ШАХ-НАМЕ»

Велико значение «Шах-наме» как свода, сосредоточившего философские, этические, социологические воззрения великого поэта, но неувядаемую свежесть бессмертной поэме придают созданные Фирдоуси образы и картины, его поэтический язык, совершенство художественной формы.

Образы правителей

Кей-Хосров. Сын Сиявуша и дочери Афрасияба Фарангис, Кей-Хосров родился после трагической гибели отца.

Погубивший своего зятя Сиявуша Афрасияб, страшась мести внука, решил умертвить его. Туранский военачальник Пиран отправил мальчика на воспитание к пастухам, надеясь, что Афрасияб забудет о нем. Однажды Афрасияб потребовал привести к нему Кей-Хосрова. Пиран пытался убедить царя, что внук ему не опасен, так как он слабоумный. Перед тем как отправить Кей-Хосрова к шаху, Пиран посоветовал мальчику отвечать на вопросы царя самым нелепым образом.

Ума ты не выказывай, смотри, —
«Как жив ты?» — спросит, — «Утром!» — говори.

Так отвечай на все пред Афрасьябом,
Как будто ты рожден с рассудком слабым*.

Пиран с тревогой следил за поведением Кей-Хосрова во дворце, но тот строго следовал советам богатыря и спас свою жизнь:

---

* Перевод В. Державина.

Афрасияб спросил: «Скажи-ка мне,
Что знаешь ты о солнце и луне?»

Как должность овцепаса исполнял ты,
На чем баранов и овец считал ты?»

Хосров ответил: «Дичи не сумел
Я настрелять без лука и без стрел».

Вновь шах спросил: «Что ты о правде знаешь,
Как доброе от злого отличаешь?»

Хосров ответил: «Смелый муж бежит
От камышей, где сытый барс лежит».

Вновь царь спросил Хосрова о Туране,
О матери, отце и об Иране.

Хосров ответил: «Лев — зверей краса —
Не победит охотничьего пса».

Вновь царь спросил: «Ты хочешь видеть Кея?
Так поезжай, — охрану дам тебе я».

Хосров ответил: «Да, я сам видал —
Вчера какой-то всадник проскакал»

И рассмеялся шах, развеселился
И ласково к Хосрову обратился:

«Не хочешь ли учиться ты письму?
Кто враг твой — хочешь отомстить ему?»

Хосров ответил: «Масла не найдется!
От стада пастухов прогнать придется».

Царь был ответами развеселен.
Смеясь, к Пирану обратился он:

«Бедняга ничего не понимает,
Он глуп и несуразное болтает».

Не будет от него ни дел, ни слов.
Нет, настоящий мститель не таков!

Пусть к матери идет он, ради бога!
Да чтоб не потерялся он дорогой» *.

Пока Кей-Хосров рос в Туране, в Иране правил Кей-Кавус. Своим сумасбродством он вызвал недовольство подданных и оставался на престоле лишь благодаря поддержке Рустама, слепо хранившего верность законному шаху. Государственные дела расстроились, страна нуждалась в твердом и справедливом правителе.

* Перевод В. Державина.

Мудрый богатырь Гударз во сне увидел томившегося в чужой стране Кей-Хосрова. Гударз решил привезти его в Иран и посадить на престол вместо Кей-Кавуса. Богатырь отправил своего сына Гива за Кей-Хосровом. После долгих странствований Гив нашел юношу и признал в нем Кей-Хосрова по фарру, сиявшему вокруг его чела. Гиву удалось убедить Кей-Хосрова покинуть чужбину, и тот с матерью направился к своему деду — иранскому шаху, который при жизни передал ему трон.

Вступив на престол, Кей-Хосров отправился путешествовать по стране. Убедившись воочию в бедственном положении подданных, он раздал им много денег. По возвращении Кей-Хосрова в столицу Кей-Кавус поведал ему об ущербе, причиненном Ирану Афрасиябом:

Богатыри славнейшие убиты,
Остались дети, жены без защиты.

Лежат в руинах стены городов,
Разрушенных нашествием врагов*.

Выслушав деда, Кей-Хосров обещал отомстить Афрасиябу и за отца, и за всех обиженных иранцев. Кей-Хосров назначил Туса главнокомандующим, невзирая на то, что он был против передачи Кей-Хосрову власти. Автор подчеркнул, что для Кей-Хосрова государственные интересы выше личных симпатий.

Справедливый государь не должен обижать мирных жителей вражеской страны. Поэтому Кей-Хосров дал своим войскам такой наказ:

Закон венца и троа уважайте:
На безоружного не нападайте.

Насилья пусть не видит над собой
Ни пахарь, ни ремесленник градской.

Пусть мирный житель зла от вас не знает,
Лишь войско пусть удар ваш испытает*.

Примерно в тех же выражениях он наставлял Гударза, когда отправлял его с войсками в Туран:

---

* Перевод В. Державина.

Несправедливости не совершай,
Строений городских не разрушай.

Напрасных злодеяний ряд кровавый
Несовместим с величием и славой.

Тому, кто в бой не вышел на тебя,
Ты зла не делай, истину любя.

О смерти помни — мы не долговечны.
Зла не одобрит судия предвечный*.

Завоевав Туран и изгнав Афрасияба, Кей-Хосров
сказал своим воинам:

Не затевайте здесь кровопролитий,
Мечом голов невинных не снесите.

Не доблесть — беспричинно гневным быть,
Не доблесть — и поверженного бить.

Их жен с лицом укрытым не касайтесь,
На честь их и покой не покушайтесь,

Не грабьте их добро и их домов,
Чтобы друзей не превратить в врагов.

Творец луны и солнца покарает
Тех, кто людей невинных притесняет*.

Кей-Хосров справедлив до конца своих дней. Перед
смертью он завещал богатырю Гударзу не жалеть
оставшихся сокровищ для полезных людям дел:

Разрушенные караван-сарай,
Мосты на всех больших дорогах края,

Плотины все и каждый водоем,
В негодность приведенные врагом,

Восстанови, построй, где надо, снова!
Детей и жен, оставшихся без крова,

И стариков беспомощных в нужде,
И всех людей, томящихся в беде,

Ты огради, не дорожи казною!
Воздастся за добро тебе судьбою.

Чтоб поднялись, как в прежние года,
Сожженные туранцем города,

---

* Перевод В. Державина.

Где нынче слышен только вой шакала;
Чтоб снова пламя в капище пылало,
Чтоб на молитву люди вновь пришли,
Чтобы сады и села расцвели,
Чтобы вода в колодцах появилась,
Чтоб жизнь опять в Иране возродилась, —
Расходуй золото и серебро
И помни: вечно в мире лишь добро*.

С благодарностью вспоминал Кей-Хосров своего благодетеля Пирана и приказал Гударзу склонить его на сторону иранцев. Когда Пиран пал в сражении, Кей-Хосров распорядился похоронить его со всеми почестями. Кей-Хосров смел и доблестен. Он победил в единоборстве сына Афрасияба — Шиде. Фирдоуси наделил Кей-Хосрова всеми качествами, которыми должен обладать, по мнению поэта, идеальный правитель.

Искандар. История Искандара начинается с описания войны между Дарабом и румским (греческим) правителем Файлакусом (Филиппом Македонским).

Наследовав Файлакусу, Искандар отказался платить дань царствовавшему в Иране Даре (сыну Дараба). Из-за этого вспыхнула война, закончившаяся победой Искандара. Он завоевал трон отцов и стал царем Ирана, затем выступил против индийского царя Фура (Пора) и в единоборстве убил его. Посадив на индийский престол сына Фура Савурга, Искандар совершил паломничество в Мекку и усмирил разбойников, которые занимались грабежом в окрестностях этого города.

Когда Искандар получил известие, что правительница Андалузии Кайдафа отказалась платить дань, он выступил с войском против нее, захватил часть ее владений и затем отправился к ней под видом посла. Однако она узнала Искандара по хранившемуся у нее портрету. Они заключили мир.

Затем Искандар отправился к брахманам. Встреча с ними произвела на Искандара большое впечатление.

---

* Перевод В. Державина.

Брахманы спросили завоевателя о причине, побудившей его вступить в их страну:

Коль ты мечтал богатства здесь найти,
То разум твой на ложном был пути.

Мы, знаям и терпением обладая,
Живем, покой душевный соблюдая.

В терпенье нашем пользы нет тебе,
А наши знания не во вред тебе*.

Искандар заинтересовался жизнью и мудростью брахманов. Они жили бедно, не имели одежд и жилищ, довольствовались растительной пищей. Земля для них служила постелью, а небо — покрывалом. Венец и сокровища, говорили они, после смерти останутся в этом мире.

После продолжительной беседы с брахманами Искандар спросил, чего бы они желали. Они попросили избавить их от смерти и старости. Он признался, что бессилён помочь им. На упреки брахманов в том, что он льет кровь в бессмысленных войнах, Искандар ответил, что он воюет только против насильников. В беседе героя с брахманами Фирдоуси осудил кровопролитные войны и тиранию. Обвинения брахманов подействовали на Искандара; он стал воевать только ради освобождения человечества от тиранов и чудовищ — избавил людей от дракона, который ежедневно пожирал пятерых волов, воздвиг вал против сказочных Яджуджей и Маджуджей (библейские Гог и Магог).

Далее описаны походы Искандара в сказочные страны; он побывал в Абиссинии и Китае¹.

В одной из стран Искандар нашел людей, счастливая и спокойная жизнь которых ничем не омрачалась.

Цвела садами сплошь земля страны,
Все люди были благодати полны.

---

¹ Подробнее об этом см. в кн.: Е. Э. Бертельс, *Роман об Александре и его главные версии на Востоке*, М.—Л., 1948.

* Перевод Л. Пеньковского.

Вельможами и здесь кейсар был встречен,
И все, кто истинно был человечен,

Не пожалели ни восхвальных слов,
Ни золотых вещей, ни жемчугов.

«Ты посетил нас, государь великий, —
За то бессмертен буди! — не молкли клики.—

Наш город войска не видал вовек,
Кейсара видеть не гадал вовек» *.

Фирдоуси считал невозможным существование и процветание страны без верховного правителя. Поэтому он отметил, что, хотя город, в который приехал Искандар, был цветущим и благоустроенным, все же жители радовались прибытию Искандара и его воинов.

Искандар отважен. Он вызвал на единоборство великана, царя Фура, и победил его, трижды посетил в качестве посла вражеский стан, чтобы разведать силы противника.

Иногда поэт рисует Искандара жестоким и несправедливым. Например, после покорения Синда он приказал уничтожить всех жителей. Но с годами Искандар стал менее суровым, он все чаще старался мирно разрешать споры.

В отличие от Кей-Хосрова, характер которого не изменился с начала и до конца царствования, Искандар дан в развитии. Его характер формировался под воздействием различных событий, а также бесед с философами и жрецами. Из юного беспечного царя герой превращается в мудрого, справедливого правителя.

В спорах и беседах с умнейшими советниками Искандар стремился углубить свои знания о мире. Наставником его является великий Аристотель.

Хосров Ануширван. Его образ в поэме менее индивидуализирован. Хосров не совершал выдающихся подвигов, с ним не происходило романтических событий, о его личной жизни ничего в поэме не сказано. Образ Хосрова Ануширвана в «Шах-наме» значительно отличается от его прототипа в исторических

---

* Перевод Л. Пеньковского.

хрониках: у Фирдоуси Ануширван представлен защитником простых людей, а в хрониках — рьяным сторонником феодалов.

Хосров Ануширван отправился путешествовать по стране, чтобы посмотреть, как живут его подданные. Он приказал пропускать к себе просителей и жалобщиков в любое время дня, старался оградить население от самоуправства чиновников.

Узнав, что жители пограничных областей страдают от набегов кочевых племен, Ануширван распорядился воздвигнуть пограничную стену.

Осудят на последнем нас суде,
Что мы — в веселье, а дихкан — в беде.

Зеленые холмы, полей просторы,
Весь край цветущий, радующий взоры,
Где реки светлоструйные текут,
Стада пасутся и сады цветут,

Должны и защитить мы, и устроить,
Сердца людей должны мы успокоить.

Не подобает, правду говоря,
Ни мудрости, ни доблести царя

Страну предать врагам на разоренье;
Не будет нам за это одобренья*.

Слова, произнесенные Ануширваном, адресованы правителям, подобным Махмуду Газневиду, который не считался со страданиями народа. Фирдоуси скорбит о разорении родной страны иноземцами. Он призывает облегчить участь трудового населения, объединить силы для борьбы с внешними врагами. В поэме говорится, что, вступив на престол, Ануширван привел в порядок податную систему. Фирдоуси восхищается действиями справедливого шаха: взиманием податей в зависимости от урожая, оказанием земледельцам поддержки и освобождением от податей при стихийных бедствиях:

Те, у кого, когда весна пришла,
Ни жита не осталось, ни тягла,

---

* Перевод В. Державина!

Скот и зерно от шаха получали,
Чтобы поля у них не пустовали.

Шах молвил: «С невозделанных полей
Ни сбора не взимать, ни податей.

И земледельца пусть не притесняют,
Когда его посевы пострадают

От нападения жадной саранчи,
Или спалят их знойные лучи,

Иль в срок дождем не оросится поле
И сгибнет урожай по божьей воле.

Тем земледельцам, что разорены,
Давайте помощь из моей казны.

Пусть вновь они поля свои засеют,
А земли, что владельцев не имеют

И нет наследников, чтоб их вспахать,
Те земли все ж не могут пустовать.

Отдать их нужно людям неимущим,
Пусть все живет пред шахом всемогущим» *.

В хрониках, где описывается жизнь Хосрова Ануширвана, конечно, не упоминается об этих реформах. Фирдоуси в обобщенном образе Хосрова выразил народную мечту о справедливом царе.

Перед походом в Рум Ануширван приказал глашатаю объявить:

Пусть будет смертью лютою казнен,
Кто без меня преступит твой закон,

Кто причинит иранцам притеснение,
Кто доведет людей до разорения,

Кто землю у соседа отберет,
Кто ближнего ограбит иль убьет,

Кто вырубит сады, подобясь диву,
Или потопчет зреющую ниву *.

Ануширван днём и ночью объезжал войска и проверял, как выполняется его приказ. В результате этого

Там, где войска Хосрова проходили,
Они обиды людям не вершили

---

* Перевод В. Державина.

И ничего не брали у дикан,
В дороге на ночь разбивая стан*.

Хосров Ануширван осуждал потраву посевов и отдал такой приказ:

И если кто-либо по злобной воле
Хоть лошадь пустит на чужое поле,
Хозяин поля лошадь пусть убьет
И шкуру сам, и мясо заберет.
А этот всадник пусть пешком влечется
К Азаргушаспу — за грехи молиться*.

Хосров Ануширван, как утверждает Фирдоуси, ввел идеальные порядки:

Иран под кровом правды расцвел,
Мир, словно рай земной, прекрасен стал.
Князья войну и ссоры прекратили,
Бесцельно кровь людей своих не лили.
На землю словно благодать сошла
И заковала в цепи руки зла.
Не стало ни набегов, ни насилий,
Казалось — люди распря позабыли.
Был мир повсюду шахом утвержден,
И воцарились правда и закон.
С деньгами люди в дальний путь пускались,
Грабителей дорожных не боялись*.

Справедливость Хосрова Ануширвана способствовала даже улучшению природных условий (отметим попутно, что в «Шах-наме» природа всегда благосклонна к справедливым царям). Вот как описывал Фирдоуси Иран времен Хосрова Ануширвана:

Дождь небо впору стало посылать,
Болезни перестали угрожать.
Заря росу обильную дарила,
И засуха посевам не грозила.

---

* Перевод В. Державина.

Умножился и утучнился скот,
Селился вольно, строился народ.
Каналы, словно реки, полны стали,
Сады Плеяд высоких достигали*.

Хосров Ануширван наказывал наследнику проявлять заботу о подданных:

Прислушивайся к нуждам бедноты,
Ее дела считай своими ты*.

В рассказе о царствовании Хосрова Ануширвана значительное место занимает изложение его многословных бесед с мобедами и мудрым везиром Бузурджмихром. В этих беседах отразилась феодальная этика; вместе с тем в них высказаны передовые для того времени взгляды и суждения.

Кей-Хосров, Искандар и Хосров Ануширван, а также Фаридун, Манучихр, Хосров Парвиз, Бахрам Гур и некоторые другие шахи — идеальные правители. Но в «Шах-наме» изображены и неразумные шахи, жестокие тираны.

Кей-Кавус. Сначала это был справедливый правитель, прислушивавшийся к советам мудрецов и богатырей. Но он был легковерен, и этим воспользовались дивы, обеспокоенные растущим могуществом Ирана. Они решили свратить Кавуса с праведного пути и погубить его. Им трижды удалось соблазнить Кавуса (поход в Мазандеран, в Хамаверан и полет на небо). В живых он остался лишь благодаря Рустаму, который каждый раз его выручал.

Однако Кей-Кавус не злой человек, как любящий отец, он тяжело переживал свое согласие на испытание сына огнем. Но Кей-Кавус упрям, и упрямство привело его к ссоре с Сиявушем, заключившим мир с Афрасиабом. Кроме того, Кей-Кавус вспыльчив. Безжалостным эгоистом и неблагодарным человеком проявил себя Кей-Кавус, когда отказал Рустаму в чудодейственном бальзаме для исцеления смертельно раненного Сухраба.

---

* Перевод В. Державина.

Д ж а м ш и д. Царствование Джемшида описано как золотой век, а он сам представлен справедливым правителем. Однако в дальнейшем он возомнил себя чуть ли не богом и потребовал, чтобы ему были оказаны высокие почести. Подданные покинули его и призвали на трон Заххака.

Г у ш т а с п. В рассказ о царствовании Гуштаспа включено около тысячи бейтов, написанных поэтом Дакки. Основная черта характера Гуштаспа — это жажда власти. Из-за трона он поссорился с отцом и, покинув родные края, уехал в Рум. Не пожелав расстаться с тронном, он отправил на верную гибель своего сына Исфандияра — защитника государства.

Гуштасп в молодости был храбрым и сильным. В Руме он совершил великие подвиги и превзошел в воинском искусстве всех румийских витязей. Став шахом, Гуштасп более не принимал участия в походах и сражениях, он оставался в столице, а на войну отправлял братьев и сыновей.

Кей-Кавус, Джемшид, Гуштасп и многие другие правители осуждены автором «Шах-наме»; из-за совершенных ими проступков они не могут считаться справедливыми царями. Однако им не чужды интересы родины, они патриоты Ирана. Иную группу составляют в «Шах-наме» правители-тираны.

А ф р а с и я б. Он совершил ряд злодеяний, например убил взятого в плен иранского шаха Наузара и своего родного брата Агрираса. Отец Афрасияба Пашанг долго гневался за это на сына и не допускал его к себе. Афрасияб был суеверен и легко поддавался дурным влияниям. Выдав дочь Фарангис за Сиявуша, Афрасияб породнился с иранским шахом. Казалось, вечной вражде между Ираном и Тураном должен был наступить конец. Но брат Афрасияба Гарсиваз, опасавшийся соперничества Сиявуша в наследовании туранского престола, оклеветал Сиявуша перед Афрасиябом и разгневал шаха. Потом Гарсиваз отправился к Сиявушу и сообщил ему о гневе Афрасияба. В противоположность Афрасиябу Сиявуш не поверил сплетням и попытался выяснить истину, Афрасияб же не усомнился ни в чем и выступил против Сиявуша. Захватив

его в плен, шах все же некоторое время колебался, прежде чем убить Сиявуша. Когда два туранских богатыря посоветовали казнить Сиявуша,

Ответил шах: «Меня он не обидел,
Ни разу от него я зла не видел,

Однако предсказал мне звездочет,
Что от него беда ко мне придет.

Когда его казню я, месть свершая,
Поднимется в Туране пыль такая,

Что солнце потемнеет в той пыли
И мудрых изумят дела земли.

Для нас прощенье лютой казни хуже,
Но буду я скорбеть о славном муже» *.

К Афрасиябу обратилась его дочь с мольбой пощадить Сиявуша. Просьба дочери подействовала на отца:

Услышал шах, что говорила дочь,
Стал темен день в его глазах, как ночь.

«Ступай к себе, — он крикнул, негодуя. —
Откуда знаешь ты, что предприму я?» *.

Однако вскоре Афрасияб приказал запереть дочь во дворце. Гарсиваз, находившийся в свите, подал знак Гурую — личному врагу Сиявуша; тот выволок иранского царевича из дворца и обезглавил. А Афрасияб не наказал за это Гарсиваза. Кто же виновник гибели Сиявуша? Снимает ли автор вину с Афрасияба? Поэт отвечает, что Афрасияб повинен в смерти Сиявуша в такой же мере, как и Гарсиваз, но Афрасияб все же не воплощение зла. Он совершал злые и глупые поступки, однако иногда в нем просыпалась жалость.

Далее, Афрасияб задумал погубить младенца Кей-Хосрова, и лишь заступничество Пирана спасло ребенка; решил казнить Бижана, но по совету Пирана заменил казнь заточением.

Афрасияб не лишен хитрости. Перед схваткой с Кей-Хосровом он пытался спасти свою жизнь, напом-

---

* Перевод С. Липкина.

нив противнику о кровных узах, связывавших их. Но это ему не помогло.

Фирдоуси стремился создать разносторонние образы, даже злодеи наделены у него человеческими чертами. В этом отношении интересен образ Заххака.

Заххак. Сын аравийского царя Мирдаса Заххак был храбрым юношей, прекрасным наездником, жизнь его была радостна. Но вот Иблис внушил ему мысль об убийстве отца и захвате власти:

Заххак, почувяв боль, насупил брови
Царевич не хотел отцовской крови

Сказал «Ты мне дурной совет даешь,
Дай мне другой, а этот — нехорош» *

Но Иблису удалось толкнуть Заххака на отцеубийство. В начале повествования Фирдоуси характеризует Заххака словами «храбрый, беспечный, бесстрашный». Но после того как убийство отца было совершено, Фирдоуси пишет:

Так захватил престол злодей-властитель,
Заххак, отцеубийца, притеснитель *.

Получив трон Ирана, Заххак стал закоренелым злодеем и извергом:

Мир под его ярмом стремился вспять,
И годы было тяжело считать

Деянья мудрецов оделись мглою,
Безумных воля правила землю

Волшба — в чести, отваге нет дорог,
Сокрылась правда, явным стал порок.

Все видели, как дивы зло творили,
Но о добре лишь тайно говорили *

Постепенно Заххак превратился в малодушного труса. Он не смог ответить на гневную обличительную речь Кава. Свое молчание он объяснил придворным так:

---

* Перевод С. Липкина

Как только во дворец вступил Кава,
Как только раздались его слова, —

Здесь, на айване, между им и мною
Как бы железо выросло стеною*.

Кава и Фаридун заняли столицу Заххака. Бежавший придворный сообщил об этом шаху, но тот не поверил. Однако в Заххаке пробудилось былое бесстрашие, когда он узнал, что Фаридун вошел в его гарем. Заххак вторгся в город, по аркану взобрался на крышу дворца, с кинжалом в руке спустился в спальню, но там был повержен Фаридуном.

Заххак — один из наиболее отрицательных образов «Шах-наме». Он близок к своему мифологическому прототипу — дракону Ажи-Дахаку. Фирдоуси показал характер героя в развитии: Заххак из беспечного храбрца стал отцеубийцей, затем — тираном и жалким трусом. Ревность вновь воскресила в нем отчаянное бесстрашие.

Персонажи «Шах-наме» — живые образы людей, наделенных и высокой добродетелью, и человеческими слабостями.

Образы богатырей

Однако не шахи и правители, а богатыри являются основными персонажами «Шах-наме». Первое место среди них принадлежит систанскому богатырю Рустаму.

Рустам. Без этого образа произведение Фирдоуси лишилось бы стержня. Рустам изображен во взаимоотношениях с иранскими и туранскими шахами и богатырями. Особое место занимает его конфликт с представителями новой династии (Гуштаспом и Исфандияром).

Образ Рустама в «Шах-наме» гиперболизирован: даже родился Рустам при необычных обстоятельствах. Физическая сила богатыря была неизмерима, он тяготился ею, и бог по его просьбе убавил ее. Но и оставшаяся сила чудовищна. Когда сын Исфандияра Бахман, желая погубить Рустама, столкнул на него скалу,

* Перевод С. Липкина.

Рустам, увидев падающую глыбу, спокойно продолжал трапезу, а глыбу отбросил ногой.

За один присест Рустам мог съесть онагра. Даже когда Рустам сидел, он был выше всех богатырей-великанов. Его конь Рахш был подобен горе, под копытами коня сотрясалась земля, он

Ножку муравья на черной земле
Темной ночью видел за два фарсаха².

Рахш понимал речь седока. Он был сильнее льва в единоборстве. Конь легко мог пройти за короткое время расстояние в тысячи фарсахов. Прием гипербользации употреблен и при описании оружия Рустама. Когда туранцы извлекли из тела великана Ашкабуса стрелу Рустама, она оказалась больше любого копья.

Рустам любил повеселиться, не прочь был и выпить. Даже когда к нему пришел Гив с требованием шаха Кавуса немедленно выступить против Сухраба, богатырь несколько дней пировал и не спешил выполнить приказ. Он был великодушен — мог простить поверженного врага. Но в других случаях Рустам жесток и беспощаден. Узнав о смерти Сиявуша, богатырь собственноручно отсек голову Судабе — виновнице его гибели. Захватив Туран, Рустам разорил страну. Он был мудр и благоразумен, терпеливо увещевал сумасбродного шаха Кавуса и всегда выручал его, однако приходил в ярость от оскорблений. Например, при столкновении с Кавусом Рустам заявил ему:

Владыка, не к лицу тебе корона.
Ей лучше быть бы на хвосте дракона,

Чем на такой ничтожной голове.
Не веришь сам себе, так верь молве:

Ведь я тебя возвел на трон, когда ты
Стонал в оковах, гибелью объятый.

Не раз тебя от смерти я спасал, —
И трон, и власть, и жизнь тебе я дал.

Все страны, от Египта до Ирана,
От степи Чина до Мазандерана,

---

² Фарсах, или фарсанг, — мера длины (6—7 км).

Склоняются в пыли передо мной,
Перед моим мечом и булавой.

Благодари меня, что шахом стал ты.
Что ж на Рустама гневом воспылил ты?

Я — раб творца, тебе же я не раб.
Могучий на тебя идет Сухраб.

Коль ты такую силою владеешь,
Сам с ним сражайся, если ты сумеешь.

Безумен ты, твои поступки дики,
Ты недостойн звания владыки.

Ведь я — Рустам, а кто такой твой Тус?
Когда я в гневе — что мне шах Кавус?»*.

А затем Рустам обратился к вельможам и богатырям:

Вы больше не увидите меня,
В Иране не пробуду я ни дня.

Когда меня избрать хотели шахом
Богатыри, охваченные страхом,

Я даже не взглянул на шахский трон,
Был мной обычай древний соблюден*.

Встревоженные военачальники послали к шаху Гударза. Шах раскаялся и готов был просить у Рустама прощения. Он отправил к Рустаму Гударза, которому удалось уговорить богатыря:

Ты знаешь — у царя рассудка нет,
Он в гневе натворил немало бед.

Вспылит, потом к раскаянью склонится...
С тобой, Рустам, он жаждет помириться.

Твоя обида на царя сильна,
Но, Тахамтан³, не наша в том вина.

За что ж Иран бросаешь ты на муки?
И шах сейчас сидит, кусает руки...*.

В этой сцене Рустам изображен как человек, признающий себя вассалом, но не терпящий унижения.

* Перевод В. Державина.

³ Та х а м т а н — прозвище Рустама.

Выше всего Рустам ставил защиту отчизны и ради этого забывал обиду. Рустам никогда не начинал войны первым, но всегда мстил за ущерб, причиненный Ирану и иранцам.

Богатырь всегда выручал иранцев. Он спас свою страну от нашествия Афрасияба после гибели Наузара, трижды выручал шаха Кавуса, убил могучего Сухраба, хотя потом рыдал, узнав, что это был его сын. В единоборстве Рустам поразил грозных врагов Ирана: Ашкабуса, Камуса Кушани, Пуладванда, Шангуля, хакана Чина, Пилсама, Акван-дива и др.

Иранцы знали, что Рустам — их опора и надежда. Они ценили и уважали его. Гударз говорил Рустаму:

Ты для иранцев дороже отца и матери,
Престола, сокровищ и драгоценных камней.

Без тебя мы словно рыба на суше,
У которой голова на камне, а тело в яме.

Даже вздорный Кавус, когда призывал Рустама защитить Иран от вторжения Сухраба, признал, что без Рустама Иран не сможет устоять:

Пусть вечно бодрым разум твой пребудет.
Пусть в мире все тебе на радость будет.

Ты с древних лет опорой нашей был,
Ты — столп страны, источник вечных сил,

Ты — мощь, и сердце, и хребет Ирана.
Ты — в подвигах великих неустанный,

Чудовищ истребил Мазандерана,
Оковы разрубил Хамаверана.

Ты, словно лань, берешь арканом льва,
Повыше снежных гор твоя глава.

Ты — щит Ирана, светоч божества,
Как море, о тебе шумит молва.

Хвала творцу. Хвала отцу Нейраму.
Хвала премудрому Дастану Саму.

Пусть вечно над вселенною цветет
От миродержца твой идущий род.
И счастье шахское не потускнеет,
Пока Рустам своим мечом владеет*.

---

* Перевод В. Державина.

Узнав о поражении иранского войска в Туране, Кей-Хосров попросил Рустама помочь:

Когда ты облекал броней свой стан,
Враги не покушались на Иран*.

Рустама опасались даже государи. Так, когда отец Рустама Заль разгневал шаха, тот хотел ответить ему резкостью, но сдержался, подумав:

Рустама этим я могу обидеть,
Иран могу в несчастье увидеть*.

Богатыри и воины в «Шах-наме» слушаются Рустама больше, чем шахов. Например, во время преследования отступавшего в Чин Афрасияба войско отказалось повиноваться Кей-Хосрôву, и лишь вмешательство Рустама спасло положение.

Характер Рустама раскрывается также при описании его конфликта с Исфандияром. Дастан о Рустаме и Исфандияре — один из самых ярких, действие в нем развивается динамично.

Исфандияр в «Шах-наме» — положительный герой, неуязвимый воин; он совершил, как Рустам, семь сказочных подвигов. Но причины, побудившие этих героев к подвигам, были различны. Рустам отправился в Мазандеран, чтобы спасти пленного шаха и войско. Цель богатыря — помочь отчизне достичь покоя и процветания, им руководило чувство долга, патриотизм. Исфандияр, несправедливо обвиненный отцом в стремлении захватить престол и за это закованный в кандалы, затаил обиду и отказался участвовать в войне против Арджаспа. Лишь узнав, что ранен его брат Фаршидвард, Исфандияр надел доспехи. Рустам же не мстил Кавусу, отказавшемуся дать для исцеления Сухраба чудодейственный бальзам. Преданность Рустама законному шаху как бы противопоставлена мелочной мести Исфандияра.

В «Шах-наме» показан конфликт между эгоистичными правителями (Гуштасп, Исфандияр) и благородным, самоотверженным народным героем.

---

* Перевод В. Державина.

Рустам был озабочен последствиями схватки с Исфандияром — он не желал подвергать себя унижению, но убивать царского сына он также не хотел:

Связать себя позволю иль его
Убью — лишусь я счастья своего.

И то и это низко и презренно,
Позор мне вечный будет во вселенной.

Убью царя — свой дух живой убью.
А цепи? Цепи честь убьют мою*.

Рустам дорожил своей жизнью, так как понимал, что он нужен родине. Он говорил:

А если мне завтра пасть случится —
Забуд погибнет и Кабул затмится,

Исчезнет Сама богатырский род,
И осмеет, забудет нас народ...*

Фирдоуси, рисуя образ Рустама, не упустил даже мелких деталей, характеризующих героя. Рустам не намеревался губить Исфандияра, он не хотел убивать царевича, но он был прежде всего воином, дорожившим воинской честью, и не допускал мысли об унижении. Зная, что убийца Исфандияра будет проклят и вскоре погибнет, Рустам все же без колебания принял решение.

Несмотря на свои глубокие симпатии к твердой власти правителей, великий поэт, создавая идеальный образ богатыря, наделил Рустама чертами народного героя. Это большая заслуга Фирдоуси.

Рустам — самый яркий из образов богатырей.

Гударз — мудрый богатырь, воспитавший многих героев. Он постоянно наставлял на благоразумный путь недалёковидного Кей-Кавуса; пытался отговорить его от бессмысленных походов в Мазандеран и Хамаверан, от сумасбродного намерения подняться в небеса. Когда произошла размолвка между Рустамом и Кей-Кавусом, знатные мужи выбрали посредником

---

* Перевод В. Державина.

именно Гударза. Он не советовал Тусу идти через Калат, где находился Фаруд, и вступать с ним в бой.

Старый Гударз — отважный воин, он одолел в единоборстве Пирана, а во время неудачного похода в Туран, когда враги неожиданно напали на иранское войско, проявил необычайную храбрость. Гударз обладал и искусством военачальника, ему несколько раз поручали командовать иранским войском. В одном из сражений, когда Фарибурз бежал с поля боя, Гударз умелым отступлением спас войско.

Гударз пользовался уважением у соотечественников. Когда упрямый Тус противился передаче престола Кей-Хосрову, именно Гударз выступил в защиту будущего шаха и доказал несостоятельность Фарибурза как правителя. Ради отчизны Гударз не жалел ни себя, ни своих детей. Он без колебания отправил Гива в Туран за юным Кей-Хосровом, хотя не имел никакой уверенности в том, что сын сможет исполнить поручение и благополучно вернуться. Но Гударз — также противник пустого молодечества, похвалы храбростью: он старался удержать другого сына, Бахрама, когда тот хотел вернуться на ратное поле за оставленной плетью.

У Гударза любящее сердце отца, он с подлинной скорбью оплакивал гибель сыновей и внуков во время туранского похода, проклинал судьбу, но не терял мужества и с прежним благоразумием и отвагой продолжал служить шаху.

Гив. Сын Гударза Гив был так же отважен, как и отец, хотя и не обладал мудростью отца. Гив не жалел себя ради отчизны: он отправился во вражью страну Туран искать Кей-Хосрова. Гиву пришлось испытать и горечь поражения: вместе с Тусом он не устоял против великана Камуса Кушани.

Бахрам. Этому богатырю в «Шах-наме» посвящено значительно меньше стихов, чем его брату Гиву, однако образ Бахрама много ярче. Бахрам — друг Сиявуша. Когда Сиявуш перешел на сторону Афрасиаба, он оставил свои дела в Иране на попечение Бахрама. В знак дружбы с ним Бахрам старался отратить опасность от Фаруда — сына Сиявуша, на-

влекая на себя гнев Туса. Превыше всего Бахрам ставил воинскую честь. Он не хотел, чтобы плеть, на которой написано его имя, попала к врагам, один вернулся за нею на поле боя и погиб там. Бахрам великодушен: перед смертью он простил Тажава, ранившего его, и просил Гива даровать жизнь убийце.

Б и ж а н. Сын Гива Бижан в «Шах-наме» — герой романтических приключений, которые составляют содержание самостоятельной повести «Бижан и Манижа». Из-за любимой юный витязь забыл об опасности и отправился в стан врагов. Бижан честолюбив, он мечтает затмить славой всех витязей. Его доблесть, пожалуй, даже превзошла отцовскую: Гив повернул вспять, когда Фаруд поразил стрелой его коня, а Бижан ранил Фаруда и заставил его отступить.

Тус — сын Наузара, постоянный предводитель иранского воинства, знаменосец шахов. После гибели Наузара богатыри не захотели, чтобы его сыновья вступили на престол, и возвели на трон Кей-Кубада. Свое решение они объяснили тем, что сыновья Наузара — Тус и Густахам — не отличались благоразумием.

Тус доблестен, храбр. Он сразил туранца Аржанга и обратил в бегство одного из самых могущественных туранских богатырей — Хумана, брата Пирана. Но Тус вспыльчив, упрям и недалёковиден. Из-за его упрямства был убит Фаруд. Витязь Бахрам в беседе с Фарудом так отзывался о Тусе:

Он храбр, но разумом не наделен,
Советам добрым не внимает он.

Он знатен, доблестен, не знает страха,
Но никогда не вспоминает шаха.

Обижен им Гударз и старый Гив,
За Фарибурза он стоит, как див.

Твердит: «Я сын Наузара, царь я родом,
Я сам достоин управлять народом!»

Нет, он не будет в речь мою вникать,
Боюсь, меня начнет он оскорблять*.

---

* Перевод В. Державина

Тус кичился царственным происхождением, которое он считал выше личных достоинств. Поэтому в споре о наследовании Кей-Кавусу он принял сторону Фарибурза, бесталанного принца. Упрямство и ограниченность Туса часто вредили иранскому воинству на поле боя.

В «Шах-наме» фигурируют и туранские богатыри. Как правило, Фирдоуси не интересуется их психологическими переживаниями, они изображены схематично. Исключение составляет главный туранский богатырь Пиран.

Пиран — наиболее сложный образ в «Шах-наме». Это мудрый и хитрый, благородный и храбрый воин. Обращаясь к нему, юный Кей-Хосров сказал:

О наделенный верою, Пиран!
Тобою озарится весь Туран.

Ведь все, кто разум твой и доблесть знают,
Тебя чистосердечным называют*.

До повествования о Сиявуше имя Пирана почти не упоминалось, но затем, до самой своей гибели, он стал одним из основных персонажей поэмы.

Пиран старался облегчить положение Сиявуша на чужбине и выдал за него свою дочь. Горячо любя Сиявуша и опасаясь за его жизнь, Пиран советовал ему жениться также на дочери туранского правителя Афрасияба, хотя знал, что этим расстроит свою дочь. Туранский богатырь сам добился согласия Афрасияба на брак его дочери с Сиявушем. Однако Сиявуш, даже став царским зятем, не обрел на чужбине душевный покой. Он увидел сон о скорой своей смерти и рассказал об этом Пирану. Выслушав Сиявуша, Пиран проклял себя за то, что призвал его в Туран.

А когда Афрасияб послал полчища против оклеветанного Сиявуша, Пиран, хотя и был верховным предводителем туранских войск, не принял участия в военных действиях, так как он и его братья не одобряли жестокости Афрасияба и Гарсиваза по отношению к Сиявушу.

* Перевод В. Державина.

Отношение Пирана к конфликту между Сиявущем и Афрасиябом выявляет противоречивость характера богатыря. Пиран покровительствовал Сиявущу, обещал помочь ему в случае беды и тем не менее отказался выступить вместе с ним против Афрасияба, чтобы не нарушать своей вассальной верности. Афрасияб в его представлении олицетворял единство и мощь родной страны. Военный союз Пирана с Сиявущем против Афрасияба означал бы раскол Турана, а этого Пиран допустить не мог. Известие о гибели Сиявуща произвело ужасное впечатление на Пирана.

Придя в себя, он понял: нет надежды,
И разодрал он на себе одежды,

Стеная: «Он погиб! Возврата нет!
Трон опустел, осиротел весь свет!» *

Борьба между долгом и чувством в душе Пирана продолжалась до самой его смерти. Пиран старался смягчить гнев Афрасияба и защитить сына и жену Сиявуща. Он гневно упрекал Афрасияба:

Должно быть, див твой разум омрачил,
Похитил совесть, стыд в душе убил.

Когда убийц послал ты к Сиявущу,
Ты погубил свою живую душу.

Ты обесславил доблесть, славу, честь!
Теперь Иран подымется на месть.

Узнав об этом сграшном преступленьи,
Войска придут, как море, с жаждой мщенья.

А был ведь мир меж нами утвержден.
И землю божий осенял закон.

И вот коварный див был послан адом,
И сердце шаха он наполнил ядом...

Но, шах, поверь, раскаешься ты вскоре,
Ты истомись в безысходном горе.

И нам теперь не ведом наш конец,
Один лишь это ведает творец *.

---

* Перевод В. Державина.

Пиран жалел невинного Сиявуша, но еще больше был озабочен последствиями его гибели для страны, опасаясь вторжения иранских войск в Туран и возмездия за убийство.

Пиран благороден, великодушен. Жену Сиявуша Фарангис ее отец Афрасияб бросил в темницу, и лишь заступничество Пирана спасло ее. Поручая Фарангис своей супруге, Пиран сказал:

Ты спрячь ее и пусть живет без страха!
Она под сердцем носит внука шаха.

Ты ей старайся угодить во всем,
А выход я придумаю потом.

И думаю, сама судьба подскажет,
Сама пути спасенья нам укажет*.

После рождения Кей-Хосрова Пиран принял меры предосторожности для спасения его от возможных покушений Афрасияба:

Я не допущу, чтобы шах посягнул на ребенка,
Даже если бросит меня шах в пасть крокодила.

С разрешения Афрасияба он отдал мальчика на воспитание пастухам. Затем он спас юношу от Афрасияба, посоветовав Кей-Хосрову притвориться слабоумным. При вторжении в Туран Рустама, когда Афрасияб хотел утопить мальчика, Пиран предложил отправить его в Хотан. Однако, узнав о бегстве Кей-Хосрова из Турана в Иран, Пиран стал иначе относиться к нему. Из опекаемого невинного страдальца юноша превратился во врага, в могущественного шаха Ирана, который, конечно, должен был мстить Турану и туранцам за смерть отца и за свое изгнание. Пиран знал, что по предсказанию Кей-Хосров станет могучим шахом и сокрушит Туран. Любовь и привязанность Пирана к Кей-Хосрову боролись с чувством долга, которое все же одержало верх. Пиран отправился в погоню за Кей-Хосровом. Догнав его, Пиран потребовал от юноши возвращения в Туран. Получив

---

* Перевод В. Державина.

отказ, Пиран попытался принудить его силой, но сопровождавший Кей-Хосрова Гив обезоружил туранского богатыря и намеревался убить его. Лишь по просьбе Кей-Хосрова и Фарангис Гив отпустил Пирана. Прибыв к Афрасиябу, Пиран рассказал о случившемся. Разъяренный правитель прогнал его. В этом эпизоде Пиран обрисован как верный сын родной туранской земли, как витязь, для которого безопасность родины выше личной привязанности.

В дальнейшем, во главе туранских войск он нанес иранцам поражение и победил в единоборстве Фарибурза, сына Кей-Кавуса. Характер Пирана наиболее ярко показан в столкновениях туранцев с иранскими войсками под предводительством Туса. Отправляя в поход Туса, Кей-Хосров поручил ему привлечь на свою сторону Пирана. Шах через Туса обещал Пирану всяческие почести и несметные богатства. Пиран схитрил: он дал согласие, чтобы оттянуть время и не начинать боя до прибытия подкрепления. На другой день Пиран разбил иранцев и вынудил их отступить. Тус и другие иранские вожди обвиняли Пирана в вероломстве. Но согласие Пирана было тактической военной хитростью доблестного воина, защищавшего родину любимыми средствами.

Образ Пирана трагичен. В нем постоянно идет борьба между чувством долга, который он понимал как верную службу вассала своему правителю, и сознанием, что этот правитель совершает неправильные, жестокие, вредные для судеб страны поступки. Долг заставил его подчиниться несправедливому правителю, хотя Пиран и видел все его недостатки.

В «Шах-наме» есть и другие трагические персонажи. Остановимся на некоторых из них.

С у х р а б — сын Рустама, богатырь туранской земли.

Однажды Рустам во время охоты в туранских степях потерял коня; в поисках его он прибыл в город Саманган и был принят правителем как гость. Ночью к нему пришла царица Тахмина и призналась в любви. Рустам вступил с ней в законный брак, а утром покинул дворец. На прощанье богатырь подарил супруге

драгоценный камень и наказал ей привязать его к руке ребенка, если родится сын, или же вплести в косы, если родится дочь.

Тахмина родила сына и нарекла его Сухрабом. Он рос не по дням, а по часам, удивляя всех мощью; когда ему исполнилось десять лет, не было равных ему по силе сверстников. Возмужав, Сухраб пришел к матери и потребовал, чтобы она назвала имя отца, пригрозив:

Если скроешь ты от меня правду,
Не оставлю я тебя жить на свете!

Сухраб был горд тем, что он сын первого богатыря в мире. Он жил единственной мечтой — встретиться с отцом и вместе с ним захватить и поделить мир:

Коль сын я Рустама, коль жив он, — то в мире
Лишь мы с ним должны быть в короне, в порфире*.

Сухраб всех расспрашивал об отце. Собрав туранское войско, он двинулся на Иран. Коварный Афрасияб подослал к Сухрабу двух военачальников с наказом помешать Сухрабу узнать отца.

Молодой витязь взял крепость Белый замок. Узнав об этом, шах Кавус послал на войну Рустама. Весь трагизм положения заключался в том, что сыну и отцу не суждено было узнать друг друга. Знавший Рустама Жанда-Разм, отправленный Тахминой вместе с сыном, был убит Рустамом во время ночной разведки. Сухраб выспрашивал имена иранских витязей, сражавшихся с ним. Захваченный в плен Хаджир, сын Гударза, под страхом смерти назвал иранских богатырей, сражавшихся против войска Сухраба. Опасаясь, что, если Рустама убьют, некому будет защищать родину, Хаджир солгал. Указав на Рустама, он сказал, что это чужеземный богатырь, прибывший на помощь Кавусу. Сухраб встревожился, так как предполагал, что Хаджир мог обмануть его.

Сухрабу сердце сжала скорбь тисками,
Хотел он слово слышать о Рустаме.

---

* Перевод К. Липскерова.

И хоть отец в сиянии венца
Сидел пред ним, — не видел он отца.

Он жаждал слов: «Рустам перед тобою».
Иное было суждено судьбою.

Все совершится, как предрешено,
Что от рожденья нам судьбой дано*.

Терзаемый волнением и подозрениями Сухраб сказал Хаджиру:

Рустама ты покажешь мне сейчас
И будешь возвеличен ты у нас.

Тебя я высшей чести удостою,
Сокровищницы пред тобой раскрою.

А если тайну будешь ты скрывать,
Кривить душою и бесстыдно лгать,

То будет коротка с тобой расправа:
Сам выбирай: бесчестье или слава*.

Фирдоуси не свойственно изображение запутанных переживаний, у него психологический портрет не перегружен подробностями. Речь Сухраба ясна, кратка и проста; его взволнованность автор передает при помощи лаконичных фраз.

Нежелание Хаджира отвечать Сухрабу непонятно. Ведь если Хаджир считал, что Сухраб победит Рустама, то, значит, Рустам не мог быть стражем иранской земли. Поведение Хаджира кажется нелогичным, но может ли разумно рассуждать пленный воин, связанный по рукам и ногам? Поэт мастерски изображает уклоняющегося от ответа Хаджира и порывистого Сухраба. Настроение Сухраба быстро менялось — от смутной тревоги и опасений он перешел к яростным угрозам, а затем снова к уговорам, обещаниям, мольбе.

И вот Рустам с Сухрабом встретились на поле боя, но не узнали друг друга. По этому поводу поэт пишет:

О мир! Не понять твое странное дело:
Творя, разрушаешь ты каждое тело!

---

* Перевод В. Державина.

Глядят эти двое, и где же любовь?
Их разум умолк, их безмолвствует кровь.

Детенышей, верь, не узнать не могли бы
Ни лани в горах, ни под волнами рыбы!

Лишь злобой и страстью горя, человек
На сына, меж чуждых, не вскинул бы век*.

Первая схватка Рустама с Сухрабом окончилась безрезультатно.

Перед второй схваткой Сухраба опять одолели сомнения, и он снова стал расспрашивать о Рустаме. Его угнетала мысль, что он, возможно, уже дрался и должен снова сражаться с отцом. Он сознался, что питает симпатию к противнику. Здесь перед читателем предстает юноша, жаждущий найти отца, а не грозный богатырь. В нем боролись предчувствие, что перед ним отец, и воинский долг. Все эти переживания Сухраба переданы поэтом предельно лаконично.

На другой день на поле битвы Сухраб встретил Рустама перед поединком:

Как отдыхал ты ночью, лев могучий?
Что ты угрюм, как сумрачная туча?

Скажи мне правду, витязь: каково
Теперь желанье сердца твоего?

Отбросим прочь мечи свои и стрелы
И спешимся, мой ратоборец смелый.

Здесь за беседой посидим вдвоем,
С лица и сердца смоем хмурь вином.

Потом пойдем к иранскому владыке
И перед ним дадим обет великий.

Кто б на тебя ни вышел — мы на бой
Пойдем и вместе победим с тобой.

Кто ты? — Вопрос я многим задавал,
Но здесь тебя никто мне не назвал.

Но если вышел ты со мной на бой,
Ты имя мне теперь свое открой.

Не ты ли сын богатыря Дастана,
Рустам великий из Забулистана?*

---

* Перевод К. Липскерова.

** Перевод В. Державица.

Казалось, что Рустам назовет свое имя. Такой вариант мы встречаем у неизвестного автора, написавшего в подражание Фирдоуси «Шахрияр-наме», где Рустам и его сын Шахрияр узнали друг друга, после чего сын перешел на сторону иранцев. Но у Фирдоуси Рустам не внемлет призыву юноши. Поэт объясняет это тем, что Рустам перед боем никогда не сообщал противнику своего имени, Сухраб же назвал себя, так как считал, что он еще не завоевал общепризнанной воинской славы, необходимой, по его мнению, для сына столь доблестного воина.

Во втором бою Сухраб одолел Рустама и поверг его наземь, но старый боец схитрил. Он сказал Сухрабу, что по обычаям его страны врага убивают лишь после вторичной победы. Неискушенный воин, честный и благородный, отпустил поверженного противника. Рустам ночью молил бога вернуть ему силу, от которой он отказался ранее, Сухраб же с юношеским легкомыслием не думал ни о прошедшем, ни о будущем бое.

В последнем поединке Рустам одолел Сухраба. Смертельно раненный Сухраб скорбел о несбывшейся мечте увидеть отца:

Еще играют сверстники мои,
А я — на ложе смерти здесь — в крови.

Мать от отца дала мне талисман,
Что ей Рустам оставил, Тахамтан.

Искал я долго своего отца,
Умру, не увидав его лица.

Отца мне видеть не дано судьбою.
Любовь к нему я унесу с собою.

О, жаль, что жизнь так рано прожита,
Что не исполнилась моя мечта*.

Рустам заметил на руке Сухраба оникс-самоцвет, данный им Тахмине, и узнал сына. Богатырь был сражен горем. Перед смертью Сухраб, утешая отца, сказал, что, видимо, так было суждено.

В основе этого эпизода лежит распространенный

---

* Перевод В. Державина.

в фольклоре многих народов сюжет о борьбе отца с сыном. Глубиной трагизма этот эпизод привлек внимание многих переводчиков, в том числе немецкого востоковеда и поэта Фр. Рюккерта, а вслед за ним и В. А. Жуковского, ознакомившего русского читателя с историей Рустама и Сухраба. Надо заметить, что перевод Рюккерта, которым пользовался Жуковский, содержит детали, отсутствующие у Фирдоуси.

С и я в у ш — сын Кей-Кавуса — славился красотой; все любили мальчика. Рустам взял его на воспитание, чтобы вырастить славного воина и мудрого правителя:

Рустам в Забул царевича доставил,
Для мальчика престол в саду поставил,
Учил его аркану и стреле,
Учил стоять в строю, сидеть в седле,
Собраний стал преподавать науку,
Учил его пирам, мечам и луку,
Как на охоту с кречетом скакать,
Как рассуждать и как идти на рать,
Как различать неправый путь и правый,
Как разрешать дела родной державы*.

Храбрый, доблестный Сиявуш умел руководить войсками, выделялся чистой, непорочной душой. Судаба, его мачеха, вспылала к нему преступной страстью. Она стала часто приглашать пасынка в свои покои и, наконец, однажды сказала ему:

«Так почему не хочешь ты принять
Мою любовь, и страсть, и лик, и стать?»
Семь лет тебя люблю я той любовью,
Что на моем лице пылает кровью.
Прошу немного сладости твоей;
Хотя бы день от младости твоей.
Отец тебе подарок дал бесценный,
А я тебе вручу венец вселенной!
Но если страсть мою не утолишь,
Но если боль мою не исцелишь,

---

* Перевод С. Липкина.

Не допущу тебя к державной власти.
Я превращу твой светлый день в ненастье!»

Сказал царевич: «Да не будет так,
Чтоб сердце погрузил я в ложь и мрак,
Чтоб я Кавуса обманул и предал,
Чтоб низости дорогу я изведаль.

Жена царя, ты озаряешь всех,
Ты не должна такой содеять грех»*.

Но Судаба оклеветала юношу перед мужем, и Сиявушу пришлось доказывать свою невиновность. Ему предстояло испытание огнем. На сотнях верблюдов были привезены дрова. Из них сложили два громадных костра, между которыми Сиявуш должен был промчаться на коне. Кей-Кавус, назначив это испытание, пребывал в сильнейшем смущении:

Лицо Кавуса от стыда горело.
Сказал он слово мягко и несмело.

Ответил Сиявуш: «Не сожалею,
Что таково круговращенье дней.

Меня снедают стыд и подозренье.
Когда безгрешен я — найду спасенье,

А если грешен я — тогда конец:
Не пощадит преступника творец»*.

Сиявуш выдержал испытание и доказал свою невиновность. Он не только не стал мстить оклеветавшей его мачехе, но даже добился для нее прощения у отца.

Отец разрешил Сиявушу присоединиться к войску, чтобы помочь отразить нападение вторгшегося в Иран Афрасияба. Одержав победу, он известил об этом отца. Увидев сон, что Сиявуш будет героем, шах Афрасияб решил привлечь его на свою сторону. Для этого он отправил к Сиявушу своего брата Гарсиваза с дарами и предложением мира. Посоветовавшись с Рустамом, Сиявуш согласился на мир и послал Кей-Кавусу уведомление об этом. Однако шах не хотел мира и ответил сыну резким письмом. Тогда Сиявуш, вспомнив и старые обиды, перешел на сторону Афрасияба.

---

* Перевод С. Липкина.

Переход Сиявуша к туранцам трудно объяснить. В «Шах-наме» никто из иранских воинов не изменял родине. В основном легенда о Сиявуше сложилась задолго до обработки Фирдоуси, который, как правило, не вносил коренных изменений в сюжеты, заимствованные им из эпических повествований. Но Фирдоуси пытался психологически оправдать своего героя: Сиявушу грозила немилость Кавуса, юноша был связан словом, данным Гарсивазу, которое он не мог нарушить, не навлекая на себя позора. С этой же целью поэт ввел эпизод ссоры Рустама с Кей-Кавусом, не желавшим мира. Весь ход событий подводит к мысли, что виной было сумасбродство Кавуса, не пожелавшего заключить мир с побежденным врагом и тем самым прекратить кровопролитие. Таковы субъективные причины, вызвавшие переход героя в стан врагов. Но объективно действия Сиявуша — его женитьба на дочерях Афрасияба и Пирана — нарушали всю концепцию Фирдоуси об извечной вражде между Ираном и Тураном, между оседлыми и кочевыми народами. По этой концепции, Сиявуш должен был погибнуть. В поэме герой предчувствует гибель. Обращаясь к Пирану, он говорит:

Ты, богатырь, отважен и умен,—
Узнай, каким я горем удручен:

Я времени провижу ход поспешный,—
Убит я буду, слабый и безгрешный,

Афрасияба грозною рукой,—
Мой трон и мой венец возьмет другой.

Злосчастье, клеветник тому причина,
Что я погибну, пострадав невинно.

И на Иран, и на Туран тогда
Обрушит беды мрачная вражда.

Земля наполнится тоской и смутой,
Мир обнажит оружие мести лютой.

Тогда настанет грабежей пора,
И гибель, и хищение добра.

Затопчут кони многие державы.
Вода в ручьях исполнится отравы.

Иран, Туран от горя возопят,
Умру — и мир вскипит, огнем объят*.

В этом монологе звучат и тоска по жизни, и осуждение бедствий, вызванных войнами. Как уже говорилось выше, неизбежность предназначенного судьбой в «Шах-наме» выражается в стремлениях и поступках людей. В повествовании о Сиявуше роль орудия судьбы играл Гарсиваз, который опасался, что из-за Сиявуша, ставшего зятем его брата Афрасияба, он мог утратить права на наследование престола. Поэтому Гарсиваз оклеветал Сиявуша, обвинил его в предательской переписке с шахом Кавусом и правителями Рума и Чина.

Затем Гарсиваз направился к Сиявушу, чтобы и в нем возбудить сомнения. В результате этих коварных действий началась война Афрасияба с Сиявушем, раненый Сиявуш попал в плен и был обезглавлен. На солончаковой земле, куда упали капли его крови, выросла зеленая трава. Гибель Сиявуша послужила причиной новых войн между Тураном и Ираном.

Смерть Сиявуша как бы символизирует губительность многовековой вражды Ирана и Турана.

Иредж. Как и Сиявуш, Иредж погиб из-за козней коварных людей. Его убийцы — родные братья. Иредж беспредельно любил отца и братьев, и эта любовь для него была выше всех земных благ и царской власти. Он презирал богатство, был готов уступить братьям венец и престол, лишь бы избежать зависти и вражды.

Когда Тур и Сальм прислали отцу (Фаридуну) письмо, в котором упрекали его в предпочтении, оказанном младшему сыну, Иредж обратился к родителю с такими речами:

К чему мне царство, трон? Презрев обиду,
Без войска я навстречу братьям выйду.

«О славные! — скажу я, к ним спеша,—
Вы близки мне, как тело и душа.

Зла не таите, ненависть отбросьте,
Кто любит бога, тот не знает злости.

---

* Перевод С. Липкина.

Поймите, гибель этот мир таит,
Смотрите, как наказан был Джамшид»*.

Отец напрасно пытался отговорить Иреджа от встречи с братьями. Тур и Сальм встретили брата с хмурыми лицами и нехотя отправились с ним в шатер:

Войска смотрели вслед, и каждый воин
Подумал, что Иредж венца достоин.

Любовь к Иреджу вспыхнула в бойцах,
Запечатлелся лик его в сердцах.

Бойцы сошлись попарно, строй нарушив,
Друг перед другом тайну обнаружив:

«Вот этому владычество к лицу,
Пристала голова его к венцу»*.

Эти разговоры воинов слышали старшие братья. Их зависть и ненависть к младшему еще более усилились. Разговаривая с ним, братья не скрывали злобы. Несмотря на это, Иредж был полон благожелательства:

О старший брат, о ты, кто жаждет власти!
Ищи покоя, только в этом счастье!

Что мне Иран, Туран, и Рум, и Чин,
И власть царя, и ширь земных равнин?

Когда в конце величья — мрак забвенья,
Оно достойно слез и сожаленья!

Пусть будет небо над твоим седлом,
На камне ты заснешь последним сном.

Престолом я владел, венцом желанным,
Пресытился я властью над Ираном!

Вручаю вам и перстень, и венец:
Вражду ко мне забудьте, наконец!

О братья, не хочу я с вами сечи.
К чему же ваши яростные речи?»*.

Этот монолог свидетельствует о благородстве героя. И здесь Фирдоуси рисует образ идеального госу-

---

* Перевод С. Липкина.

даря, который, желая избежать междоусобицы, готов отказаться от власти.

Но уступчивость и миролюбие Иреджа не подействовали на братьев: они не желали примирения. Тур ударил брата. Иредж и тут призвал их к миру:

Отца ты постыдись! Побойся бога!
Подумай: ты наказан будешь строго.

Не бей меня: приблизив твой конец,
За кровь мою тебе воздаст творец.

Не убивай меня: я кану в бездну,
Бесследно и навеки я исчезну.

Я в этом мире уголок найду,
Трудом добуду я себе еду.

Зачем братоубийство замышляешь?
Зачем отца огнем ты опаляешь?

Желал престола? Взял! К чему же кровь?
Веленьям бога будь покорен вновь*.

Но никакие мольбы не в состоянии были смягчить ярость Тура. Он пронзил кинжалом грудь брата, а затем обезглавил его. Убийцы наполнили череп Иреджа мускусом и амброй и отослали престарелому отцу.

В описании гибели Иреджа поэт поднимает голос против бессмысленной, преждевременной гибели цветущей жизни, он осуждает убийство, протестует против властолюбия и стяжательства и проклинает пороки.

Бахрам Чубин. Отношение Фирдоуси к Бахраму Чубину противоречиво. Во многих эпизодах он изображен бесстрашным воином и мудрым полководцем. В тяжелый для страны момент, когда на Иран со всех сторон наступали враги, Бахрам был назначен главнокомандующим войском и выступил в поход. У Фирдоуси Бахрам — воплощение справедливости.

Прототип Бахрама Чубина — реальное историческое лицо, полководец сасанидского шаха Ормузда IV (579—590). Фирдоуси располагал скудными сведениями о Бахраме Чубине, однако созданный им образ многогранен.

---

* Перевод С. Липкина.

Поэт изобразил Бахрама Чубина патриотом Ирана. Когда тюркский правитель Сава-шах предложил Бахраму перейти на его сторону, обещав почет и несметные богатства, тот гордо отказался. Тогда Сава попытался оскорбить Бахрама, намекнув на его низкое происхождение. Бахрам ответил:

Пусть в низости я должен был родиться,—
Той низости мне нечего стыдиться.

Ормузд, всю низость увидав твою,
С тобой стыдится встретиться в бою.

Но я хочу войны, хотя я низок,
И помни: твой конец позорный близок *.

Перед битвой Сава-шах еще раз направил посла к Бахраму, обещая ему царство и дочь в жены, но Бахрам снова ответил отказом:

Еще слова ты говорил о славе,
О дочери, о войске, о державе,
О том, что жалуешь меня страной,
Что будет дочь твоя моей женой.

Когда я слушал слов твоих начало,
В которых мне хвала твоя звучала,
Я думал, что ты знаешь в людях толк,
А ты мне предложил нарушить долг.

Не ожидал я этого обмана,
А ты, позарясь на престол Ирана,
Мне посулил и царство, и венец,
И дочь свою, и царский свой дворец...

Нет, моего не оскверняй ты слуха!
Кинжалом твоего достигнув уха,

Я голову твою отброшу прочь.
Тогда себе твою возьму я дочь! *

Бахрам Чубин сдержал слово и разгромил тюркское войско, а Саву-шаха убил.

Фирдоуси ввел в повествование сказочные эпизоды и персонажи. Он рассказал о борьбе Бахрама с чудо-

---

* Перевод С. Липкина.

вищем, наводившим ужас на жителей. В другом эпизоде он изобразил ратоборство Бахрама с войсками Хосрова. Когда Хосров Парвиз вернулся с подкреплением от византийского императора, Бахрам смело выступил против него. Он ворвался на слоне в гущу войск противника. Слон был ранен сотнями стрел и пал. Бахрам сел на коня, но и конь под ним пал, пронзенный стрелой. Тогда

Он спешился и за пояс засунул
Подол кольчуги и, как буря, сдунул

Своих противников, помчавшись в бой
С мечом в руке, с щитом над головой.

Иранцы, лица от Бахрама пряча,
Теряли по дороге луки Чача.

Ему другого подвели коня.
Бахрам помчался, всадников гоня.

Он в середину их влетел, как пламя,
Он опрокинул миродержца знамя,

Он родовитых в бегство обратил,
Он правому крылу забрался в тыл*.

Хосров с четырнадцатью богатырями вышел навстречу Бахраму, с которым было всего четыре воина. Завидев Бахрама, воины Хосрова кинулись врассыпную, а сам он бросил оружие и погнал коня. Бахрам стал нагонять его. Тогда Хосров оставил коня и стал взбираться на скалу. На пути оказалась пропасть.

Хосров был на краю гибели, но тут его спас ангел Суруш, который скрыл шаха от Бахрама. Это вмешательство высших сил как бы объясняет последующее поражение Бахрама, ибо у читателя мог возникнуть вопрос, почему Бахрам, столь смелый и решительный в бою, на другой день потерпел поражение. Кроме того, автор не хотел и не мог представить дело так, что Хосров победил благодаря помощи византийцев. Далее рассказывается, что ночью Хосров переманил воинов Бахрама, и тот утром вынужден был отступить с немногими оставшимися верными ему людьми. По

---

* Перевод С. Липкина.

Фирдоуси, не меч и не воинская доблесть победили Бахрама, а вмешательство верховного божества и хитрость Хосрова. Но побежденный и отступивший Бахрам не утратил мужества. Он захватил в плен посланный ему вдогонку отряд византийцев. Таким образом, Бахрам по-прежнему смел и воинствен. Поэт подчеркнул, что византийцы без иранцев не способны на серьезные боевые дела.

Из других черт характера Бахрама отмечены его великодушие, разум, но также самонадеянность и гордость.

О его вспыльчивости свидетельствует эпизод с Пармудой, сыном Сава-шаха. Потерпев поражение от Бахрама, Пармуда укрылся в крепости, но согласился сдать ее, если шах Ирана Ормузд обещает ему безопасность. Получив такую гарантию, Пармуда выехал из крепости, даже не взглянув на Бахрама. Бахрам обратился к нему с гневным упреком, на что тот ответил высокомерно. Тогда

Воитель вспыхнул, кровь его зажглась,
И молнии посыпались из глаз

Бахрам забылся в гнев, и с размаха
Горячей плетью он ударил шаха.

Связать владыке ноги он велел;
Такой поступок — низости предел*.

Бахрам не был равнодушен к богатству и ради него шел даже на преступление: при подсчете трофеев он утаил самые дорогие вещи. Когда об этом донесли шаху, тот пришел в ярость и послал полководцу женское платье, веретено и пряжу — намек на то, что Бахраму больше подходят женские занятия. Тот надел женское платье и появился перед воинами, чтобы вызвать у них возмущение неблагодарностью шаха. Но когда предводители войска возмутились поведением шаха, Бахрам сказал им:

«Не говорите так,— сказал Бахрам,—
От шаха мощь пришла к богатырям.

---

* Перевод С. Липкина.

Мы все — служители, а он — властитель,
Мы все — просители, а он — даритель».

Но меченосная сказала знать:
«Отныне мы не станем воевать,

Для нас отныне шаха нет в Иране,
А ты для нас — не вождь на поле брани».

Окончился на этом разговор,
Начальники покинули шатер*.

Бахрам мог бы воспользоваться негодованием войска и поднять его против шаха. Но тогда у него еще не было подобных помыслов, хотя он был до глубины души оскорблен неблагодарностью шаха. Бахрам поднял мятеж против государя только после того, как волшебница-царица предсказала ему, что он будет царем. Таким образом, здесь также действуют сверхъестественные силы.

Так из честного и прямодушного воина Бахрам превратился в мятежника. Восстав против шаха Ормузда, Бахрам, чтобы поссорить отца с наследником, стал чеканить монету с именем Хосрова — сына Ормузда. А когда Ормузд был ослеплен родственниками Хосрова, Бахрам объявил себя мстителем за поруганного и низложенного повелителя, против которого он сам поднял мятеж. С этого времени им овладело единственное чувство — честолюбие. Теперь Бахрам стал иначе думать о праве на трон.

Раньше он не помышлял о венце и послушно выполнял волю повелителей, не задумываясь над тем, достойны ли они трона. Став мятежником, он начал выискивать пороки у шахов и проклинать род Сасана, к которому принадлежали иранские правители. Свое происхождение он вел от Аршакидов, свергнутых Сасанидами, объявлял себя их наследником и мстителем:

Твой предок на царя сумел напасть,
Убив его, забрал престол и власть.

Стал царствовать убийца Ардавана,
Пустило корни дерево Сасана.

---

* Перевод С. Липкина.

Прошли века, и ветер, полный сил,
Подул — и это дерево свалил:

Отныне вся держава в нашей власти,
Страною наше управляет счастье.

Едва я на лицо твое взгляну,
Мне хочется с тобой рвать войну.

Померк твой свет! Как лев свирепый, прынув,
С лица земли смету я род Сасанов,

Их злые уничтожу семена,
В сказаниях сотру их имена,

Да станут все они добычей мрака,
Да воцарится снова род Аршака!*

Но Бахрам Чубин, оправдывая свою измену, не только ссылался на древние наследственные права Аршакидов, которые не пользовались популярностью ни у знати, ни у народа. Он указывал и на недостойное поведение Хосрова, и на свои личные качества. Например, на увещания Гурдии образумиться и не домогаться трона, по праву принадлежащего Сасанидам,

Ответствовал своей сестре Бахрам:
«Не причисляй Хосрова ты к царям!

Нет силы у него на поле брани,
Отваги нет, ума и дарований.

Властитель тот, кто сам достиг высот:
Отвага, ум ценней, чем знатный род!»*.

Бахрам был более достоин власти, чем его соперник. Но он не принадлежал к древней династии. В этом и состояла его трагедия. Бахрам не мог забыть оскорблений, нанесенных ему Пармудой и Ормуздом, и выступил, чтобы отомстить за поруганную честь. Сначала Бахрамом руководило лишь чувство мести. Поэт показал, как в ходе восстания менялся характер Бахрама, как богатырь начинал мечтать о троне и как эта мечта овладела им.

Вина Бахрама усугубилась и тем, что он стал врагом родной страны. От него ушли воины-иранцы, а

---

* Перевод С. Липкина

сам он перекинулся на сторону тюркского правителя Пармуды.

Бахрам чувствует свою неправоту, порой он раскаивается в содеянном; это видно, например, из его беседы с сестрой:

Бахрам ответил: «Ты, сестра, права,
Свидетель бог — верны твои слова.

Но говорить об этом бесполезно:
Влечет меня таинственная бездна.

Я болен; поздно мне идти к врачу,
Но умереть я тоже не хочу!..» *

В немногих словах поэт сумел передать трагедию сильной личности. Бахрам знает, что он не прав, но тем отчаяннее продолжает борьбу, проявляя в ней мужество и непреклонность. Осуждая Бахрама как мятежника, Фирдоуси все же относится к нему с некоторой симпатией.

Бахрам у Фирдоуси — не единственный правитель, прибегший к помощи извне. И Хосров искал поддержки у византийского императора. Вельможи, узнав о бегстве этого шаха в Византию, возмутились и стали роптать:

Немало звезд счастливых закатилось,
Немало повелителей сменилось,

Но в первый раз подобная беда
Иранские постигла города;

Ответьте, кто из прежних властелинов
Бежал, как наш Хосров, Иран покинув? *

Правда, этот поступок автор пытался оправдать. Но вопреки стараниям Фирдоуси обелить слабовольного и робкого в бою Хосрова симпатии читателя склоняются к пылкому и честолюбивому Бахраму.

Таковы основные образы богатырей в «Шах-наме». Многих из них постигла трагическая смерть, и почти всегда это изображается как вмешательство высших сил.

---

* Перевод С. Липкина.

Образы тружеников

Автор поэмы создал образы тружеников, наделенных великодушием, благородством, смелостью.

Одно время принято было считать, что Фирдоуси как представитель родовой аристократии отрицательно относился к ремесленникам. Такое утверждение основывалось на вольном толковании следующих строк:

Это непокорные ремесленники,
Их постоянное занятие — ремесло;
Их души вечно полны тревог

Но в этих стихах нет осуждения. Напротив, недостойному поведению знати поэт нередко противопоставлял благородство простых людей. Фирдоуси сочувственно относился к труженикам.

В «Шах-наме» есть такой эпизод. Царица Хумай, когда у нее родился сын, приказала положить его в сундук и бросить в реку. Она хотела избавиться от сына, которому должна была со временем передать власть. Бедняк, зарабатывавший на жизнь стиркой белья и потерявший незадолго до этого единственного сына, подобрал мальчика и вырастил его.

В повествовании о Бахраме Гуре описано несколько встреч шаха с тружениками. Бахрам Гур узнал о жизни своих подданных и принял меры для облегчения их положения. В этих эпизодах Фирдоуси противопоставлял простолюдинов ростовщикам и богатым скрягам.

Характерно, что в исторических хрониках и эпических сводах ничего не сказано о встречах Бахрама Гур с тружениками. По-видимому, Фирдоуси заимствовал эти рассказы из устного творчества и развил их.

В одном из таких рассказов говорится, что однажды Бахрам встретил старца, от которого узнал, что в некоем городе живут два человека: ростовщик-еврей Барахам, известный скупостью, и водонос Ламбак — образец великодушия и гостеприимства. Решив испытать обоих, Бахрам через глашатая объявил о запрещении покупать воду у Ламбака, а сам отправился к

нему в гости. Когда Бахрам под видом странника попросился на ночлег, то получил такой ответ:

«Будь даже десять человек с тобой,
Я всем бы дом вам предоставил свой».

И спешился тогда Бахрам счастливый,
Коня же взял Ламбак гостелюбивый,

Попоной вытер спину, разнуздал,
Поставил в стойло, корму вдоволь дал,

Потом Бахрама ввел в свою лачугу
И место предложил ему, как другу,

Для отдыха за шахматной доской
Поставил блюда с разною едой,

Сказал. «О муж, хоть беден я, по чести
Прошу — со мной поужинаем вместе»

Бахрам с Ламбаком благородным сел,
И брал еду со скатерти, и ел

А после трапезы, убравши кости,
Почтил хозяин доброй чашей гостя

И шах был очарован бедняком,
Беседой и приветливым лицом *

Утром Ламбак уговорил гостя остаться еще на день. Но в этот день Ламбак ничего не заработал, так как никто из горожан не купил у него воды. Водонос продал свою одежду, на вырученные деньги купил еды и снова радушно угощал гостя. На третий день Ламбак отнес на базар бурдюки, в которых носил воду, и заложил их, чтобы купить припасов. Он не хотел отпустить гостя и на четвертый день. Однако Бахрам ушел, так и не назвав своего имени.

Затем Бахрам направился к ростовщику Барахаму, чтобы испытать его. Тот сначала не хотел впускать гостя, но Бахрам уверил хозяина, что не будет ему в тягость; он согласился даже лечь у дверей:

— О славный воин! — отвечал скупец, —
Измучусь беспокойством я вконец

Во сне тебя, дожалуй, обворуют,
А как соседи это истолкуют?

---

* Перевод В. Державина,

Войди в мой дом, коль тесен мир тебе,
Коль прахом все пошло в твоей судьбе,—
С условием, что не спросишь ничего ты,
Не причинишь мне никакой заботы*.

Когда гость согласился переночевать и при таких условиях, Барахам попытался иным способом отделаться от него:

А если конь твой в стойле нагрязнит
Или копытом камень раздробит,
Сам подберешь ты, волей иль неволей,
Навоз и выбросишь подальше в поле.

А если камень будет раздроблен,
Заплатишь деньги — денег стоит он*.

Бахрам положил под голову седло, под себя — потник, а Барахам сел за обеденный стол и сказал с издевкой:

Пусть в мире ест и пьет, кто сам богат,
А неимущие пускай глядят*.

Утром, когда ростовщик увидел, что Бахрам не убрал за своим конем, он стал кричать. Шаху не удалось откупиться даже золотом. Чтобы подчеркнуть скупость Барахама, Фирдоуси нарисовал следующую сцену: Бахрам собрал навоз в дорогой шелковый платок и выбросил его, а Барахам подобрал этот платок. Вернувшись во дворец, шах вызвал Ламбака и Барахама, отдал водоносу все имущество ростовщика, а последнему оставил только четыре дирхема.

В другом эпизоде рассказывается, что как-то после охоты Бахрам остановился у землевладельца Фаршидварда. На любую просьбу Бахрама он отвечал жалобами на нищету. Шах покинул дом этого скупца. В пути он встретил бедняка, собиравшего терновник, и спросил, кто самый состоятельный человек в округе. Незнакомец назвал Фаршидварда, владельца сотен тысяч голов скота:

---

* Перевод В Державина.

Он тут хозяин, страшно он богат,
Но скупостью он в плен жестоко взят.

Родных он разогнал, друзей не знает,
В лохмотьях жалких ходит, голодает.

Хоть у него сокровища кругом,
Отказывает он себе во всем.

От голода и холода страдает,
Хоть он жемчужным кладом обладает.

Ест мясо у него пастух любой,
А сам он ест ячменный хлеб сухой.

Ты не поверишь моему рассказу —
Он двух рубах не сшил себе ни разу *

Бахрам отобрал у скряги имущество, часть он дал бедняку, а остальное

Он тем его имущество раздал,
Кто в бедственной нужде изнемогал,

И старикам, к работе неспособным,
И всем бездомным в этом мире злобном,

Кабальным неоплатным должникам,
И честным разорившимся купцам,

Что прежде имя доброе снискали,
Но всех друзей в несчастье растеряли;

Сиротам, чей так тягостен удел,
Он серебро скупца раздать велел,

И многодетным беззащитным вдовам
Он помощь дал в уделе их суровом *.

Еще в одном эпизоде поэт повествует о том, что однажды Бахрам был скромно принят богатым купцом. На другой день его пригласил к себе слуга купца. Шах был поражен гостеприимством бедняка. По возвращении во дворец он вызвал обоих, одарил слугу, а его бывшего хозяина заставил служить ему.

Как сможет отличить добро от зла
Шах, позабывший царские дела?

Как сможет благородных отличать он,
Как по заслугам будет награждать он?

---

* Перевод В. Державина

И ты, познавья ищущий мудрец,
Мое запомни слово под конец:

Не будь презренным скрягой! Ты схоронишь
Казну, зато достоинство уронишь*.

После встреч с людьми из народа Бахрам убедился, что много достойных людей живет в нищете.

В уста простых людей поэт нередко вкладывал свои заветные мысли. Так, Фирдоуси рассказывает, что однажды во время охоты шах остановился у небогатого крестьянина. Для гостя зарезали последнюю овцу. Жена крестьянина стала доить корову. Но у коровы не оказалось молока, и женщина обвинила в этом шаха:

Пути земли и неба будут кривы,
Когда на царстве шах несправедливый.

Утратит ценный мускус кабарга,
И у коров не будет молока.

Душою чистый человек расллится,
А сердце доброе ожесточится.

И станут люди хищников лютей,
И будут волки пожирать людей.

Степной онагр добычей будет редкой,
Цыплят своих не высидит наседка.

Все будет плохо, если шах плохой;
Был у коровы этой водопой

И выгон свежий с травами густыми,
А видишь — у нее иссохло вымя*.

Осуждение несправедливости простой женщиной произвело на Бахрама сильное впечатление:

Бахрам был несказанно огорчен,
Когда ее рассказ дослушал он.

Взмолился богу он: «О всемогущий,
Владыка времени, повсюду сущий!

Коль сердцем я от правды отошел,
Пусть потеряю царский я престол!»*

---

* Перевод В. Державина.

Здесь Фирдоуси в реальную картину жизни вводит элементы фантастики: предположение крестьянки, что корова перестала давать молоко из-за несправедливости шаха, подтвердилось.

Женщина далее рассказала гостю о злоупотреблениях чиновников, и ее правдивый рассказ привел в негодование шаха. Он задумался о судьбе подданных.

— «О благомыслящий,— она сказала,—
По нашему селению немало

Вседневно ездит, алчностью горя,
И местных сборщиков, и от царя.

Невинного назвать им стоит вором —
Спознается он с горем и позором.

Из-за дирхема сборщик податей
Здесь может искалечить жизнь людей.

Другой придет, и женщину бесчестит,
Он не боится ни суда, ни мести.

От них нам разорение и страх.
Такой порядок нам устройь шах» *.

В поэме изображены и другие персонажи из народа. Интересен рассказ о юном сапожнике, которого мать напоила вином. Через некоторое время юноша вышел из дому и усмирил в царском зверинце сорвавшегося с цепи свирепого льва. Знать и шах были удивлены, что простолюдин совершил такой подвиг. Они вызвали старуху-мать и спросили, не согрешила ли она в свое время с вельможей. Старуха насмешливо ответила:

Отец был сапожник, сапожник был дед;
В роду никого сановитее нет.

Вся знатность его — от трех чашек вина,
А я-то с докладом к царю позвана! **

Этот отрывок в «Шах-наме», по-видимому, представляет поэтическую обработку фольклорной новеллы, в которой высмеивались притязания знати на исключительное положение.

* Перевод В. Державина.

** Перевод М. Лозинского.

Одна из самых ярких и колоритных фигур в поэме— кузнец Кава.

Кава — единственный богатырь, вышедший из народа. Ворвавшись в тронный зал Заххака, Кава обратился к нему:

Я требую правды, о царь, я Кавэ!

Воздай справедливость! Я мчался бегом,
Рыдая в душе о насилии твоём.

Была б справедлива держава твоя,
О царь, укрепились бы слава твоя.

Великой обидой меня ты гнетешь,
Без устали в сердце вонзаешь мне нож.

Когда я казним не по воле твоей,
Зачем истребил ты моих сыновей?

Скажи, что я сделал? Вину укажи,
И если я прав, не выдумывай лжи.

На муки мои, венценосец, взгляни,
От пуших мучений меня охрани.

От горя спина моя стала крива,
Безрадостно сердце, болит голова.

Ушла моя юность, детей моих нет,
А связей прочнее не ведает свет.

Насилью бывает разгар и предел,
Бывает предлог для насильственных дел.

Каков твой предлог? Молви, дай мне ответ:
За что на меня ты навел столько бед?

Я мирный кузнец, неповинен ни в чем,
А ты мою голову мучишь огнем.

Ты царь, и хотя по обличью ты змей,
Но в деле моем справедливость имей.

И если ты царь всем семи поясам⁴,
Зачем благоденствуешь только ты сам?

Придется тебе учинить мне отчет,
Такой, что весь мир в изумленье придет.

Владыка дослушал его до конца,
Дивясь это слышать из уст кузнеца.

И сына они возвратили ему,
И всякими ласками льстили ему.

---

⁴ По представлению средневековых мусульманских географов земля была разделена на семь поясов (зон).

Потом повелитель ему приказал,
Чтоб он свою подпись под грамотой⁵ дал.

Кавэ как прочел эту грамоту сплошь,
Он тут же вскричал на чиновных вельмож:

Вы, бесовы пешки, пред царским лицом
Сердца оскопившие в страхе своем!

Вы к аду лицо обратили свое,
Предательством сердце растлили свое.

Не я свою руку сюда приложу,
Не я о владыке земли потужу.

Охваченный дрожью, он крикнул и встал,
И грамоту их, разорвав, истоптал,

И, сыном сопутствуем, с криком, бегом
На улицу выбежал прочь из хором.

Вельможи Заххаку хвалу вознесли.
О славный, — сказали, — владыка земли!

И ветры небесные в день боевой
Не смеют дышать над твоей головой.

Зачем неучтивый речами кузнец,
Как ближний, приходит к тебе во дворец?

Ой грамоту нашу союзную рвет,
Державною волей твоей небрежет.

Ушел он, и мщением сердце полно,
Как если бы он с Феридуном одно.

Гнуснее никто не видал ничего;
Мы все столбенеем от дела его.

Царь славный промолвил в ответ их словам:
Я дивное чудо поведаю вам.

Как только Кавэ в эти сени проник
И мне до ушей долетел его крик,

Меж нами двумя, никому не видна,
Как будто железная встала стена.

А как он руками стал голову бить,
Тут в сердце моем словно лопнула нить.

Не знаю, что будет от этих чудес,
Затем что неведома тайна небес.

Как вышел Кавэ из дворцовых ворот,
Стопился кругом на базаре народ.

А он все кричал, защитить его звал,
Всех в мире людей рассудить его звал.

⁵ См. стр. 139.

Взял кожаный фартук, которым перёд
Кузнец прикрывает, как молотом бьёт,

К вершине копья прикрепил его сам,
И пыль на базаре взвилась к небесам*.

Фирдоуси противопоставляет Кава вельможам, которые, опасаясь за собственное благополучие, угодливо подписались под грамотой Заххака, где говорилось, что он — справедливый и милосердный правитель. Разгневавшись на тирана, кузнец призвал народ к восстанию.

В то же время Фирдоуси изображает Кава сыном своего времени, своего сословия. Подняв народ против Заххака, Кава не помышлял о захвате власти (этой мысли у простого кузнеца в то время быть не могло): победив тирана, он добровольно стал под начало отпрыска древней династии — Фаридуна, которого восставшие возвели на трон.

В «Шах-наме» впервые в истории таджикской и персидской литературы появились выразительные образы людей из народа, и хотя они, за исключением Кава, не являются главными персонажами поэмы, все же их роль весьма велика.

Женские образы

Для восточного средневековья было характерно пренебрежительное отношение к женщине. Этого не избежал и Фирдоуси.

В высказываниях некоторых героев и в авторских сентенциях женщины в «Шах-наме» упоминаются часто с пренебрежением. Так, Сиявуш, когда он пострадал из-за козней Судабы, воскликнул:

Женщине и дракону лучше быть под землей,
В мире лучше без этих двух нечестивых.

.....
Лучшая из жен та,
Которой всегда дозволят муж,—

говорит Фирдоуси, выражая свою излюбленную мысль о том, что основное достоинство жены — покорность и послушание мужу.

* Перевод М. Лозинского.

Однако порой Фирдоуси высказывает и передовые для своего времени мысли:

Если дитя обладает достоинствами и воспитанием,
Оно мило сердцу, будь оно сын или дочь.

Фирдоуси создал образы волевых, разумных, мужественных и верных в любви женщин. Поэту были известны сильные духом женщины, его современницей была энергичная правительница Сайида (997—1028), которая управляла государством в центре Ирана. До Фирдоуси таджикско-персидская поэзия таких образов женщины не знала.

Гурдафарид (в переводе «Рожденная богатырями») — один из положительных образов. Н. Г. Чернышевский дал этому образу высокую оценку: «Гурдаферид цветет здоровьем, только Зораб во всем Туранском войске может выдержать поединок с нею, когда она надевает шлем: если рука ее слабее руки Хеджира, ее сердце тверже, ее взор смелее, ее движения быстрее, ее удары вернее, и она — первая защитница Ирана. Но у самого Шекспира нет лица более прелестного. Дездемона и сама Джульетта далеко уступают ей дивною нежною прелестью»⁶.

Хоть юной девушкой была она, —
Как витязя, влекла ее война.

Отцов-богатырей была в ней сила,
Она в сраженье львов копьем разила*.

Ею руководило единственное чувство — ненависть к врагам Ирана. Во имя родной страны она вышла на ратное поле, облаченная в боевые доспехи. Она вела бой с Сухрабом, как искусный воин.

Гурдафарид восхищена удачью и мощью Сухраба, в ее сердце даже зародилась симпатия к храброму рыцарю, но чувство долга не позволило ей полюбить

⁶ Н. Г. Чернышевский, *Повести в повести* (Полное собрание сочинений, М., Гослитиздат, 1949, т. XII), стр. 132.

* Перевод В. Державина.

Сухраба: он — туранец и, следовательно, враг Ирана. Хитростью спасшись от настигшего ее Сухраба и скрывшись в крепости, она отвергла его любовь:

Неужто, воин мой, не знал ты ране,
Что турки брать не могут жен в Иране?

Что ж, значит, я тебе не суждена;
Но не печалься, то судьбы вина...

Хоть сам ты не из тюркского народа,
В тебе видна иранская порода.

С такую мощью, с красотой твоей
Ты был бы выше всех богатырей.

Но если скажет слово шах Ирана,
Чтоб юный лев повел войска Турана,—

Подымется Рустам из Сеистана,
Не устоишь ты против Тахамтана.

Беда тебе — из войска твоего
В живых он не оставит никого.

Мне жаль, что этот стан и эти плечи
Поникнут и падут во прахе сечи.

Повиновался б лучше ты судьбе,
Вернулся бы скорей в Туран к себе*.

В образе Гурдафарид воплощена идея верности долгу.

Гурдафарид отличалась и хитростью. Когда Сухраб одержал победу над ней, она прибегла к уловке, чтобы скрыть от всех поражение:

Мир заключим, чтобы завязать язык их...
Ведь мудрость, знаешь сам, удел великих.

Теперь мой замок и мои войска —
Твои. Как клятва, речь моя крепка.

И крепость, и сокровища Хаджира —
Твои. Зачем нам битва после мира?

На нас ведь с той и с этой стороны
Всех воинов глаза обращены...

Теперь с лицом открытым я предстала,
И разнотолков, знай, пойдет немало,

---

* Перевод В. Державина.

Что, мол, Сухраб до неба напылил,
В единоборство с женщиной вступил,
Копьем тяжелым с девушкою бился
Перед мужами — и не устыдился.

Я не хочу, чтобы из-за меня
Шла о Сухрабе славном болтовня*.

Весь этот эпизод напоминает распространенный анекдот о современниках Фирдоуси — султанине Махмуде Газневиде и правительнице города Рея из династии Буидов — Сайиде. Рассказ ведется от имени царствующего государя, обращающегося к наследнику: «...царствовала в Рее женщина, звали ее Сайида, женщина она была царского рода, целомудренная и праведная. Она была дочерью племянника моей матери и женой Фахраддоулэ. Когда Фахраддоулэ преставился, остался после него малолетний сын по прозванию Медждаддоулэ. Царский титул дали ему, а правила сама Сайида тридцать один год. Когда этот Медждаддоулэ вырос, не в отца пошел, на царство не годился, так только титул у него и был, а он сидел дома, да уединялся с рабынями, а мать его в Рее, Исфакане и Кухистане правила тридцать с чем-то лет.

Но суть-то в том, что когда дед твой, султан Махмуд ибн Себуктегин, послал к ней гонца и сказал: „Нужно, чтобы ты ввела хутбу⁷ и чеканила монету на мое имя и согласилась на дань, а если нет, я приду, возьму Рей и разрушу его“ и много грозил, то, когда гонец приехал и передал послание, она ответила: „Скажи султану Махмуду — пока был жив мой муж, я все опасалась, как бы не привел тебя путь сюда и не напал ты на Рей, но, когда он преставился и обязанность легла на меня, эта забота ушла из моего сердца. Я сказала [себе]: султан Махмуд — царь разумный, он знает, что такому царю, как он, не годится идти войной на такую женщину, как я. Теперь, если ты придешь, видит бог, я в бегство не обращусь и пойду в бой. Ведь исхода может быть только два, из двух

---

⁷ Хутба — торжественная молитва в честь царствующего правителя.

* Перевод В. Державина.

войск одно будет разбито. Если я тебя разобью, я по всему миру разошлю донесения, что я разбила султана Махмуда, который ранее разбил сто царей, будет у меня и донесение о победе и победные стихи по праву; если же ты меня разобьешь, что ты сможешь написать? Скажешь, женщину я разбил. Не достанется тебе ни донесений о победе, ни победных стихов, ибо разбить женщину — не велика слава. Скажут: „Султан Махмуд женщину разбил“. И из-за этой одной речи, пока она была жива, султан Махмуд не нападал на Рей и ее не тревожил»⁸.

Рассказ о Гурдафарид свидетельствует о том, что Фирдоуси разделял этические взгляды своего времени: поражение, нанесенное слабым врагом, считалось величайшим позором. Но основное назначение этого эпизода — углубление образа Сухраба, которого поэт стремился показать с разных сторон.

Рудаба — дочь кабульского правителя Михраба, жена Заля и мать Рустама. Выше уже говорилось о любви Заля и Рудабы. Фирдоуси вставляет в этот рассказ краткую сентенцию:

Любовь и рассудок враждуют от века,
Внезапно меняется нрав человека.

Сказал же когда-то мыслитель один:

«Пред женщиной речь не веди про мужчин.

Ведь женское сердце, где беса обитель,
От слова к проступку влечет искуситель»*.

Рудаба во многом сама вершила свою судьбу. Правда, она советовалась со служанками-подругами, но когда те сказали ей, что Заль недостойн ее любви, Рудаба ответила:

Нелепа ваша речь, глупа, незрела,
Таким речам внимать — пустое дело!

Ни раджи, ни хакана не хочу,
Царя царей Ирана не хочу,

---

⁸ «Кабус-наме», перевод Е. Э. Бертельса, М., 1958, стр. 162—163

* Перевод В. Левика.

Я только одному женою стану —
Плечистому, высокому Дастану!
Слыви он старцем⁹ или молодым, —
Соединю я душу только с ним! *

Это настоящий гимн высокой, бескорыстной любви, не желающей считаться с социальными предрассудками.

Рудаба через служанок передала Залю приглашение.

Характер Рудабы, ее самоотверженность и сила любви отобразены в эпизоде свидания с Залем:

Их разум померк, ими страсть овладела,
И крепло их чувство, не зная предела.
Но вот, озаренный, блеснул небосклон,
И был барабаном дворец пробужден.
И Заль, уже грустью разлуки волнуем,
К царевне с прощальным прильнул поцелуем, —
Сказал бы ты: словно к основе уток,
И оба в слезах, обратясь на восток,
Они прошептали, печально вздыхая:
«Зачем поднялась ты, заря золотая?»**.

Много было препятствий, мешавших браку Заля и Рудабы, даже шах Манучихр возражал против этого союза, но влюбленные преодолели все. У них родился сын — первый в мире богатырь Рустам. В дальнейшем Рудаба играет в поэме незначительную роль: она лишь провожала и встречала Рустама; богатырь же часто вспоминал о матери перед боем.

М а н и ж а — дочь туранского правителя Афрасияба. Отдыхая как-то в шатре, она увидела юного воина. Это был иранский витязь Бижан. Сердца молодых людей воспылали любовью, и Манижа пригласила Бижана в свой шатер. Когда же после трех дней пиршества Бижан стал подумывать о разлуке, она усыпила его зельем и привезла тайком к себе во

⁹ Заль, как уже упоминалось, родился седым.

* Перевод С. Липкина.

** Перевод В. Левика.

дворец, где продолжались пиры и любовные утехы. Ветреней, легкомысленной представлена Манижа в этом эпизоде. Она влюбилась в незнакомого юношу с первого взгляда, отдалась ему в первый же день, спрятала его в своем чертоге.

Фирдоуси сочувственно относится к Маниже. Она изображена как смелая женщина, не побоявшаяся гнева отца — тирана и самодура, верная в любви и готовая ради нее на жертвы. Узнав о случившемся, Афрасияб велел казнить Бижана, и лишь заступничество Пирана спасло юношу от смерти. Бижана бросили в яму, дворец царевны разрушили, она была изгнана и стала просить милостыню.

С рыданиями в степь убежала она.
По небу и солнце прошло, и луна.

Вернулась, несчастная, пыльной тропой,
Отверстие в яму прорыла рукой,

И с этого дня, только солнце взойдет,
Куски собирала она у ворот.

Когда возвращалась, — уж было темно, —
В отверстие хлеб опускала на дно

И плакала горько с печалью, с тоской,
И не был ей сладок недолгий покой*.

Манижа пыталась освободить из темницы возлюбленного. Услышав, что из Ирана прибыл купец, она поспешила к нему, рассказала о своей горестной доле и о судьбе Бижана:

Но друг мой плененный несчастней меня,
Не видит он в яме ни ночи, ни дня,

В оковах железных, в тяжелых цепях,
О смерти мольбы у него на устах.

От этого множится горе, о муж!
От этого слезы — как море, о муж!*

Манижа стала умолять переодетого купцом Рустама сообщить иранским богатырям об участи, постигшей Бижана.

---

* Перевод М. Дьяконова.

Способная стойко перенести любые унижения ради освобождения возлюбленного, Манижа требовала и от Бижана должного уважения к себе. Когда она передала ему жареную курицу, в которой был спрятан перстень Рустама, Бижан понял, что пришло спасение, и радостно засмеялся. На просьбу подруги объяснить внезапную перемену настроения Бижан из осторожности ответил притчей о болтливости женщин. Возмущенная Манижа сказала Бижану:

О горе, я роком повергнута в прах,
Истерзано сердце, и слезы в очах.

Я сердце и дом за него отдала —
И мне же в отплату такая хула!

Отец и родные отвергли меня,
Босую из дома прогнали, кляня...

Надеждой питалась, надежды ушли,
И свет потемнел, и не вижу земли.

Любимый на тайну накинул покров,
О бог всемогущий, создатель миров*.

Тронутый этими словами, Бижан доверил ей тайну. Она выполнила все его поручения и помогла ему бежать из плена. После этого вместе с Бижаном Манижа отправилась в Иран.

Ф а р а н г и с. Аналогично сложилась судьба другой дочери Афрасияба — Фарангис, которая была выдана замуж за Сиявуша. Фарангис — самоотверженная жена, она не устрашилась выступить в защиту любимого мужа против жестокого отца. И после смерти Сиявуша Фарангис осталась верна ему. Афрасияб хотел убить дочь, когда она была беременна, оскорблял и унижал ее. Лишь благодаря заступничеству Пирана ей была сохранена жизнь. Фарангис помнила сделанное ей добро и в благодарность спасла от смерти Пирана. Так же как Манижа, она покинула деспота-отца и вместе с сыном, Кей-Хосровом без колебания отправилась в Иран.

В «Шах-наме» есть и другие положительные женские образы. Нас пленяет своей пылкой любовью и

* Перевод М. Дьяконова.

нежным материнским чувством Тахмина — мать Сухраба. Глубоко поэтичен образ Гурдии, сестры Бахрама Чубина. Она настойчиво отговаривала брата от мятежа, а когда Бахрам Чубин был сражен рукой наемного убийцы, оплакивала его.

Судаба. В «Шах-наме» есть и отрицательные женские образы. Из них наибольшего внимания заслуживает Судаба — дочь йеменского правителя, ставшая женой Кей-Кавуса. Сначала поэт сочувственно относится к Судабе. Царь Йемена не был рад сватовству Кей-Кавуса к его дочери, но Судаба согласилась на этот брак. После свадьбы йеменский царь пригласил зятя в гости. Судаба отговаривала мужа от посещения отца, предчувствуя недоброе, но Кей-Кавус отправился в столицу Йемена, где был захвачен в плен. Судаба, возмущившись коварством отца, отказалась вернуться в отчий дом. К посланцам царя она обратилась с гневными словами:

«За эти униженья и оковы
Придется вам держать ответ суровый.

Что ж вы его не взяли на войне,
Когда он был в кольчуге, на коне?

Там Гив, Гударз и Тус вам предстояли,
Они сердца вам страхом истерзали!

Нет, в западню его вы увлекли,
Вы гостелюбием пренебрегли!»

Так, расцарапав грудь, она рыдала,
Собаками посланцев называла.

«С Кавусом вам меня не разлучить,
Вам даже под землей его не скрыть!» *

Любовь к мужу толкнула Судабу на самоотверженные, смелые поступки, заставила ее отказаться от отца и покинуть родину. Она разделила с супругом горестные дни одиночества и вместе с ним отправилась в Иран. Но здесь она воспылала страстью к своему пасынку — Сиявушу. Отвергнутая им, Судаба

* Перевод В. Державина.

замыслила преступление. Она погубила Сиявуша, а затем и сама была убита Рустамом. На примере Судабы Фирдоуси осуждает измену мужу и недозволенную любовь.

Образы «Шах-наме» воспринимаются нами как живые люди. Вместе с поэтом мы переживаем судьбу героев — сочувствуем, если они совершают благородные поступки, осуждаем, когда они приносят бедствие и несчастье людям.

О ТВОРЧЕСКОЙ МАНЕРЕ ФИРДОУСИ

Творческий метод Фирдоуси связан с традициями персидско-таджикской поэзии X в. и героического эпоса иранских народов.

В «Шах-наме» встречаются реалистические картины, но они не составляют основного стержня поэмы. Часто реалистические эпизоды насыщены сказочными поэтическими деталями. Вспомним, например, как жена крестьянина во время беседы с Бахрамом рассказывала о жизни крестьян: она жаловалась на лихоимство и притеснения чиновников, на поддержку их властями. Ее разговор с мужем, которого она упрекала за то, что он зарезал последнюю овцу на угощение гостя, также передан живо, с бытовыми подробностями. Однако далее автор вводит в эпизод чудеса: молоко в вымени коровы мгновенно высохло и вновь появилось, как только Бахрам поклялся творить лишь добро.

Образы многих персонажей «Шах-наме» наделены отдельными реалистическими чертами (Рустам, Исфандияр и другие). Однако в целом они не могут быть названы реалистическими.

Трудно говорить о каком-либо единстве изобразительных приемов в «Шах-наме». В поэме они меняются в зависимости от описываемых событий.

В первых частях Фирдоуси приводит древние мифы: здесь отражены старинные наивные представления о природе и обществе. Главные противники первых шахов — не люди, а Ахриман, Черный див и другие дивы. Пересказом древних мифов и сказаний являются эпизод совращения Заххака Иблисом, рассказ о том,

как у Заххака выросли на плечах змеи, и предание о корове, которая кормила малолетнего Фаридуна (напоминающее древнеримскую легенду о Ромуле и Реме).

Вместе с тем в мифологической части «Шах-наме» встречаются и элементы героического эпоса; у некоторых персонажей мы видим и реалистические черты.

В основной, героической, части «Шах-наме» тоже использованы мифы и сказания. Принято считать, что эпическое повествование начинается с описания подвигов Рустама, однако несомненно, что отец и дед Рустама (Заль и Сам) — также эпические герои. Рустам совершал такие подвиги, которые относятся уже к мифологии, например бои с Акван-дивом, Белым дивом, драконами, колдунами. Однако в описании этих событий Фирдоуси вплетает эпизод о поединке Рустама с Ауладом, насыщенный реалистическими деталями.

В исторической части «Шах-наме» также значительное место занимают фантастика и героический сказ, но наиболее ярко изображены люди.

Несмотря на такую многоплановость, все три части имеют нечто общее. Помимо определенного Е. Э. Бертельсом принципа выделения основного героя из окружающей среды, у Фирдоуси можно отметить также прием наиболее рельефного изображения одной из главных черт героя.

Так, Иреджа характеризует человеколюбие, Заххака — тирания, Хосрова Ануширвана — твердость духа, Бахрама Чубина — честолюбие и отвага, Манижу — преданность в любви, Исфандияра — властолюбие и т. д.

Многие герои, помимо основной черты характера, наделены второстепенными.

Например, основная черта главы могущественного рыцарского рода Гударза — мудрость. Вместе с тем Гударз — храбрый витязь, жестокий противник в бою и нежно любящий отец. Искандар — искатель истины, ради нее он сражается и совершает сказочные подвиги. Он храбр, умен, но иногда бывает жесток, однако основное в нем — это пылкий ум.

Рустам, несомненно, самый разносторонний образ, но основное его качество, которому подчинены все остальные, — любовь к родине, готовность в любой момент самоотверженно защищать ее.

Благодаря этому создаются богатые, многосторонние образы. Таковы Рустам, Сиявуш, Исфандияр, Бахрам Чубин, Кей-Кавус и прочие. Другие герои выглядят бледнее, схематичнее, например Хосров, Ануширван, Бузурджмихр, многие сасанидские шахи.

Автор «Шах-наме» большей частью рисует мифологические и героические образы в обстоятельствах, далеких от реальной действительности. Реальные события в «Шах-наме» сочетаются с чудесными превращениями и с вмешательством сверхъестественных сил.

Некоторые иранские исследователи, например Забихолла Сафа, считают, что Фирдоуси был только версификатором, не отходившим в поэме от эпических образцов. По мнению этих литературоведов, творческое своеобразие Фирдоуси проявилось только в психологической обрисовке героев и в лирических отступлениях.

Для доказательства неверности таких утверждений достаточно сравнить некоторые места «Шах-наме» с аналогичными местами других эпических произведений. До Фирдоуси было создано несколько сводов эпоса (книги Абу-Мансура, Абулмуайяда Балхи, Масуди Марвази). Фирдоуси, вероятно, хорошо знал эти произведения и пользовался ими. Они не сохранились, однако некоторые историки (Табари, Балами, Саалиби) приводят выдержки из таких сводов с указанием источника. Выдержки и дают возможность сравнить описания аналогичных событий в сводах и в «Шах-наме».

Такое сравнение, во-первых, показывает, что Фирдоуси подверг поэтической обработке лишь те сказания из известных ему сводов, которые считал наиболее интересными. Так, в отличие от предшествующих авторов Фирдоуси мало пишет о Каюмарсе и посвящает всего несколько строк почти пятисотлетнему владычеству династии Аршакидов в Иране.

Во-вторых, путем такого сравнения устанавливает-

ся, что в «Шах-наме» включены целые повествования и сказания, которых не было ни в одном своде из использованных Фирдоуси. Трагическая повесть о Рустаме и Сухрабе, романтическая повесть о Бижане и Маниже, эпизод женитьбы Сиявуша на Джарире, рассказы о гибели Фаруда, о юном Кей-Хосрове и его притворстве перед Афрасиябом, повествование о походе Кавуса против берберов — все эти дастаны встречаются впервые у Фирдоуси. Сейчас почти невозможно установить, откуда поэт взял эти сказания. Может быть, некоторые из них он записал непосредственно от сказителей. Это предположение подтверждается некоторыми авторскими высказываниями в «Шах-наме».

Для сравнения может послужить, например, эпизод о восстании народа под предводительством Маздака. Изображение этих событий у Фирдоуси резко отличается от описания их в произведениях всех современных ему авторов. Саалиби (придворный историк династии Газневидов) и Фирдоуси описывали это восстание по одному источнику, и канва событий у обоих авторов в некоторых случаях одинакова, но отношение к Маздаку у них различное. Сравним повествование у обоих авторов.

Саалиби: «Маздак, сын Бамдада, был дьяволом в облике человека, красивый лицом, но с черной душой, приятной внешности, но с гнусными намерениями, сладкий на словах, но горький на деле».

Фирдоуси: «Явился некий муж, по имени Маздак. Речистый, образованный, рассудительный и сильный волей. Достойный муж, наставлявший людей».

Далее события в «Шах-наме» излагаются так. В Иране разразился голод. Люди, доведенные до отчаяния, пришли к Маздаку, который имел большое влияние на шаха Кавада. Маздак отправился к шаху и спросил его, чего заслуживает человек, пожалевший противоядия для ужаленного змеей. Кавад в гневе воскликнул, что такого злодея следует немедленно казнить. Маздак снова задал вопрос шаху: как следует поступить с тем, кто не дал хлеба закованному в кандалы? Ответ шаха был прежний: такого изверга надо казнить. Тогда Маздак возвратился к голодаю-

щему народу и посоветовал забрать хлеб из амбаров шаха и богатых людей. Возмущенные богачи и стража, охранявшая закрома, поспешили к шаху и обвинили Маздака в подстрекательстве к грабежам. Вызванный на допрос Маздак ответил, что он руководствовался ответами шаха.

Описание восстания Маздака у Фирдоуси проникнуто симпатией к трудовому люду. Он не винит восставших ни в беспорядках, ни в бесчинствах, ни в злом нраве; для него они — голодные и нуждающиеся люди. Маздак у Фирдоуси — подлинный вождь угнетенных, он стремится облегчить участь обездоленных, ничего не требуя для себя.

О Маздаке Фирдоуси пишет так:

Простому люду говорил Маздак:
«Равны вельможа знатный и бедняк.

Излишество и роскошь изгоните,
Богач, бедняк — единой ткани нити.

Да будет справедливым этот свет,
Наложим на богатство мы запрет.

Да будет уравнен с богатым нищий, —
Получит он жену, добро, жилище.

Святую веру в помощь я возьму.
Свет, вознесенный мной, развеет тьму.

А кто моей не загорится верой,
Того господь накажет полной мерой».

Сперва пришли к Маздаку бедняки,
И стар, и млад — его ученики.

Излишки одного давал другому.
Дивились мудрецы вождю такому*.

Иначе изложено и оценено это у других авторов, в частности у Саалиби:

«Чернь и бедняки беспорядочными толпами стекались к Маздаку, они сильно полюбили его и поверили в его пророческую миссию. Он же беспрестанно говорил такие лживые слова». Далее Саалиби излагает то, что говорил Маздак.

---

* Перевод С. Липкина.

Так же, как у Саалиби, описаны эти события и у других средневековых мусульманских авторов, например у Табари, который называет повстанцев «разбойниками, насильниками, прелюбодеями», а Маздака изображает корыстолюбивым подстрекателем. Фирдоуси же показывает бедственное положение народа и порицает царя и знать за то, что своей алчностью они довели людей до бунта.

Принцип творческого отбора материала поэтом виден также при сравнении эпизода о кузнеце Кава в «Шах-наме» и у Саалиби. У Фирдоуси Кава приносит перед тираном обличительные речи и требует справедливости; у Саалиби это отсутствует. В «Шах-наме» Кава клеймит вельмож, подписавших грамоту Заххака, называет их «подручными дива», «обратившимися лицом к аду»; Саалиби же пишет, что вельможи присоединились к кузнецу; у Фирдоуси к Кава присоединяется «базарный люд».

Сюжетные линии «Шах-наме» и использованных автором источников не полностью совпадают. Заимствовав из разных источников описание событий, Фирдоуси объединил их в целостное повествование. Он наделил героев определенным психологическим обликом, мотивировал их поступки, пронизал эпос своими идеями, создал живые образы людей, несравненно более яркие, индивидуализированные, чем их прототипы в разных сводах и в устном творчестве.

Из разных вариантов эпических сказаний Фирдоуси отбирал то, что по содержанию наиболее соответствовало его замыслу, помогало ему глубже раскрыть образы. Например, в различных хрониках встречаются две версии гибели Рустама. По одной — Рустам погиб в результате предательства родного брата, Шагада, провалившись в волчью яму; по другой — Рустам был убит Бахманом, сыном Исфандияра. Автор «Шах-наме», утверждающий, что предначертанное судьбой неотвратимо, выбрал первый вариант, и этот выбор тем более оправдан, что, согласно легенде, Рустаму не суждено было погибнуть в бою.

Не все характеры в «Шах-наме» изображены в развитии, многие из них статичны: герои появлялись и

исчезали, их внутренний облик не претерпевал изменений. Основные же образы автор дает в развитии, характеры формируются в результате происшедших событий. Например, Заххак, сначала бесстрашный и беспечный юноша, под воздействием Иблиса стал отцеубийцей, потом тираном. В конце концов Заххак превратился в труса, он уже не был способен на подвиги, и лишь ревность воскресила в нем былое бесстрашие.

Образ Искандара также дан в развитии. В юности этот царь вел завоевательные войны, он честолюбив, его влекли любые подвиги, но впоследствии, когда в нем пробудилось сочувствие к страданиям людей, он уже сражался лишь за справедливость, защищая униженных и угнетенных.

Ранее мы указывали, что Бахрам Чубин — один из самых сложных образов «Шах-наме». Фирдоуси мастерски изобразил превращение верного военачальника в мятежника. Этому превращению способствовали оскорбления, нанесенные Бахраму Пармудой и Хормоздом. Автор подробно изобразил борьбу, происходившую в душе Бахрама, прежде чем он решился поднять мятеж. Этот образ также дан в развитии: одни черты характера героя отмирают, другие рождаются под воздействием внешних обстоятельств или душевных переживаний.

Поэму Фирдоуси характеризует глубокий драматизм. Герои поставлены в сложные ситуации, они все время решают важные для них и для связанных с ними лиц (или народных масс) задачи, сталкиваются друг с другом в острых, порой трагических конфликтах. Естественно, что такие сюжетные положения требуют и соответствующего речевого выражения. Поэтому речи героев поэмы, их диалоги и монологи, крайне драматичны, они отчетливо выражают остроту завязавшейся борьбы; авторские сентенции и лирические отступления также насыщены драматизмом. Характерно, например, вступление к дастану «Рустам и Сухраб», где поэт осуждает вражду, из-за которой люди убивают друг друга. Такой патетический тон свойствен многим лирическим отступлениям автора.

Драматизм наиболее ярко выражается в речах героев, например в предсмертных словах Сухраба:

Теперь иди — кольчугу расстегни мне,
Отец, на тело светлое взгляни мне.

Здесь, у плеча — печать и талисман,
Что матерью моею был мне дан.

Когда войной пошел я на Иран
И загремел походный барабан,

Мать вслед за мной к воротам поспешила
И этот талисман твой мне вручила.

«Носи, — сказала, — втайне! Лишь потом
Открой его, как встретишься с отцом» *.

Слова Сухраба проникнуты горечью. Фирдоуси сумел передать предсмертные чувства обреченности и тоски, охватившие юношу.

Не менее драматична и речь Рустама над поверженным Сухрабом:

Пусть мне они мечом отрубят руки!
Умру, уйду от нестерпимой муки...

Я витязя великого убил.
Увы, не знал, что он мне сыном был.

Был Кариман и древний муж Нейрам,
Был славный воин Заль-Дастан Сам,

Их слава наполняла круг вселенной,
Я сам был воин мира неизменный...

Но все мы — все ничтожны перед ним.
Перед Сухрабом дологим моим!

Что матери Сухраба мне сказать?
Как весть ей эту страшную послать?

Как объясню, что без вины убил я,
Что сам, увы, не ведал, что творил я?

Кто из отцов когда-либо свершил
Подобное? Свой мир я сокрушил! *

С большим драматизмом дан предсмертный разговор Сиявуша с женой. Трагические события, пред-

* Перевод В. Державина.

шествовавшие этому, настраивают читателя на грустные размышления. Сиявуш предчувствовал близкую кончину, его мучила безысходная тоска:

Мой близок час: прикажет твой отец,
Чтоб счастью моему пришел конец,
Я буду, неповинный, обезглавлен,
Я буду кровью сердца окровавлен,
Ни савана, ни гроба не найду.
Лишь вас, хула и злоба, я найду*.

Мы уже говорили, что одна из особенностей «Шахнаме» — остро напряженные конфликты, которые вследствие приданной им поэтом мотивировки не могут быть благополучно разрешены: Рустам и Сухраб — отец и сын не могли примириться, так как один из них — на стороне Ирана, другой — Турана. Тур и Сальм, обуреваемые завистью и жадной властью, не пощадили невинного Иреджа. Бахрам Чубин не мог подчиниться менее способному Хосрову.

Драматичен также конфликт Рустама и Исфандияра. Никто из них не жаждал крови, каждый желал другому только блага, но они не вольны в своих поступках: Исфандияр должен был исполнить наказ отца-шаха, чтобы получить желанный венец, а его противник не мог покориться. В этом трагизм положения, неизбежно приводивший одного из них к смерти. Рустам, победив Исфандияра, не испытывал радости, как это бывало ранее.

Вгляни, господа! Открыты пред тобой
Вся жизнь моя и дух безгрешный мой.
Ты видишь, сколько я ни говорил —
Не убедил царя, не усмирил.
Вот он, руководимый волей дева,
Неправедный владыка, полный гнева.
Так отпусти мне страшную вину,
О ты, создавший солнце и луну! **

---

* Перевод С. Липкина.
** Перевод В. Державина.

Пораженный стрелой Рустама Исфандияр говорил брату:

Не плачь! То было небом и луною
Предрешиено свершенное со мною.

Вот буду мертв и буду погребен,
Но тщетен плач твой, бесполезен стон.

Куда Лухрасп и Фаридун пропали?
Из ветра созданные — ветром стали!

Где предки величавые мои,
Где корни нашей славы и семьи?

Ушли! Исчезли все пред небом гневным!
Никто не верен в мире пятидневном...*

Исфандияр спокойно принял смерть, хотя он изображен как юный муж, жаждущий жизни и земных наслаждений.

Гибель Рустама из-за предательства родного брата и смерть Бахрама Чубина от вероломной руки Кулуна — нищего туранца, подкупленного посланцами Хосрова Парвиза, также описаны глубоко драматично. Вот плач Гурдии:

Рыдала Гурдия: «Храбрец в кольчуге!
Тебя завидев, лев бежал в испуге!

Кто вырвал кипариса мощный ствол,
Который так блистательно расцвел?

Ниспровергал ты в пропасть камень горный,
А кто твои из жизни вырвал корни?

Кто растоптал высокий твой чертог?
Кто спрятал в землю дней твоих поток?

Как мог упасть подобный слон военный?
Кто мог свалить подобный столп вселенной?

Увы, мироскатель — властелин,
Увы, завоеватель — исполин.

Тот, кто тебе нанес такую рану,
Ни шаху не был предан, ни Яздану.

Изгой жалкие отныне мы,
И одиноки на чужбине мы.

Твердила я: „Не думай о державе,
Ты ветку верности ломать не вправе.

---

* Перевод В. Державина!

Здесь даже девушка на трон взойдет,
Лишь от Сасанов бы вела свой род".

Не внял ты мне, мечтая о престоле,
И день пришел раскаянья и боли»*.

Переживания сестры усиливаются напоминанием Бахраму о ее предупреждениях. Она упрекает его в том, что он не внял им. Ей кажется, что прислушайся брат к ее советам, и все повернулось бы иначе. Трагедия Бахрама подчеркнута его раскаянием. Он сознает свою неправоту, осуждает свое выступление против родной страны. Но содеянное непоправимо, и тем тяжелее муки Бахрама.

Своеобразие творческого метода Фирдоуси обнаруживается и в описании батальных сцен и пейзажей. Остановимся на изображении битв. В «Шах-наме» отразился воинский кодекс того времени, поэт правильно употребляет военные термины (например, правый и левый фланги, тыл, обоз, авангард, арьергард, дозор, наблюдатель, наблюдательный пункт и т. д.). На описание массовых батальных сцен большое влияние оказали военные правила средневекового Востока. Другой вид батальных сцен в «Шах-наме»—это поединки богатырей. Такому единоборству обыкновенно предшествует словесный поединок: бойцы перечисляют свои достоинства и порицают противника.

Бой обычно начинали метанием стрел издали, затем пускались в ход копьё и арканы. При столкновении рукопашную богатыри применяли палицы, мечи, кинжалы. Если оружие приходило в негодность, борьбу продолжали голыми руками, пытаясь сбросить противника с коня. Таковы правила воинского поединка. Однако многие богатыри вели бой иначе. Шахи, например, вступали в схватку лишь с лицами царственного происхождения; они не вели пешего боя. Когда Тус выступил против Фаруда, юный богатырь, убив под Тусом коня, заставил его покинуть поле сражения.

---

* Перевод С. Липкина.

По общему признанию, лучшая батальная сцена «Шах-наме» — поединок между Рустамом и богатырем Ашкабусом. Против своего обыкновения Рустам вышел пешим, и это дало Ашкабусу повод для насмешек. Но Рустам был невозмутим:

И берет он, Рустам, свою песню-стрелу,
Наделенную силой чудесной стрелу, —

Наконечник ее, словно пламя, горяч,
Закалили ее в славном городе Чач.

И ждала та стрела только слова: «Пора!»
В оперенье — четыре орлиных пера.

Вот Рустам ту стрелу на колени берет,
Вот он перстень из кожи оленьей берет,

Надевает на палец он тот перстенок,
Подставляет его тетиве поперек,

И когда в натяжении правой руки
Поползло оперенье назад из дуги,

Когда эта невиданной силы стрела
До Рустамова уха, дрожа, отошла, —

Он пустил ее в бой, искаживши лицо.
Заскрипело на пальце оленье кольцо,

Загремело, запело, заныло вдали, —
И упал Ашкабус, и забился в пыли.

В ту минуту, когда напрягался стрелок,
«Бей!» — велела судьба, «Победи!» — сказал рок.

А когда прямо в цель угодила стрела,
Белый ангел Рустама воскликнул: «Хвала!» *

Хотя здесь речь идет о жизни и смерти, Рустам ведет себя спокойно, ибо он уверен в своей победе. Рассказ о бое с Ашкабусом интересен и тем, что в нем дано подробное описание стрельбы из лука.

Иначе изображена схватка Рустама с Белым дивом. Богатырь не уверен в исходе битвы. Поединок ведется без соблюдения воинских правил.

Как тигр, испускает он рев громовой;
Див разом проснулся и ринулся в бой.

Горой надвигается, злобой объят,
Железом окован от шеи до пят.

---

* Перевод И. Сельвинского.

Вот жернов огромный схватил он, рыча,
Его над Рустамом заносит сплеча,

И в ужасе дрогнул невольно боец,
Подумав: «Ужели найду здесь конец?»

Как яростный лев, зарычал он потом,
Врага в поясницу ударил мечом.

И было рустамовой силе дано
Бедро отрубить чародею одно.

Схватился затем врукопашную с ним,
Как бился бы лев со слоном боевым.

Громады нависшие разворотив,
Длил яро борьбу изувеченный див.

Пытаясь Рустама повергнуть во прах,
Могучего сжал он в железных тисках.

Друг друга терзали, ломали они,
Все кровью вокруг заливали они.

Подумал Рустам: «Коли эту беду
Осилью — вовеки в бою не паду».

А див размышлял, не сдаваясь врагу:
«Ужель драгоценную жизнь сберегу?»

Когда бы живым он меня отпустил,
Хоть кожу содрал и оставив без сил,

Я в бегство пустился бы, долю кляня,
Забыли бы в Мазандеране меня».

Так думал, сражаясь, неистовый див,
Надеждою сердце свое обольтив.

Все жарче меж тем разгорается бой,
Пот градом струится, кровь льется рекой.

Могучий, всесильным Язданом ведом,
Упорно и яростно бился с врагом.

Пресытившись долгой борьбой, наконец,
Рванулся к противнику славный боец.

Вцепился пантерою в гриву его
И, вскинув свирепого дива того,

С размаху о землю ударил, да так,
Что с жизнью расстался поверженный враг.

В утробу вонзил ему острый клинок
И черное алчное сердце извлек*.

---

* Перевод Ц. Бану.

В отличие от других поединков здесь Рустаму противостоит не богатырь, а чудовище величиной с гору. Но хотя Белый див — не человек, а сказочное существо, вся сцена битвы насыщена реалистическими деталями.

В описании первой битвы Рустама с Сухрабом нет гиперболизации. Они сначала вели бой копьями, затем — мечами. После того как иступились мечи, витязи взялись за палицы. Когда погнулись палицы, они применили стрелы, которые также не причинили им вреда. Тогда они схватились за поясные ремни, но ни один из витязей не мог одолеть противника, и они разошлись...

Витязи удалились на отдых и предались размышлениям. Описывая их душевное состояние, автор как бы продолжает их рассуждения и начинает раздумывать о причинах вражды между людьми. Фирдоуси не может назвать эти причины, он лишь высказывает предположение, что злоба не заложена в природе человека.

Детали рассказа (сломанные копья, притупившиеся мечи, погнувшиеся палицы, разодранные кольчуги, скрипящие поясные ремни, потрескавшиеся губы и т. д.) дают яркое представление о поединке. В рассказе нет лишних слов, каждое определение точно. Хотя эти картины близки к аналогичным картинам героического эпоса, стиль Фирдоуси здесь выражен ярко, в нем нет застывших штампов.

При описании же массовых сражений Фирдоуси находится под влиянием традиций эпоса. Вот как, например, изображена в «Шах-наме» битва между войсками Афрасияба и Наузара:

Литавры гремят, трубы подняли вой
Всю степь всколыхнул грозный гул боевой.

Владыка Турана, ведя свою рать,
Спешит против войска иранского встать.

От конских копыт встала пыль до небес,
Лик ясного солнца средь пыли исчез.

Ни степь не видна, ни долина, ни склон,
Клич бранный раздался с обеих сторон.

Вплотную сошлись и схватились войска,
И льется воителей кровь, что река.

Куда устремится Каран-богатырь —
Степная тотчас обогрывается ширь.

Где прах возмутит исполни Афрасьяб —
Кровь с бурным потоком сравниться могла б*.

Приведем еще рассказ о битве иранцев с мазандеранским воинством:

Рев дивов все громче, и пыль все черней.
От грубных призывов, от ржанья коней
Трясется земля, стон стоит среди гор.
Мир битвы такой не видал до тех пор.

Здесь лязганье стали, там палицы гром,
От крови слоновой вся степь — водоем.

Земля — словно море, где влага — смола,
Где волны — булат, и копьё, и стрела,

А в море том кони сквозь бурю и смерть
Несутся, как будто ладьи в водоверть,

И палицы — словно листва в листопад,
Как ливень, они по шеломам стучат.

.....

Уж меркнут лучи, потемнел небосвод,
А крови река все течет и течет.

След жалости с лиц разъяренных исчез,
И палицы бьют, словно ливень с небес.

Тел столько, что поле горой поднялось
И травы пропитаны кровью насквозь.

Кимвалов и труб оглушителей рев;
Пыль солнце укутала в черный покров*.

Эти картины изобилуют гиперболами. Солнце скрывается за поднятой войсками пылью, кровь течет ручьями, трупы убитых образуют холмы и горы, в воздухе от множества стрел и копий не могут пролететь птицы и комары, земля содрогается под конскими копытами, трубы ревут, как гром, и т. д. Подобные эпические штампы в «Шах-наме» варьируются сотни раз.

---

* Перевод Ц. Бану.

Поэт использует различные принципы типизации в зависимости от изображаемых событий.

При описании природы Фирдоуси также прибегает к сложившимся эпическим формулам. Особенно часто повторяются выражения: «когда солнце показалось из-за гребня горы», «когда сверкающее солнце показало лицо», «когда сверкающего солнца не стало видно».

Но поэт стремится разнообразить картины природы. Например, в бейте:

Когда не стало видно сверкающего солнца,
Словно закрыли двери комнаты, а ключ пропал, —

первый стих — штамп, который в «Шах-наме» встречается десятки раз, а во втором стихе дано новое сравнение. Так же оригинален и образ, посредством которого поэт персонифицирует явление природы: «темная ночь убежала от страха перед днем». Такие образы часто встречаются в поэме. Например, Фирдоуси персонифицирует солнце или день:

Когда *солнце* тот шатер цвета смолы
Разорвало и вышло из-за завесы...

Когда *день* прорвал рубашку ночи,
Появился светоч, озаряющий мир...

Или другой пример:

Когда солнца не стало видно,
Темная ночь *накинула на день покрывало*.

Аналогично следующее описание:

Когда солнце убрало завесу,
Поднялся рассвет, исчез сон.

Тут явления природы уподоблены действиям человека. Остановимся на небольшом отрывке:

Настала весна, земля стала словно рай,
Воздух на землю рассыпал тюльпаны.

Все луга полны дичи,
В ручьях воды помутнели, словно вино смешалось
с молоком.

Онагры и газели, идущие по склону
Зеленому, вытянулись вереницей.

Все ручейки наполнились мускусом,
Вино в кувшине стало, словно цветок граната.

В этой миниатюре наряду с образами, заимствованными у предшественников (сравнение «весна — рай»), встречаются и оригинальные образы, например сравнение мутной воды весеннего потока со смесью вина и молока.

Одним из средств, при помощи которого Фирдоуси придает повествованию драматический характер, являются речи персонажей — диалоги и монологи. Диалогическая литературная форма муназара, называемая в востоковедческой литературе «прения», во времена Фирдоуси еще не была развита. Однако в пехлевийской литературе встречались сочинения, где спор изображался в виде диспута (например, в книге «Драхти-асурик» так изложен спор между козой и пальмой). Эта форма оказала влияние на диалоги «Шах-наме».

Богатыри перед боем восхваляли свой род, перечисляли подвиги предков и свои доблести. Иранцы, как правило, попрекали туранцев их нечистой верой, называли поклонниками Ахримана; туранцы же указывали на то, что они ведут род от Тура, старшего сына Фаридуна, а иранские шахи — от Иреджа, младшего сына Фаридуна. Затем воины переходили к угрозам и оскорблениям, припоминали прошлые поражения противника.

Словесный поединок Рустама с Ашкабусом перед боем — блестящий образец такого диалога:

И берет он рукою свой лук боевой
И кричит: «Ашкабус! Дай сразиться с тобой!»

На ходу вороненую вынув стрелу,
Он выходит спокойный, подобный орлу.

Ашкабус поглядел, усмехается в ус,
Подзывает могучего тот Ашкабус:

«Назови-ка мне имя, о смелый, твое,
И кто будет оплакивать тело твое?»

Отвечает Рустам, как пропела б стрела,
«Моя мать меня смертью твоей нарекла».

И сказал Ашкабус: «Ну, а как без коня
Ты намерен, о смерть моя, выбить меня?»

Как ты сладись со мной, отвечай, пешеход!»
И ответил Рустам: «Разве лошадь — оплот?»

Твой вопрос только смех вызывает во мне:
Где ты видел, чтоб тигры дрались на коне?

Наш воинственный Тус посылает меня
Отобрать у тебя огневого коня.

Покоришься ты вмиг пешеходной судьбе,
И наездники скажут, башка, о тебе:

„Чем такие, как оң, — лучше пеший один
В этот день, в этой битве, у этих долин!“»

И сказал Ашкабус: «Где оружие твое?
Синепламенный меч? Голубое копье?»

Предо мною всегда лишь одна тетива,
Оперенная жалкой стрелой шутовства».

Но Рустам поглядел (были очи страшны):
«Ты сидел бы, герой, возле туфель жены!»

Тетиву натянул он, согнул он свой лук, —
И раздался стрелы нарастающий звук...

И пробила стрела, трепеща и звеня,
Богатырскую грудь боевого коня.

«Не желаешь ли, воин, теперь отдохнуть
Перед тем как начать пешеходный свой путь?»

Ашкабус, как дракон, на него посмотрел,
Он осыпал Рустама дождем своих стрел.

Но от всех этих стрел — только маленький шрам.
«Ты устанешь, бедняга!» — смеется Рустам*.

Ситуация эта внутренне драматична, так как один из богатырей должен погибнуть; но она и комична, потому что Ашкабус представлен пустым хвастуном, над которым потешается Рустам. Читатель, как и Рустам, не сомневается в исходе поединка; Ашкабус же не знал, с кем он должен биться, он был уверен в своей победе. Перебранка богатырей написана в виде диа-

* Перевод И Сельвинского.

лога, состоящего из коротких реплик противников, между которыми вставлены авторские ремарки. Этот диалог гочи не отражает переживаний героев, он только драматизирует действие.

Монологи «Шах-наме» даны в виде письменных посланий государей и военачальников или как речи воинов перед противниками на поле брани. Фирдоуси ввел и монологи воинов в поэтический обиход.

В форме монолога написана речь Гива, обращенная к Пирану, пытавшемуся помешать бегству Кей-Хосрова в Иран. Гив ответил на брань Пирана длинной речью (около 70 стихотворных строк). Гив намеренно употреблял оскорбительные выражения («подлый тюрок», «несчастный тюрок»), перечислял свои подвиги, хвастал тем, что Рустам для дочери из всех женихов предпочел именно его, Гива, и грозился разорить туранскую землю.

Речь Гива лишена иронического, пренебрежительного тона, который слышится в словах Рустама, обращенных к Ашкабусу; она более резка, многословна, насыщена самовосхвалением. Правда, ситуации в обоих случаях разные: Ашкабус не знал прошлого Рустама, а Пиран знал Гива, встречался с ним в сражениях. Так как Рустам не желал открывать своего имени, он не мог говорить о своих прошлых заслугах и прибегал только к угрозам, Гив же перечислял свои достоинства. Его речь воспринимается как хвастовство, читатель знает, что он говорит неправду. Так, Гив утверждал, что только Рустам мог бы одолеть его, хотя сам уже терпел поражения от Фаруда и Камуса Кушани.

Рустам говорил о своем превосходстве, не ссылаясь на чьи-либо свидетельства. Даже мелкие детали этой полемики показывают, каким тонким знатоком воинской этики был Фирдоуси.

В других эпизодах Рустам иначе вел себя в спорах перед боем. Различны, например, его речи, обращенные к Сухрабу и Исфандияру. Сухраб для Рустама — туранец, традиционный враг, вторгшийся в Иран. Поэтому он с подозрением относился к попыткам Сухраба примириться и скрывал от него свое имя. Он не от-

вечал на его вопросы, отклонял мирные предложения. Исфандияр же для Рустама — сын законного властелина, которому богатырь должен повиноваться. Рустам старался избежать столкновения с ним.

Но на предложение Исфандияра дать связать себя Рустам возмущенно воскликнул:

«Иди! Свяжи Рустама!» — кто так скажет?
Мне сам творец вселенной рук не свяжет! *.

Однако в конфликте с Исфандияром Рустам был сдержан и призывал Исфандияра отказаться от неразумного намерения. Рустам и Исфандияр спорили не на поле брани, а за пиршественным столом. Рустам пришел на пир с намерением мирно уладить спор. Исфандияр заявил Рустаму, что, по слухам, отец Рустама, Заль, был рожден дивом, а не Самом. На эту клевету Исфандияр получил достойную отповедь богатыря. Рустам перечислил своих доблестных предков (Залья, Сама, Наримана, Каримана) и напомнил, что династия Каянидов, из которой происходил Исфандияр, обязана положением именно ему, так как он привез с горы Альбурз основателя династии — Кей-Кубада. Рустам рассказал о подвигах своих предков и о собственных деяниях, утверждая, что он всегда сражался за справедливость, и с горечью вспоминал, что из-за царей династии Каянидов он убил сына — Сухраба, одного из храбрейших витязей на свете.

Споры витязей продолжались и на другой день, перед битвой, а также после схватки, во время которой Рустам был ранен стрелами Исфандияра. Перед второй битвой Рустам вновь пытался разумными речами склонить Исфандияра к примирению, на что Исфандияр ответил высокомерными словами. Тогда Рустам нанес ему смертельный удар. Рустам сожалел об убийстве Исфандияра, воздавал должное его мужеству и доблести, но не в силах был изменить приговор судьбы.

Перед Фирдоуси стояла трудная задача — изобразить заносчивого Исфандияра также положительным

---

* Перевод В. Державина.

героем, хотя тот и боролся с Рустамом. Исфандияр не был туранцем, как Сухраб, и не грозил разорить Иран; напротив, он стремился усилить верховную власть, так как считал себя будущим шахом. За это же всю жизнь сражался Рустам.

Однако симпатии читателя на стороне Рустама. Речи Исфандияра были проникнуты враждебностью. высокомерием, он не останавливался перед ложью и клеветой и даже притворялся, что верит сплетне о происхождении Заля от дива.

Фирдоуси строит диалог то в виде непринужденной беседы, то в виде яростного спора, пересыпая реплики авторскими добавлениями. Создается живая картина, рельефнее очерчиваются характеры. Часто диалоги и монологи служат для Фирдоуси единственным средством обрисовки характеров, так как некоторые богатыри изображены только в момент полемики на ратном поле. Таковы, например, Ашкабус и другие туранские воины.

Диалоги дают поэту возможность создать динамическую картину. В монологах он раскрывает внутренний мир героев (например, в монологах Рустама и Исфандияра).

Поэтика и стиль Фирдоуси. Стиль Фирдоуси можно назвать эпическим, но он своеобразен и отличается, например, от эпического стиля русских былин. При анализе стиля «Шах-наме» следует различать его эпическую основу, т. е. все, что Фирдоуси заимствовал из фольклора, и его собственное творчество.

Эпическую основу составляют устоявшиеся вводные, переходные и заключительные формулы, штампы, переписка и полемика, тронные речи и назидания. Часть таких штампов выработали предшественники Фирдоуси (Рудаки и Абу-Шукур Балхи), большую же часть, вероятно, создал сам автор «Шах-наме».

Начало каждого дастана, или царствования, открывается вводной формулой. Иногда эта формула, вводная для одного дастана, является одновременно и заключительной для предыдущего или же, напротив, заключительная формула одного сказания является вводной для последующего.

Сказание о Фаруде кончается следующим бейтом:

Достиг конца этот дастан о Фаруде,
Теперь о сражении с Камусом следует послушать.

Этот бейт служит одновременно и переходной формулой от сказания о Фаруде к сказанию о Камусе, а сказание о Камусе имеет свою вводную формулу:

Много на свете чудес свершил Рустам,
В каждом сердце хранятся предания о нем.

С него берут войны пример в ратоборстве.
В нем — истоки мудрости, знания и славы.

На суше он подобен слону, в море — крокодилу,
Разумен он, прозорлив, тверд, как камень.

Теперь я расскажу о битве с Камусом,
Расскажу это своими словами.

В этих формулах Фирдоуси употребляет застывшие обороты, штампы («достиг конца», «теперь следует послушать», «теперь я расскажу»). Они встречаются и в начале сказания о Сухрабе. Сначала автор дает заключительную формулу к предшествующему сказанию:

Слова этого сказания кончились
В том виде, как были сказаны нами.

За этим бейтом следует вводная формула к повествованию о Сухрабе:

Теперь послушай о схватке Сухраба с Рустамом.
Ты слушал другие сказания, выслушай и это.

Это дастан, полный слез, —
Нежное сердце обидится на Рустама.

Далее следует лирическое отступление и снова повествование:

Теперь же я правдиво расскажу о битве Сухраба,
О том сражении с отцом, которого он домогался

Со слов дихкана дастан
Я сложу на основе древних сказаний.

Здесь штампами являются выражения «со слов дихкана», «я сложу на основе древних сказаний», «послушай», «слова этого сказания окончились».

В «Шах-наме» нередко изложение прерывается лирическими отступлениями, которые связаны по смыслу с последним бейтом повествования, а в конце лирического отступления автор дает переходную формулу, например:

Теперь вернись к словам дихкана,
Послушай, что говорит сказитель-муж.

Эти слова позволяют автору вернуться к прерванному рассказу.

Когда же Фирдоуси не вставляет заключительных, переходных и вводных формул, он, чтобы отделить одно повествование от другого, прибегает к оборотам, создающим определенную интонационную и логическую паузу. Таковы выражения: «так было, что однажды...», «так было, что в один день...», «не прошло много после того...», «прошло тем временем...», «прошло после этого много времени...», «после того недолго вращался небосвод...»

После описания передачи Самом княжества Залю Фирдоуси начинает сказание о Зале и Рудабе стихом:

Так было, что однажды вознамерился Заль...

Подобные обороты применяются поэтом и внутри отдельных сказаний, чтобы отделить один небольшой эпизод от другого. В рассказе о пребывании Гуштаспа в Руме автор отделяет описание того, как Гуштасп убил правителя хазар, от рассказа об обращении кайсара к иранскому шаху следующими словами:

После того недолго над ними вращался небосвод.

Для стиля Фирдоуси характерны ясность и четкость, монументальность, лаконизм, придающий повествованию величественную простоту. В поэме много тронных речей и назиданий, диспутов мобедов и мудрецов, но не это определяет стиль Фирдоуси. Здесь он следовал традиции, согласно которой в тронной речи, в завещании и назидании полагалось подробно излагать вопросы, относящиеся к управлению страной. Но

и в этих частях поэмы чувствуется величественность стиля Фирдоуси. Поэт одним-двумя стихами создает картину, которая напоминает скорее батальное полотно, чем миниатюру:

В день битвы славные богатыри
Мечом и кинжалом, палицей и арканом

Рубили, кололи, ломали, вязали
Витязям головы, груди, ноги и руки.

В этих стихах — ни одного лишнего слова. Фирдоуси употребил здесь фигуру восточной поэтики «лаффу нашр», для которой характерно расположение сначала одной группы однородных по синтаксической функции членов предложения (в данном случае — косвенных дополнений «мечом, кинжалом, палицей и арканом»), потом следующей группы однородных членов предложения (сказуемых), затем — третьей (прямых дополнений) и т. д. Все однородные члены соединяются безударным союзом (в фарси — *у*, равное по значению соединительному союзу *и*). Это придает стиху благозвучие.

В «Шах-наме» есть и другие примеры выразительного лаконизма. Вот, например, предсмертные слова Иреджа:

[Ты] хотел мира — получил, не лей [же] крови.

В оригинале местоимение *ты* и частица *же* отсутствуют, поскольку в языке фарси в прошедшем времени глагольное окончание выражает и число, и лицо; поэтому там фраза более лаконична. Отсутствие же безударного соединительного союза делает речь героя взволнованной и прерывистой.

Есть в поэме также лаконичные стихи и с глаголами, связанными между собой тем же безударным соединительным союзом *у*.

Рассказал, где был, что видел и слышал.
Рассказал то, что узнал, увидел, услышал.
Уселись, поели и были веселы.
Сказал, разгневался и потребовал меч.

Сказал, отдохнул, более не раскрыл уста
Заночевал, поел, сказал, услышал
Один сказал, спросил, другой выслушал.
Сели, поговорили и встали.
Сказал, заснул и долго отдыхал.

К этим предложениям примыкают и другие:

Подскочил [я], обыскал все горы и пещеры.
Услышал я, прислушался к голосу.
Что скажешь? Что сделаешь? Что [за] ответ дашь?
У меня сегодня только с ним схватка —
— Я, палица и ристалище сына Пашанга.
Я, Рахш, булава и броня, —
Не устоять, несомненно, против меня.
Когда завтра высоко взойдет солнце, —
— Я, палица и риггалище Афрасияба.

Бахрам Гур в поэме произносит следующие бейты:

[Здесь] я, Мунзир, острый меч
И арабские витязи, [которые] не знают отступления.
Я, вороной конь и острый меч,
Не поддамся обману, не знаю бегства.

В «Шах-наме» подобные афористические выражения большей частью произносит Рустам.

Примечателен по выразительности ответ Рустама Ашкабусу:

Меня моя мать нарекла твоей смертью,
Судьба меня сделала молотом для твоего шлема.

Двумя краткими фразами Фирдоуси создал оригинальный ответ в стиле героического эпоса. В следующем ответе Рустама Исфандияру Фирдоуси использует уже гиперболический образ:

«„Иди! Свяжи Рустама!“ — кто так скажет?
Мне сам творец вселенной рук не свяжет»*.

* Перевод В. Державина.

Иногда лаконизм затрудняет понимание текста. Этому способствуют также омонимы и игра слов. Однако подобных мест в поэме мало. Но в «Шах-наме» встречаются и такие стихи, для понимания которых необходимо иметь представление о философских воззрениях и религиозных верованиях средневековья.

Например:

От копыт коней в той степи широкой
Земель стало шесть, небес — восемь.

В то время считалось, что земля и небо имели по семи слоев. В данном образе конские копыта превратили в пыль один слой земли, и он стал восьмым на небе. Или другой пример:

Опустился до Рыбы, поднялся до луны.

Образ также будет непонятен, если читателю неизвестно, что упомянутая здесь Рыба — мифическое существо, на котором, по представлениям того времени, покоится земля (ср. с китом в русских сказках).

Отметим несколько оригинальных метафорических образов Фирдоуси:

Весь мир — хороший игрок:
Каждый миг у него — новая игра.

Метафора «мир — игрок» получила дальнейшее развитие в «Рубайят» Омара Хайяма, который часто к ней прибегал. Описывая ночь обычными эпическими штампами:

Темная ночь черна, словно лицо негра,
Ни звезд не видно, ни светлого солнца,

Фирдоуси затем создает оригинальный образ:

Ты бы сказал, что солнце — в оковах,
Что звезды — в петле аркана.

Многие бейты «Шах-наме» напоминают пословицы и поговорки. Сейчас почти невозможно определить,

кто их создал — поэт или народ. Это свидетельствует о том, насколько творчество Фирдоуси было близко народу.

Приведем некоторые из подобных пословиц:

Если хочешь сорвать розу, то помни,
что у нее есть шипы.

Отправившись за выгодой, вернулся и без того,
что имел.

Если цветок не пахнет, не говори
о его цвете,
Ибо никто не ищет в пламени речной воды.

Тот, кто роет на дороге глубокую яму,
Должен сам остерегаться попасть в нее.

Не дели не пойманную в степи газель.

Если кто-либо знает свой порок,
То не станет говорить о пороках других.

По-видимому, ты желаешь птичьего молока.

Какой плод посеешь, тот и пожнешь.

Он выбрал горькую тыкву, бросил мед.

То дерево, которое посадишь, и принесет
плоды.

Стены имеют уши.

Олень явился к изголовью льва (значение:
человек сам себя подверг смертельной опасности).

Нет еще такого ржавого железа,
Которое было бы невозможно отполировать.

Бывшая в бою собака одолеет леопарда,
Лисы испугается не видевший боя лев.

Чего стоит лиса в когтях льва?

Ведь лиса не выступит в путь вместе со
львом.

Не сей семян, которые никогда не взойдут.

Ни тепла не испытал в мире, ни холода.

Лиса от испытаний не станет храброй,
Онагры не сокрушат когтей льва.

Если твой враг — знающий,
То он лучше друга-неуча.

Если ты не обладаешь знаниями,
То нет лучше украшения, чем молчание.

Говорить нужно кратко, а по смыслу — много.

Лев попал в силок для лисы (значение: не следует
пренебрегать и малой опасностью).

Не презирай врага, даже ничтожного.

Тот, кто совершил зло, пожнет возмездие.

Если ты воспитаешь львенка,
То у него заострятся клыки,
и станет он храбрым,
Когда вырастет и станет искать добычи,
То первым делом набросится на воспитателя

Афоризмы Фирдоуси стали крылатыми словами, пословицами, выражающими мудрость народа, его многогранную жизненную практику.

В «Шах-наме» много постоянных эпитетов. Но Фирдоуси не ограничивался уже готовыми, установившимися выражениями, а создавал и новые.

Постоянными эпитетами в поэме являются «тобон» и «тобанда», означающие «блестящий». Этими эпитетами характеризуются солнце и луна. Море в «Шах-наме» всегда черное, туча — также черная или темная. Определение «лазурный» в соединении со словом «купол» образует сложную метафору для обозначения небес. Для изображения солнца используется метафора «оранжевый яхонт».

Восход и заход солнца описываются при помощи различных эпических штампов; для обозначения ночи часто применяется метафора «смолистый шатер». Иногда это выражение заменяется эквивалентными ему «шатер с ароматом мускуса», «шатер мускусного цвета», «мускусный шелф». (Образ основан на том, что

цвет мускуса как бы символизирует черноту ночи, а небесный свод уподобляется шатру, нависающему над землей.)

Поле брани в «Шах-наме» часто сравнивается с мощным бурлящим Нилом. Поэт не видел этой реки и, по-видимому, заимствовал этот образ из арабской поэзии. Воины и богатыри называются у него «горделивыми» (дословно: «вытягивающими шею», или «поднимающими голову»).

Изобразительные средства и тропы в поэме чаще всего используются для описания природы и быта народов Ирана и Средней Азии. Животные, растения, камни служат автору «Шах-наме» для различных сравнений. Богатыри обычно сравниваются со львами, тиграми, барсами, крокодилами. В столице сасанидских царей слоны не были редкостью, их было много и в войске султана Махмуда Газневида. Поэтому боевой конь или витязь часто сравниваются со слонем.

В «Шах-наме» встречаются, хотя и очень редко, аллегорические образы. Так, Фирдоуси пишет, что «барсы и олени ходили к одному водопою» (иногда вместо барсов и оленей — волки и овцы), когда хочет сказать, что был мир, и сильные не притесняли слабых.

При описании женской красоты автор также часто пользуется штампами. Вместе с тем каждая красавица имеет свою индивидуальность. Например, лишь Рудабу поэт наделил косами, которые с крепостной стены свисают до земли.

Для образа Судабы поэт пользуется иными тропами. Правда, и здесь мы встречаем распространенные сравнения стана с кипарисом, волос — с венцом цвет мускуса, но тут есть и оригинальные сравнения, например языка с кинжалом.

Часто Фирдоуси метко характеризует героев, даже не прибегая к поэтическим средствам. Например, о потерпевшем поражении Афрасиябе он говорит: «На языке — словеса, а руки — коротки». Слово «короткий» — простое определение, но здесь оно ярко характеризует бессильную ярость неудачника.

Таким образом, в «Шах-наме» изобразительные средства имеют двойное происхождение — фольклорно-

эпическое и индивидуальное. Эпический стиль в персидско-таджикской литературе сформировался именно в «Шах-наме»; из постоянных эпитетов поэмы многие вошли в письменную литературу после Фирдоуси. Были они взяты им из фольклора или же порождены творческой фантазией автора, сейчас трудно судить, так как до нас не дошли старинные записи устного поэтического народного творчества.

Стихи Фирдоуси благозвучны и музыкальны. Поэт часто прибегает к звуковым повторам в игре слов, используя для этого омонимы, но в «Шах-наме» нет ни одного стиха, где эти приемы были бы самоцелью.

Звукосочетание *чанг* (лютя, рука) в «Шах-наме» часто составляет омонимическую фигуру, которая в восточной поэтике называется «ихам».

Фирдоуси пользуется созвучием *анг, чанг* (лютя, рука), *джанг* (война), *паланг* (барс), *наханг* (морское чудовище) и т. д.

Приведем примеры:

Ба чанг ор чангу май оғоз кун.
'Возьми в руки лютию и принимайся за вино'.

Ки сер ояд аз джанги джангӣ паланг.
'Пресытится боем с воинственным барсом'.

На баргаштам аз джанги джангӣ паланг.
'Я не отступил в бою с воинственным барсом'.

Фурӯ монд аз джанги джангӣ паланг.
'Он утомился, сражаясь с барсами'.

Басе деву шеру палангу наханг.
Тобаҳ шуд зи чангам би хангоми джанг.
'Много дивов, львов, барсов, крокодилов
Погибло от моей руки во время битв'.

В последнем бейте ритмичность создается пятикратным повторением звукосочетания *анг* и словами *дев-у шер-у*, а также безударным соединительным союзом *у*, повторенным трижды. Следующий бейт аналогичен:

Ки аз деву шеру палангу нахане
Натарсиву ҳастӣ чунин тезчанг.
'Дивов, львов, барсов, крокодилов
. . . . .
Ты не боишься и обладаешь мощной десницей'.

Другую группу ассонансов и аллитераций составляют слова *шуд* (стал), *шод* (радостный, веселый) и *шах* (шах). К ним Фирдоуси подбирает созвучные с ними слова:

Зи гуфтори ӯ шод шуд Сова-шоҳ.

‘Его словам обрадовался Сава-шах’.

Зи гуфтори ӯ шод шуд шоҳи Ҳинд

‘Его словам обрадовался шах Индии’.

Чунон шод шуд шоҳи Кобулситон.

‘Так обрадовался шах Кабулистана’.

За дидори ӯ шод шуд подшоҳ.

‘Увидев его, обрадовался ладшах’

Чу Бежан чунин гуфт шуд шоҳ шод.

‘Когда Бижан сказал так, шах обрадовался’.

Ба дидори ӯ шод шуд шаҳриёр.

‘Увидев его, обрадовался государь’.

Аз он шод шуд шоҳ,у бинвохтшон.

‘Обрадовался шах тому и обласкал их’.

Аз ӯ шод шуд шоҳу қард офарин.

‘Обрадовался ему шах и похвалил’.

Ассонансы в этих стихах создаются посредством повторения долгого гласного *о*, аллитерации — повторением согласных *ш* и *д*, *х*.

В следующих стихах аллитерации созданы звуками *ф* и *к*:

Сияҳ сумму кафкафкану шеркуш.

‘С черными копытами, с брызжущей пеной,

убивающий льва’.

Занахнарку кафкафкану дасткаш.

‘С мягкой губой, брызжущей пеной, обученный’.

Удивительно музыкальны два следующих бейта со-звучными аллитерациями «одж»:

Биёвехт тоджаз бари тахти содж,

Ҳама содж — оджу, ҳама одж — тодж

‘Он подвесил венец над тронном платановым,

Весь платан — слоновая кость,

и вся слоновая кость — венец’.

Часто встречаются ассонансы с долгим гласным звуком *у*, а также *уй*:

Ҳама моҳрӯю || ҳама джаъдмӯй,
Ҳама ҷарбгӯю || ҳама мушкбӯй.
'Все лунолики, все кудрявы,
Все красноречивы, все пахнут мускусом'.

В приведенном бейте каждое полустипение имеет внутреннюю рифму, после которой следует цезура.

Ниғаҳ кард барно бадон хубрӯй,
Бадон мӯю он рӯю он рангу бӯй.
'Посмотрел юноша на ту красавицу,
На те волосы, на то лицо, тот румянец
и благоухание'.

Ҳама зору гирёну пур об рӯй,
Забон шоҳгӯю равон шоҳдҷӯй.
'Все плачут и рыдают, лица в слезах,
На устах — нямя шаха, в душе — помыслы о шахе'.

Агар моҳ дҷӯй ҳама рӯи ўст
Вагар мушк бӯй ҳама мӯи ўст.
'Если ищешь луну — так это её лицо,
Если вдыхаешь мускус — так это её волосы'.

Многие стихи Фирдоуси одновременно содержат и ассонансы, и аллитерации:

Зи Турон фаровон сарон кушта шуд,
Зи номоварон бахт баргашта шуд.
'Много погибло туранских наездников,
Счастье отвернулось от витязей'.
Саворону гурдони Эрон дамону...
'Наездники и витязи туранские
стремительно...'
Далерону гурдони Эрон сипоҳ.
'Храбрцы и витязи иранского воинства'.
Ба овард мард андар ояд ба мард.
'В битве мужи сходятся с мужами'.
Бадон достон гашт ҳамдостон.
'Он согласился с тем намерением'.
Маро довари додгар дод дод.
'Правосудный Судия воздал мне
справедливостью'.

В последнем полустииши слово *дод* — омоним его значением 'дал' и 'справедливость'.

Оригинальна и неожиданна следующая рифма:

*Биёмад дамон то бари он се турк,
Чи турк он! Диловар се гурги ситурк.
'Поспешно подбежал к тем трем тюркам.
Какие там тюрки! Три 'храбрых матёрых волка'.*

Фирдоуси не стремился придать стиху звонкость, напевность и музыкальность. Однако его поэтические приемы не затрудняют понимания текста, поэт не подбирает слов только из-за их благозвучия, если они не служат углублению мысли, раскрытию образа.

* *
*

В конце X в. некогда сильное государство Саманидов клонилось к упадку. Одной из главных причин этого были непрекращавшиеся феодальные междоусобицы. Надвигалась опасность нового вторжения кочевников.

В этих условиях появилась необходимость в литературном патриотическом произведении, призывающем к ликвидации междоусобиц, к объединению народа для борьбы с завоевателями. В создании такого именно произведения и видел Фирдоуси свою главную задачу.

Поэма «Шах-наме», первый вариант которой был закончен в 994 г., показывая героическое прошлое народа, пробуждала у современников патриотические чувства, волю к борьбе и победе, сознание ответственности за судьбу родной страны.

Впоследствии в Иране и Средней Азии интерес к «Шах-наме» неизменно возрастал в периоды безвластия, политической раздробленности и иноземных нашествий.

«Шах-наме» — глубоко народное произведение. В основе его лежит идея борьбы добра и зла, восходящая к древним народным преданиям. В поэму вошли

многие сказания и легенды. В них отразились лучшие чаяния народа, нравственная сила и мужество его героев.

Гениальное творение Фирдоуси, выдержавшее тысячелетнее испытание временем, живо интересует и современного читателя.

Поэма «Шах-наме» — одно из классических произведений Востока, замечательный памятник мировой литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	5
Предисловие	7
Эпоха и жизнь Фирдоуси	9
Композиция и содержание «Шах-наме»	28
Идейная основа «Шах-наме»	66
Главные персонажи «Шах-наме»	89
Образы правителей	89
Образы богатырей	103
Образы тружеников	131
Женские образы	139
О творческой манере Фирдоуси	149

Магомед-Нури Османович Османов

ФИРДОУСИ
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

*

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман*
Корректоры *Е. А. Мамуконян, Э. Н. Раковская*
и *М. М. Хасман*

*

Сдано в набор 27/X-58 г.
Подписано к печати 4/IV-59 г.
Т-00098 Формат 84×108¹/₃₂ Печ. л. 5,75
Усл. п. л. 9,43 Уч.-изд. 9,78
Тир. 2800 экз. Зак. 2365
Цена 6 руб.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
178	20 св.	<i>оғоз</i>	<i>оғоз</i>
179	11 св.	<i>За</i>	<i>Ба</i>
179	5 св.	<i>тоджаз</i>	<i>тодж аз</i>

Зак. 1054

М. - Н. О. О С М А Н О В

Фирдоуси

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

6 руб.